

ISSN 2221-9331

Литературно-художественный журнал

Том 29
2016

Институт Восточно-Славянской цивилизации
г. Харьков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель — А. Г. Романовский

Главный редактор — Л. И. Мачулин

Редакция не ведёт полемику на страницах издания.
Переписка с читателями по усмотрению редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес для писем:
e-mail: editor01@list.ru
<http://slvn.org/>
тел./факс +38 (057) 700-40-25

Віктор ТИМЧЕНКО

СЛОБОЖАНИ

* * *

Схопить би, як жарину, в жменю,
роздмухат в глибі далини.
Червона зірка.
По найменню
ні більш, ні менше – “Бог війни”.
По ній колись вітри гуляли,
дзвеніли, тьохкали птахи,
й свої кораблики в канали
щодня пускали дїтлахи.
Усе під пилом, всі епохи.
І холод з вічної імлі.
Та ми й самі хїба що трохи
до того краю не дійшли.
І де б нам здібати пророка,
щоб напоумив віщий глас –
чому оте червоне око
незмигно дивиться на нас?

* * *

Ми називаємо це землетрусами.
Тисячі й тисячі нових смертей.
Рано чи пізно, а визнати мусимо:
за недостойних страждав Прометей.
Кожен той поштовх, здається, засвідчує,
байдуже, добрі усі ми чи злі,
то калатає з великого відчаю,
з гніву великого серце землі.

* * *

Не правда, що світ уже неміч скорила,
що виссав його вурдалака якийсь.
Бо майже під сонце Ікарові крила,
хоч віск їх і зрадив, та все ж дотяглись.
Бо йдеться звідтоді в годину напасти,
як віра в душі й голова на плечах,
коли вже й судилось в безодню упасти,
то тільки з-під сонця у всіх на очах.

* * *

Не знати – віщій дух присутній,
чи хмара тиха дощова,
коли удень зненацька сутінь
не в хату – в душу наплива.
Від неї в дивнім супокої,
де кожна хвилька неспроста,
не відмахнутися рукою,
не заховатись за хреста.
У ній віки вляглися й далі.
Невідворотна сутінь та
усе – і радості й печалі –
в свою подобу оберта.
Тому й здається, як неначе,
прислухайсь тільки, придивись,
в тобі в цю мить сміється й плаче
з прадавніх пращурів якийсь.

* * *

Чи казка, чи ні, а дійшло,
що іменно десь на Поліссі
не йшов у древянське село –
летів Кожум'яка по лісі.
Летів, бо шалено несла
спокую збурена сила,

бо дівка із того села,
найліпша з дівок, запросила.
І раптом в куцах печеніг.
Стріли дві у грудях, як свічі.
Скрутивсь у баранячий ріг
і дивиться, дивиться в вічі.
– Добий! – як крізь сон, прохрипів, –
Добий! Я ж бо теж не собака... –
І гострий піднявши топір,
на хвильку завмер Кожум'яка.
Його у цю мить не втіша
уже кароока надія,
бо молиться нишком душа,
що смертю й життям володіє.

* * *

Хтось викопав криницю під вербою.
На зрубі ще й відеречко старе.
І ноги вже бредуть самі собою.
Жара – прями́сінько із пекла пре.
Загайсь на хвильку, спопелить, задуше.
Один ковток – і горе не біда.
Не те що тіло, навіть спраглу душу,
Повік свячена, освіжа вода.
То хто ж ти був, мій брате безіменний,
Що так от просто сотворив добро?
За воду помолився і за мене,
Ще й не забув поставити відро.

* * *

Мої сивенькі слобожани,
куди там «цоб», куди «цабе»,
ще змалку знали й поважали
і круторогих, і себе.
Та їх давно немає поруч.

І ми збиваємося з ніг:
ліворуч брати чи праворуч,
хоч як не цвѡхкає батіг.
І дідусі не говірливі
махнули б, мабуть:
«Не біда!
Солому прив`яжіть на лівій,
на правій сіно – і гайда!»
Але за промислом лукавим
ми все збиваємося з ніг
і плутаємо ліве з правим,
хоч як не цвѡхкає батіг.

* * *

– Позолоти, чорнявий! Карта просить.
Хоч гривеник!
– Здуріла! Скинь п'ятак.
А по-циганськи лаятися досить.
Ти не на того кинула й не так.
Он бачиш – двоє?
Смирні та солідні.
Здається, лусни – не впадуть у гріх.
Іще в позаминулому столітті
очима прадіда я вгледів їх.
Надубав парубійко на кургані
та й приховав пістоля і списа.
Один шепнув ясновельможній пані,
а другий спину канчуком списав.
І «письменами» отими густими
встелятиметься довго їхня путь.
На кого в тридцять сьомім не устигнуть,
в гестапо в сорок другім донесуть.
Їм байдужісінько, чиї знамена,
яка народу випада судьба.
Один нашіптує комусь на мене,
а другий подумки стьоба й стьоба.
І не дивись на мене очманіло.
Гадай на них без сумніву й жалю.
Гадай, щоб аж колода почорніла!

Не гривеник – червінця відвалю.
Лише б одне узнати до останку:
чи буде край в живучих «близнюків»?
А раптом та й спіткнеться об циганку
найпроклятуща загадка віків.

КУЛЬГА

– Богутенко? Їх у нас багато.
Ви б Кульгу спитали. Він же швець.
Знає всіх. У нього крайня хата.
Швидше через луки навпростець.
– Богутенка? Це ж якого, хлопче?
Я із Богутенків.
– Ви ж Кульга!
– Ну, й Кульга. Земельку часом топче,
і така ось липова нога.
Темна допотопна дерев'янка
зиркнула з-під верстака на світ.
Сало з часником, гранчаста склянка
і сліди.
Сліди від двох чобіт.
Чийсь наказ, чиясь тихенька зрада
під тими рипіли чобітьми
в сорок другім – снігом Сталінграда,
в сорок восьмім – снігом Колими.
«Відморозив ногу? Чи й не клопіт!
Відчикрижимо якраз у строк.»
І пішов один по світу чобіт,
й дерев'янка рядом крок у крок.
... «Богутенко? Їх у нас багато.
Ви б Кульгу спитали. Він же швець...»
Та не завжди з краю крайня хата,
і не так-то просто навпростець.
Бо в ході, в самій ході старого
деручким питанням кожен крок:
скільки залишилося від нього
не прокльонів, ні, –
важких крапок.

ПЕРВІСТОК

Усе: наркотики, вино
І цигарки на кожному розі,
Ще й пестициди заодно
У нього стали на дорозі.
Підстерігали всякий час,
Як не попереду, то слідом.
Іще до того, як зачавсь,
Він був приречений на біди.
Але охрещений жалем,
Благословенний добрим словом,
Він повноправним королем
З'явивсь у царстві пелюшковім.
І не комусь там одному,
У тій, у королівській люді,
А, певне, світові всьому
Свої маленькі крутить дулі.

* * *

Не гаразд сьогодні, не гаразд.
В полудень присіла біля столу,
та й не підвелась.
Забула враз
й клопоти і їжу прохолону.
Часом задихається і квіт.
Наче ж і не хворіла ніколи.
Від Петра вернулася з Москви.
З Києва вернулася від Миколи.
Умовляли, сердилися, дурні.
Думали – розприндилася мати.
Не хазяйство в рідній стороні,
їй минуле страшно залишати.
Хух! Здається, легшає таки.
Мов розвиднилось перед очима.
В бур'янах по вуха буряки,
а вона розкисла. От причина!

Ще он важкувата голова.
Пальці ледь ворущаться – потерпли.
... Вечір, наче свічка, оплива,
й кожна хвилька, мов краплина, тепла.

* * *

На лавочках історія живе,
сивесенька уся, надсадно дише.
Все рідше згадує про фронтове –
про те, що змалечку, усе частіше.
Розбійницький наліт на чийсь-то сад,
відмиті в рівчаках кривця присохлі,
і крадений у діда самосад,
і все блаженство в печеній картоплі.
Кому який би не судився вік,
бо зрештою усі святі і грішні,
один по одному, із року в рік,
відходять шибайголови колишні.
Змовкають шамкітливі балачки,
і вслід, чогось неначе недочули,
одна по одній їхні лавочки –
то тут, то там відходять у минуле.

* * *

На широких луках доріжка вузенька.
Жайворонок тонко в тишу ввівся.
Ось уже й мантачка голосисто дзенька –
із самої смерті викрешує пісню.
Виклепана звечора, скупана в світанні,
посвистує коротко замашна коса.
І трава, хитнувшись в подиху останнім,
із коси спадає тихо, як роса.
Ну, а їй би дощину, їй би з тиждень ще оце.
Жила у мовчанці, мовчки й помира.
Найперша у світі сонцева хрещениця,
наймолодша в лузі вітрова сестра.

Не достигла?
Байдуже!
Бо трава – не жито.
Норовиста сила у хлопця в руці.
Підтинає з розмаху літо недожите,
а слідком покоси – зелені рубці.
... Відgrimлять, відкотяться крутохмарі весни,
і дихне незвіданим тиша снігова.
Аж тоді, косарю, аж тоді воскресне
незбагненним смутком молода трава.

* * *

Дерева, неначе сліпі,
обмацують небо гілками.
І сіються разом з листками
осінні росинки скупі.
І чомусь із смутку усмішка
в душі потихеньку зрина.
Он свіжа лягла борозна –
у весну прийдешню доріжка.
Бджолиний урветься політ
над гречкою десь молодою.
І сонях кивне головою
веселому сонцю услід.
І будуть тверді мозолі
творити, як пісню, роботу,
й краплинами щедрого поту
окупиться щедрість землі.

* * *

Я туди хоч у думці поїду.
Може, там, не спитавши чия,
прямо в душу тутешньому діду
хлюпне Гангу свята течія.
Звідтіля поспішати не буду.
Хай доточуть і духу й снаги:
недосяжність великого Будди,

гімалайські сліпучі сніги.
Годі, пане!
Даремна надія.
Не освятить чужинська ріка.
Тільки дурень в думках багатіє.
Тричі дурень кудись утіка.
Будуть щедрими жито й пашниця,
і не знать слобожанам біди,
поки в Лопані ще залишиться
хоч краплина живої води.

НОВОРІЧНЕ

На сніг і натяку нема.
Дощі липучі, як дрімота.
Бо зновилася зима,
не в ті заїхала ворота.
А з неї, спробуй щось візьми!
Блукають між дерев байдужих,
мов на підпитку дві куми,
нудьга і сутінь по калюжах.
Оце і все, і рік новий.
Але не вперше нам ховати
самих себе у дух живий –
до світу нашого, до хати.
Ми не по східцях – по роках
не йшли, а бігли, наче діти,
в той світ, що хлібом весь пропах,
де можна й душу відігріти.
А Дід Мороз, він знає все,
куди й чого зима заїхала,
і по калюжах принесе
у торбі нам веселу віхолю.

Анатолий МИРОШНИЧЕНКО

ЗОЛОТНИКИ

* * *

Поэзия бессмертна, как трава.
Она всегда растёт не там, где надо.
И говорит не то, что жаждут слышать
Калифы, президенты и цари.

Недаром же диктаторы всех стран
Её под корень извести стремились,
Иль превратить в послушную служанку,
Иль приручить и прикормить, как кошку.
Но это никому не удавалось в прошлом,
Да и в грядущем не удастся никому!

* * *

И дождь идёт,
И молния сверкает,
И гром гремит.

Всё приедается, надоедает,
Как бисер, нонпарель, петит,
И кажется порою сном,

Но никогда меня не тяготит
Ни дождь, ни молния, ни гром...

* * *

Наверно, лютою зимою
Ты выйдешь в полночь на крыльцо,
И над тобой взойдёт Луною
Моё печальное лицо

И скажет тихо и особо,
Что ты венец моей Судьбы,
Что я тебя, моя зазноба,
И в Космосе не позабыл...

* * *

Я обращаюсь снова к старой теме
И повторяю, что среди планет
В полуобжитой Солнечной системе
Такого Шара, как Земной, и рядом
(Хоть выстрой все её шары парадом)
Прекрасней, восхитительнее нет!

* * *

Мне во время и после войны повезло:
Я остался живым в оккупации, в голод,
Не попал я под бешеный сталинский молот,
Не пожрало меня оголтелое Зло...

На виду безымянных, бесчётных могил
Жизнь мне щедрой рукою Господь подарил,
Чтоб созрел я и в междоусобном дыму
Я служил необъятной Руси и Ему.

* * *

Ужасны военные были
Гражданских и прочих сортов:
Когда мужиков перебили,
Детей их осиротили,
Оставили воющих вдов...

А выжившим гитлерам всё нипочём:
Они уже атомным машут мечом...
18.11.2010

* * *

О, если б знать Судьбу свою заранее!
Когда к стене прижмёт меня беда,
Не причиняя никому вреда,
Уйти бы и рассеяться в тумане...

* * *

Пусть я простак, пусть я глупец, пусть лох —
Пока со мной мой милосердный Бог,
Пока со мною солнечная Русь, —
Я ничего на свете не боюсь!

Пусть я бездомен, как последний БОМЖ,
Пусть в храме я на нищего похож,
Пусть я издолблен, как хамъём гранит, —
Меня в любом обличье Бог хранит...

* * *

В ночь ужасающих русских утрат,
Под причитания Гамаюна,
Я просыпаюсь в четыре утра
Двадцать второго июня...

Там я лишился навеки отца,
Там, несмышлёныш, воссел я на тризне,
Там до сих пор будоражат сердца
Колокол смерти и Колокол жизни...

* * *

Окстись, пустого не мели,
Пирам не предавайся пышным;
Трудись, как пчёлы и шмели,
И будешь ты любим Всевышним.

* * *

Позванивая колокольчиками,
Коровы шли на водопой
К реке, протоптанной тропой,
Меж мочажинами и кочками.

И общей жаждою влеком,
Телок меж ними суетился:
Он тоже к речке торопился —
За материнским молоком!..

СНОВИДЕНИЕ

На плоской, белой, солнечной вершине
Стою и вижу в бессюжетном сне,
Как человек, привязанный к машине,
Идёт и давит сапогами снег...

Ему не до красот и не до смеха —
Он связан мыслью с собственной бедой...
А снег скрипит, и громовое эхо
Разносится над каменной грядой...

* * *

...Похоже, я вошёл уже в пике,
Пробив тумана ледяного космы,
И вижу, как сквозь щели в потолке
Моя энергия уходит в Космос...

Не удержу её, шумя, шалея, —
Пускай летит в созвездье Водолея.
Смешно шуметь, когда мне два по сорок!
Там наша встреча состоится скоро...

ВОЗЗВАНИЕ К ПОЭТУ

Пиши о Нём, пиши о Нём
И повергай нас в трепет,
Пока душа горит огнём,
Пока бумага терпит...
Пиши и Небесам внемли,
А не царю Гороху,
Пока тебя не повели
Пилаты на Голгофу...

* * *

Горячая, гибкая, как сиамская кошка, —
Не отвести глаз!
Чувств — окрошка,
Память — с тобой на Каме...

Сколько же раз
Ты царапала мою душу
Своими алмазными коготками!..
И я опустился с небес на сушу,
Где холодно мне и тесно,
Где я не нахожу себе места...

* * *

Работал я в райцентрах и в столицах;
Ходил просёлками и большаком;
Не ездил по холёным заграницам;
В КНДР не стал большевиком...

И потому душа и сердце рады
Былым энтузиазму и огню,
Что мне вручали знаки и награды
За честный труд, а не за болтовню...

Георгий КУЛИШКИН
Из книги «Мужской роман»*

Я НИКОГДА НЕ ЖАЛОВАЛСЯ...

Партийный работник... А если это женщина, то — работница? Она чуть-чуть постарше меня. А то и не старше — строже.

Пригласила сесть и слегка сместила в сторону бумаги, показывая, что готова слушать.

Я не знал, как это делается, я никогда не жаловался. Тем более, женщине, и хуже того, ровеснице. Слова подворачивались всё какие-то слезливые, для здорового мужика просто позорные.

А она мрачнеет, мрачнеет. Вижу — взваливаю на неё такое, чего бы она с превеликим удовольствием знать бы не знала и ведать не ведала.

— Понимаете, как получается... — ответила она, тоже с трудом подбирая слова. — Люди сами проштрафятся, а потом приходят сюда и во всех смертных грехах обвиняют милицию. Мне кажется, в вашем случае это не совсем так. Но всё же скажите... Только честно: вы, вы сами виноваты перед законом?

Я ожидал, что так и спросят. И настраивался тарашить честные глаза. Но тут чёрт его знает с чего развёл руками:

— У нас так говорят: если сапожник ушёл домой без рубля — это не сапожник. А я сам сапожник, и у меня пятьдесят настоящих сапожников в подчинении. Вот и судите. И я не прошу меня защищать. Меня — заслужил — так и сажайте. Но пытаться жену...

Не подумав, сказал, а вижу — убедил. Она решилась.

Через несколько минут мы были у заведующего отделом. А спустя минут двадцать в кабинет завотделом на цыпочках прокрадывались правоохранители. От обильного потения мокрый, как из бани, Мальков. Верлиока, окосевший вдруг до такой степени, что с ним больно было встретиться взглядом. И

кругленький, словно смазкой, весь умасленный хитростью, простачок Диденко, начальник отдела борьбы с хищениями.

Из-за отсутствия других мест они уселись под стеночку, в один рядок со мной. Соседство коробило Верлиоку, и он, брезгливо поёживаясь от касания к моему локтю, без спросу заявил:

— Я, как эксперт, обязан предостеречь партийные органы от ошибки! За этим вот... и с ним ещё один Остап Бендер... хищения в особо крупных размерах! Сравнимых по масштабу хищений не было за всю историю района. И я это докажу!

Наступила пауза. За широкой спиной Верлиоки приободрился, стал просыхать Мальков. Диденко из-под личины простачка пытливо поглядывал на партийных.

— Ну, во-первых, — послышался негромкий женский голос, — доказывать, как я понимаю, не ваша задача. Лично вы, если я правильно проинформирована, приглашены сделать непредвзятую ревизию. Так?

Ответа не последовало.

— А во-вторых, — её голос стал ещё тише, — разве обязательно, доказывая чьё-то преступление, совершать преступление самим?

Диденко переступил по стулу ягодицами, поспешно отступаясь от своих. Такой оборот дело могло принять только в случае, если за мной кто-то стоит. И, возможно, этот кто-то влиятельнее или равен людям, на которых может опереться он и его ближайшие старшие.

Слипшийся чубчик Малькова в считанные мгновения снова напитался влагой и косо расквасился на лбу. Но отвечать после того, как Верлиоке закрыли рот, выпадало ему.

— Расхитители... — набрался он храбрости. — В особо крупных... В особо! А жалуются, чтобы спрятаться от ответственности!

Меня так и подбросило:

— Кто прячется? Вот он я, весь тут! — и жестом сдающего под наручники протянул руки. — Но ты хватаешь не меня, ты хватаешь кормящую девчонку! Поёшь ей, что её мужа расстреляют, вопрос решённый! Что сама она в ближайшие годы ребёнка не увидит!

— Прошу мне не тыкать! Я офицер!

— Ты — офицер?! — криком вырвалось у меня. — Мразь ты последняя! Ты всю ночь продержал её в кутузке, а под утро пьяные, на пару с этим вот красавцем, что вы ей предлагали?!

— Мы — пьяные?

Я на секунду оторопел от такого вопроса.

— А сейчас вы что, трезвые? Перегарище — рядом сидеть не вмоготу!

— Так! — властно приподнял руку хозяин кабинета. — Вы, — сказал мне, — сейчас пойдёте к Марине Петровне и изложите свои претензии на бумаге. А вы, — это Диденке, — продолжайте расследование. Строго в рамках закона, дело у нас на контроле. И сразу скажу: подтвердятся хищения — один разговор, а не подтвердятся — ответите по партийной линии на всю катушку.

Изгнанный на волю из обезьянника Женька так и подпрыгивал, насыщаясь простором:

— Не могу взаперти! Зубами бы эту клетку! Но ты... Про красный диплом все до единого горбатые слова беру обратно! Ты — гений! Теперь мы знаем, как на них собак вешать! Пусть готовятся, падлы!

Я не мог не улыбаться, глядя на него, но сказал, что не спешил бы праздновать:

— Теперь для них или — или. Или склепать дело, или самим под пряники.

— Вот пускай и попробуют склепать! — подхватил Жека. — Причём не мелочёвку паршивенькую, а как торжественно обещано партии — никем не виданные хищения! И, как им справедливейшим образом указали, строго в рамках закона! В которых они отродясь не работали! Больше тебе скажу: понятия не имеют, где эти рамки вообще находятся! А мы о каждом их отступлении от закона уже имеем, куда сообщить.

Я не соглашался. Жалобщики быстро надоедают. Раз, другой — и нас перестанут на порог пускать. А потом, в этом же райкоме как не иметь им своих людей? Кто-то же ручался за того же Диденко.

— С таким настроением можно только получать по соплям и утираться! А вот когда ты не думал, есть ли у них свои, и пошёл, то по соплям получили они! И будут получать от нас регулярно!

Всю жизнь бес, сидевший в Женьке, поддукивал его, очертя голову, бросаться на опасность. Он так и делал. И пронесило! Смелого пуля боится? Или же люди из благоразумия отворачивали в сторону, предпочитая, чтобы этот полоумный расплющил лоб о кого-нибудь другого?..

Конечно, поддабриваться к следствию себе дороже. Это я знал на собственной шкуре. Но что на следствие надо кидаться с бешенством цепного пса, что ему надо пакостить изо всех сил и возможностей...

— А каков гусь Мефодий, а? — воскликнул Жека с ненавистью, близкой к восхищению. — Судя по услужливости кудлатых, по быстроте и рвению, они им куплены с потрохами! Или по его натырке им скомандовали «фас» с такой высокой горы...

— Ты думаешь, он? — засомневался я.

— А кто же? Ну ты даёшь!

— Не знаю. Мы так с ним говорили... Нет, не укладывается в голове!

— О, эти самородки из кугутов те ещё артисты!

— Нет, не сходится.

— А кто же? Верка? Без его ведома? Ерунда! А если и она — всё одно это он!

НА МИРУ И СМЕРТЬ КРАСНА

Вечером в беседке мы втроём возвращались и возвращались к событиям минувших двух суток, убеждая друг друга в том, что удача, взявшая нашу сторону, останется с нами насовсем. Слово поленья в костре, мы складывали пламя, и я держался этой спасительной объединённости, зная, что одного тоска сомнёт меня, как Женька смял пустую пачку, оставшись без сигарет.

Я успел прибрать излишки, Женька тоже, но бесконечное множество разоблачительных зацепок, способных выдать нас с головой, оставалось на поверхности, и не было никакой возможности избавиться от них. Грамотному следствию — как грибнику на нетронутой опушке. И тогда вонючие, набитые до озверения камеры, лагерь и тоска — тоска, которую носишь, как опухоль, сожравшую всё внутри.

Греясь в беспшабашном бахвальстве друзей, я думал, как точно сказано: на миру и смерть красна! И что законники вовсе недаром приписывают к усугублению ответственности: «То же деяние, совершённое группой лиц...»

Несколько дней отдел борьбы с хищениями ничем не обнаживал себя. Я сдавал мастерскую; ночами немилосердно перегруженная Тохой «копейка», надрываясь, чиркая резиной по аркам кузова, тянула с фабрики припасы, переправляемые нами в сараи родственников и друзей.

Но вот Надежда передала Толиком, что в бухгалтерии изъяты ордера, по которым я получал деньги, и мои отчёты с приложенными к ним чеками ГУМа.

Москва, конечно, подтвердит факт первой покупки, хотя и там расписанная нами сумма была на треть больше истраченной. И наотрез откажется от эпизодов, когда мы, ничего не покупая, получали деньги и расписывали под них чеки.

— Не обязательно! — возражал Женька. — Народ там мёл с прилавка всё, как подорванный. Деньги они мешками сдают и без нас. Чьи сдают — на деньгах не написано, а отрекаться ГУМу от подлинных своих чеков несолидно. Наводит на подозрения... Я бы на их месте чеки признал. И кто такие наши кудлатые в Москве и ГУМе?

— А если они объяснят местным коллегам, что речь идёт об их шкуре? И если девчонки признаются, что чеки мы штамповали сами и расписывали дома?

— Мы скажем, что это враньё. Рука на чеках Любанина и Маруськина, наш с тобой почерк не присутствует. Запугали их, как запугивали твою супругу, вот они и оговаривают себя!

— Думаешь? — допытывался я, набираясь у Женьки уверенности.

— Не сомневаюсь! Остаток змеек у нас весь в наличии, а под пустые чеки было бы пусто и в кладовой. И змейки в остатке все из Москвы. Под разницу между остатками и закупкой — наряды о проделанной работе со сданной под них выручкой. У нас неубиенная позиция. А что у них, у ГУМа? Деньги, которые они получили от нас и по какой-то причине не сдали в кассу? Да мало ли какой там у них внутри шахермахер! Что ещё? Слова о том, что мы якобы сами штамповали чеки? Детский лепет!

— А я что-то никак не догоню этих обэхээсников, — пытливо заглядывая нам в глаза, признался Толик. — Всё через задницу! Помчались как угорелые с обысками и арестами по домам, не проверив мастерские. Прошла неделя, они опомнились, изымают отчётность! Почему не в первый день? Почему не сняли готовую обувь с полок, не поинтересовались, что там вшито?

— Как хорошо, что ты работаешь не у них!

— О-о, у меня бы раскрываемость была десять тысяч процентов! Меня по комсомольской линии стали было подключать к рейдам народного контроля. Ага. И кто-то капнул на одного из членов парткома, что тот построил левый гараж. И

нас — туда, для сведений под обоснованный ответ, что всё тип-топ. Ага. Приходим, тот нам папочку, вот, мол, ребята, накладные и чеки на приобретение всех материалов! Я говорю — на все? На все! А вот на эти два рельса в потолке? Он: «Ё-о!.. Как же я их не забелил!..» Мне, — удивлялся себе Тоха, — ни в бумажках ковыряться, ни искать! Меня как под руку кто толкает. И сразу — в точку!

— Да, великий сыщик в тебе пропал! — воскликнул Женька. И подкузьмил: — А может, ещё не поздно?

— Не, без смеха, — сказал Толик, — я бы в генералы — как из пушки!

— То в директоры, то в генералы! — фыркнул я. — В одно место пальцем!

— Это почему же? — весело поинтересовался Тоха, ничуть не сожалея о карьерных фантазиях, так бесцеремонно подвергнутых осмеянию.

— В контроле ты долго продержался?

— Нет, после того партийного как-то перестали звать...

— В мусорах с такими уникальными способностями ты продержался бы ещё меньше. Только, учитывая, как часто тебе шлея попадает под хвост, не ровён час, мог бы и ног не унести.

— Да? Очень и очень может быть. Но эти всё равно какие-то, как мешком из-за угла...

— Они и есть — мешком! — уверил Женька. — Димкина работа! Они получили сладкий заказ, поехали нас, тёпленьких, накрыть дома. Назавтра спокойно поковырялись бы в мастерских, изъяли бы на фабрике отчётность... А тут им Димка из-под партийной чести и совести — хлопбысь по детородным органам! Неделю, про которую ты говоришь, они сидели обделанные и принюхивались, что им можно и чего нельзя. Вот сунулись за отчётностью...

Ещё через пару дней Толик привёз на ночной сход в штаб-беседку Надежду.

Голосом человека, разглашающего страшный секрет, она сообщила, что Верлиока изъял ещё две связки документов, грубил Эвелине, кричал, что она покрывала бестоварные операции.

— А Эвелина, — вклинился Тоха, страдавший от переизбытка жгучей информации, — а Эвелина ему: «Что вы выдумываете! А змейки на складе, а змейки в мастерских? А чеки?» — и нетерпеливо пришпорил Надежду, требуя продолжать.

Привыкшая к жёсткости его ласк, она, качнувшись, покосилась на него с улыбкой и приняла эстафету:

— А он ей: «Где эти змейки украдены, мы уже знаем! А по поводу чеков — вот полюбуйтесь!»

— И показывает чистуху от продавщицы! — не дав ей вдохнуть, перехватил слово Тоха. — Та идиотка московская пишет, что за чеки вы водили их в ресторан и что она молодая, ещё исправится и просит не судить её строго! А вы водили? — вдруг по своему обыкновению слетел он с магистральной темы, любопытствуя о ресторане как о прелюдии к амурному приключению.

— Водили, водили! — сказал Женька. — Понравились — мы и сводили. А чеки брали, как полагается! И змейки покупали, всё он брешет!

Слушая Женьку, Наденька смотрела на Толика, через его, Толика, отклик принимая ответ, и продолжала с горячим согласием:

— Эвелина ему то же самое слово в слово: «Я вам не верю!» А он: «Пойдёте соучастницей — поверите! Ему, говорит, расстрел...» — обронила она и осеклась, понимая, что «ему» — это мне и что мне — расстрел...

— «А что вам — посмотрим!» — закончил вместо неё Тоха и опять понудил тычком:

— Ты давай, что дальше-то!

— А дальше, к концу уже работы, она зовёт меня к себе и говорит: «Какие же неопишутые сволочи эта Верка и её Мефодий! Сами взяточники, махинаторы, а на мальчишек такую напраслину!» И даёт...

— И даёт ей... — раскрыл Тоха сложенный вчетверо лист.

Женька принял бумагу, пересел с ней на перила беседки и, вытянув руку, вынес лист под свет фонаря.

— Вот! — нетерпеливо совал Тоха пальцем в убористые строки. — Вот и вот! До нас была выручка и с нами! В полтора раза выросла с нами выручка всей фабрики! Говорил я? Говорил?!

— Хорошо, — сказал я. — Мы молодцы. И что из этого?

— Что они без нас — ноль без палочки!

Замечая по Надежде, что там, в бумаге, есть что-то поважнее наших заслуг, я придержал его за руку, чтобы она смогла сказать:

— С выручки начинается. А дальше подробно расписано, как они выручку прятали, чтобы не нагнать себе плана.

— Так. И?.. — спросил Женька на взволнованном выдохе, уже улавливая, какой убийственной силы сведения передала нам Эвелина.

— Как она сказала, это самые настоящие приписки к плану. За это директорам дают от шести лет и тоже... — она запнулась на произнесённом впопыхах «тоже», — до высшей меры...

— Вот! — ударил Женька тылом ладони по ответившей звучным хлопком бумаге. — Это вам не миф о похищенных «молниях»! Мефодий, Мефодий!.. Сам весь в говне и туда же — чирикает!

— Пойдите, а Эвелина? Она подписывала?

— В том-то и дело, что нет! — выпалил Тоха. — Как к ней ни подъезжали — нет и точка!

— Молодые прогрессивные работники, — начал Женька с выражением читающего с трибуны, — увеличили выручку в полтора раза! В ответ на это погрязшее в лихоимстве старое руководство, испугавшись за свои тёплые и сытные места, развязало против них травлю, дошедшую до клеветнических обвинений в хищениях. А само под шумок вопиюще преступным способом скрывает дополнительную выручку от государства! А? Как? — спросил он и, не дождавшись оценки со стороны, высказал собственное суждение: — Роман в стихах! За ночь состряпаем и с утра пораньше — в райком, в прокуратуру... Куда ещё подкинем экземплярчик?

Его заряженное энергией мщения «я так хочу!» срывалось, как валун с горы, и мелким «хочу» или «не хочу» всех прочих ничего не оставалось, как катиться следом. Но тут я сказал:

— Не так быстро! — и три пары глаз с укором за отнятое у них торжество уставились на меня. — Не так быстро. Для начала спросим у Нади — она готова распрощаться с работой? Ежу понятно, что компра пришла к нам через неё...

Надежда преданно взглянула на Толика, и тот подтвердил:

— Она готова!

— Очень хорошо. Тогда придётся подождать до твоего увольнения. Через неё — значит, и через тебя. Как бы они тебя не придержали в заложниках после таких известий...

— Да, ч-чёрт! — с досадой согласился Женька.

— А когда Толец спрыгнет, я бы сходил к Мефодию. Надо удостовериться, что это он сдал нас в ломбард.

— Эвелина и та знает — он! А ты антимионии разводишь! Сходил бы! Это называется раскрыть карты, дать им концы

попрятать!

— Отчёты ушли наверх. Надь, скажи, смогут они тут что-то переиначить?

Она отрицательно тряхнула головой.

— Не переделают, так приготовятся! — злился Женька уже и на неё. — Тёпленькими взять... — прорычал он, изнывая по возможной утрате внезапности.

— Нет, пойду. Пусть в глаза скажет! И поставлю условие: или гасит змейки, или сам загремит под фанфары. Если «фас» сказал он, скажет и «фу». А нам важнее не утонуть самим, чем вместе с собой утопить и его.

ЗАМАХНУЛСЯ — БЕЙ!

Голос у меня дрогнул. Этот человек уже не был моим директором, но дистанция, которую я чувствовал всегда, не исчезла. Некое человеческое превосходство, превосходство вожака оставалось за ним.

— Зачем, — неуверенно начал я, — Зачем вы это сделали, Иван Мефодиевич?

— Я этого не делал, — ответил он, прямо глядя в глаза.

— А кто же? — произнёс я, первым отводя взгляд в сторону.

— Не знаю. Мы с Верой перебрали всё. Не знаю. А совпало или подстроено — вроде как наша подлость. Чтобы тебе знать: я был там. Письменно показал о присутствии, когда вы покупали. И свидетельствую законность.

— Вызывали или вы сами?

— Они спрашивали по телефону, а я пошёл. Ещё вот что: снабженец поручил новому помощнику сдать в макулатуру старые книжки с копиями нарядов. А тот по незнанию свёз не лежалые, а последние. Вот. Значит, отсюда будь спокоен: ни заказчиков, ни что вшивалось, по нарядам им не найти.

— Это их вы?..

— Они покажут, что ошиблись сами. Мы с Верой по косточкам перебрали. Скажу так: крови попьют будь здоров, это да, а предъявить что-то грозящее тюрьмой — это нет.

Он говорил, будто зная, с чем я пришёл, и будто стремясь помочь не говорить слова, сказав которые я перестану быть тем, кем был в его глазах.

— Спасибо. Но я пришёл попросить...

Он наклонился глубже над столом, показав готовность принять просьбу.

— Закройте это дело.

— Как? — произнёс он, словно усомнившись, знает ли вполне свои возможности.

— Через связи.

Его зрачки сбились с фокуса; глядя сквозь меня, он оглянулся на то, что считал своими тылами, и с некоторой долей растерянности, как об открытии, которое не обрадовало, сказал:

— У меня нет таких связей.

— Нет? А как же вы — в директоры?..

Он приподнял плечи, пытаясь, видимо, и себе ответить на этот вопрос, и предположил:

— Как ты — в заведующие, как Вера — в главные. Справлялся — назначали.

— Иван Мефодиевич, — нащупал я ниточку, — дело надо закрыть. Представьте, что отбиваете себя. Или Веру Павловну.

Он добросовестно погрузил себя в горькую фантазию и спросил, ища у меня совета:

— Как?..

— А деньги?

Подумав, он сказал:

— Не! Возьмут себе в голову, что тут точно что-то не то. Посули — не отстанут.

— Иван Мефодиевич, ищите! Что-то надо найти. У меня в руках полный расклад, как вы прятали выручку. Не найдёте — лапти сплетут вам с Верой Павловной не хуже моих.

Он распрямил спину, отстранился. Смотрел без гнева, а жалея меня. Или жалея о том, что я всё-таки сказал.

— Веры там нет, — ответил он. — Там я один. И мельтешишь не буду. Как и тебе не советую. Да, подправил выполнение, чтобы не было сегодня густо, а завтра пусто. А денег не прятал, красть не крал. Если душа чесноку не ела, вонять не будет.

— Подумайте, Иван Мефодиевич! Сколько вам дать времени?

— Веры там нет, нисколько не давай.

— Вы понимаете, на что меня толкаете?

— Понимаю.

— И что же мне делать?

— А что тебе делать? Замахнулся — бей.

ЭКСПЕРТИЗА

Мы ударили. Жалобой, которую я сочинял и правил двое суток. Она не давалась мне, была изворотлива, как обозлённая чужая кошка. Я напирал на грехи руководства, а жалоба

оборачивала это признанием в подлости. Я говорил о радении делу, и от моей праведности за версту разило демагогией. В итоге я махнул рукой и смирился, признав огрехи неизбежной данью жанру.

Женька раскритиковал моё авторство в пух и прах. Ему, как сока, как соли, перца и уксуса не доставало как раз того, что я с таким старанием вымарывал из текста. Впрочем, сильней его доводов оказалась его же лень, и ябеда ушла по адресам в моей редакции.

А вскоре, словно ответ, пришла повестка. Вызывали Женьку. Одного...

— Вот! — сказал Мальков и с оглядкой, чтобы не в руки, положил перед Женькой бумагу, продолжая держать её за уголок.

— Это вы официально приносите извинения?

— Нет, — со снисхождением к остротам обречённого вымолвил Мальков. — Тут ваш с подельником арест и в недалёкой перспективе — расстрел.

Женька и не глянул в бумагу: поинтересуйся — спрячете, знаем мы вас!

— Так мне звонить домой, чтобы несли вещи?

— Умничает! — фыркнул из своего авторитетного угла Верлиока. — Ну-ну.

— С вещами успеется, — выдержал взятый тон Мальков. — Пока советую прочесть.

— Ну, если настаиваете...

Прочтя, Женька пожал плечами:

— И что?

— А то, что ты допрыгался! — гаркнул Верлиока. А Мальков сказал почти примирительно:

— Понимаешь, симпатии к тебе лично я не испытываю никакой...

— Взаимно.

— Но есть порядок не подводить под высшую меру всех соучастников. Ты в этих махинациях не был материально ответственным лицом, и формально...

— Свидетелем?

Мальков пропустил издёвку мимо ушей.

— Свидетелем — это раньше надо было думать. Теперь думай, как жизнь спасти.

— И как?

— Единственно возможным способом — чистосердечным

признанием.

— Понял. И с чистым сердцем заявляю: вы плохо кончите! Верлиока закричал, давая знать, как у него чешутся руки.

А Мальков, наигрывая сожаление, сказал:

— Что ж, тогда ничем не могу тебе помочь.

— Я тебе тоже.

— Шо-шо-о-о?! — наконец-то прорезался настоящий его голос.

— Мышиное капшо! Вас, обрати внимание, тоже двое. И вот его за подлог этой бумажки ещё посадят или нет, а тебя точно посадят!

Мы с Толиком маялись в квартале от отделения. Женьку распирало новостями, но он стрельнул у прохожего монетку, втиснулся в кабину автомата.

— Фирочка Борисовна! Я самый! Фирочка, у вашего приятеля с «Обувного» — вы ещё нас знакомили, помните? Ага. Так у них в прошлом году украли контейнер змейки... Вопрос? Вопрос — можно ли узнать, какая там была змейка? Ну, длина, металл или пластмасса, фирма на ушке... Так. Так. Это точно? Как в аптеке? Фирочка, нет слов! Просто нет слов!

Женька с облегчением покинул тесноту, которой не переваривал.

— Рассказываю! Состряпали наши благодетели акт, что якобы в предъявленных экспертам наших змейках опознаны молнии, украденные год тому на «Обувном».

— Ерунда какая-то!

— Я тоже подумал, что ерунда. Но это не ерунда! Сумма — хоть на сто дели — всё равно вышак. И главное, эксперты, нейтральные люди, с печатью, с подписями... Смекаете, какой бронёй они теперь прикрыты от наших жалоб? Доложатся партии, получат, твари, «добро», и будем мы с тюремных нар орать, что это ерунда!

— Но это же действительно ерунда!

— А ты докажи!

Я бодро запасаю воздухом и... и ничего не сказал. Доказывать нечем, понял я, и словно комок снега кто-то сунул мне под микитки.

— Запудрили девчонкам в Москве мозги рестораном, выдурили чеки и на деньги фабрики скупил краденое...

Повисла зловещая пауза. Первым с доводом надежды нашёлся Толик:

— Тогда почему вы на свободе? — спросил он. — Вызвать, помахать перед носом бумагой и всё? Что это значит? — и ответил: — Не то ли, что эта бумажка больше никуда не годится, кроме как вас напугать? Чтобы вы с перепугу — мол, было не так, а вот как было! — сами всё выложили.

— Не исключено, — признал Женька. — И Фира утверждает категорически: в контейнере была змейка латунная и вся по двадцать сантиметров.

— Латунная! — подтвердил Тоха. — И тубан же из-за неё тогда поднялся!

— А у нас забрали пластмассовую и метровую! — ожил я. — Акты изъятия у меня!

— Их, — Тоха ширнул в меня пальцем, — мигом надо в надёжное место! Поехали! Поехали!

— Едем! — откликнулся Женька. — А по пути я сообщу вам одну пикантную подробность. За старшего у экспертов Со-тенко Светлана Васильевна, моя близкая знакомая...

ЕСЛИ БЫ Я ЗНАЛА...

Светлана Васильевна приближалась к нашему столику походкой, которая возникает у идущих под танцевальную музыку. Она раздумянилась и так светилась изнутри, словно отведала молодильного яблочка. Женька, тоже озарённый улыбкой, включил в нагрудном кармане диктофон и поправил горошину слуховичка, выведенного через проводок под запонку на рукаве. (Это Толик, с мечтами о подвигах разведчика, бежал в начальных классах в кружок любителей-радистов. Знаний, набираемых некогда взахлёб, вполне хватило, чтобы теперь, конфисковав у отца японский диктофон, используемый при подготовке к лекциям, раскурочить изящное изделие, выдрать пористую головку микрофона и подпаять её через проводки).

Они — Женька и Светлана Васильевна — поцеловали воздух около щёк, произнесли дежурное «гули-гули». Затем, когда уселись, Женька сказал несколько слов, и румянец на скулах Светланы Васильевны подёрнуло серым, щёки дрябло повисли, а глаза, за миг до того озорные, игривые, запали вовнутрь, приняв в себя застарелую усталость, страх и отчаяние.

— Женечка, котик, если бы я знала, что это против тебя!

— А не против меня — можно?

— Жень, ты же знаешь, на каком я, с моей работой, ржа-

вом крючке у них сижу...

— На крючке? А ты понимаешь, что своей бумажкой нам вот с ним за здорово живёшь выписала высшую меру?! В твоём акте ни единого слова правды! — декламировал Женька в микрофон. — Ни единого!

— Ни единого, Жень, ни единого... Они детьми клялись, что это им только замылить глаза прокурорской проверке (вот почему они прохлопали целую неделю!), что никто ни вникать, ни оспаривать... Но я знала, знала, какой грех беру на душу.

— А вот каяться, Светик, будем в другом месте. От писанины твоей гнусной тебе, голубка, и отречься придётся письменно.

Она безнадежно уронила голову.

— Тебя вынудили? — подбирал он мотивы к её покаянию. — Нет! Тебя ввели в заблуждение!

— Ввели, Женечка, ввели! — с новым выражением на лице, какое бывает у девочек, которых уже простили, но которые ещё сохраняют мину принимающих наказание, она сметливо одобрила найденную им поправку.

— Это не ты, это они, Верлиока и Мальков совершили подлог! Они представили экспертизе латунные змейки длиной в двадцать сантиметров, якобы изъятые у нас.

— Да, конечно. Они забирали, они же дают на экспертизу.

— И они поставили вас в известность, что такие в точности змейки были украдены на «Обувном».

— Они. А откуда нам, сам посуди...

— Ну, Верлиока! — изумился беспримерной наглостью Женька. И, злобно радуясь, суля воздаяние, похвалил: — Ну, мудре-е-ец!..

— Ой, не напоминай, прошу! — с омерзением воскликнула Светлана Васильевна. — Ещё и пристал как банный лист! Представляешь? Нет, я сама всю жизнь кошусь, кого бы затянуть в койку. Но с этой камбалой...

— Любовь? — словно муху в кулак, с лёту поймал Жека. — Любовь мы ему организуем! Как твоё гнёздышко — ещё за тобой?

ЦЫПА-ЛЯЛЯ

ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ МЫ БЫЛИ ВО ДВОРЕ СРЕДЬ СТАРЕНЬКИХ, В СЕРОЙ ЛАТАНОЙ ШТУКАТУРКЕ ДВУХЭТАЖЕК. ИЗ БЕСЕДКИ ВЫГНАЛИ СТАЙКУ МАЛЯВОК, РАСПОЛОЖИЛИСЬ.

СВЕТЛАНУ ВАСИЛЬЕВНУ ЗНОБИЛО. ЖЕНЬКА ОБНЯЛ ЕЁ, СПРОСИЛ ЕЩЁ РАЗ:

— Шторки раздвинула? Чуть-чуть? Игродромчик на виду?

— Не придут, — шепнула она, и услышалось, как ей хочется, чтобы не пришли.

— Верлиока? К Цыпе-Ляле? Проследует, как лунатик!

— Не понимаю! — бросила она брезгливо.

— Согласен. Загадочное обаяние! — со всегдашней готовностью прихвастнуть своими знакомицами воскликнул Женька. — И толстовата, и розовая, как поросё, и ножки от коленок кривули... И шепелявит, как в детском садике, и так всегда канючит, канючит... Я не я, если она не показала ему синячок в завлекательном месте и не спела, что у неё чистые пластинки, свецкие зуналцики, а к ней пливели целую толпу этих маленьких целовецьков из цилка. И они всю ночь её кусали, кусали!

— Идиотство! — только и вымолвила Светлана Васильевна.

— То-то и оно, что идиотство! — захихикал Женька. — Но действует...

И шикнул:

— Тихо!

Впереди вперевалочку, утиным шажком, шла небольшая кругленькая Цыпа-Ляля. За нею, угрюмо озираясь и словно на привязи, — Верлиока.

— Мы к подлузке, — журчал без остановок назойливо-детский голосок. — Там у меня эти маленькие целовецьки всё ввелх дном! Ввелх дном!

— Она всем одно и то же грузит? — с отвращением заметила Светлана Васильевна, когда Верлиока скрылся за дверью подъезда.

— Как и все артисты, — скалился Женька.

Светлана Васильевна норовисто высвободилась из-под его руки:

— А мы чего здесь дожидаемся?

— От тебя, Светик, ничего! Ты уже со всем управилась!

— Я не к тому, — изменила она голос. — Просто сидим тут... как...

— А ты расслабься, тебе понравится! — заверил Женька, и в эту минуту под окнами гнёздышка появился некто тощий, серый, смахивающий на тень.

— Ну вот! — оживился Женька. — Не мог же я вам, ребята, предложить абы что! В приличных домах, как вы знаете, мес-

то подглядывающего стоит дороже, чем банального участника. А самые дорогие места, — он указал на стол в беседке, верхом на котором сидели мы, — у тех, кто подсматривает за любопытным!

— Кто это? — с ознобом и тревогой прошептала Светлана Васильевна, наблюдая за тенью, которая запрокинулась, чтобы отхлебнуть из «огнетушителя».

— Это? Это Костик, Цыпин благоверный. Ты не бойся, у него справка.

Тень прильнула к просвету меж штор и время от времени запрокидывалась, всё выше задирая бутылку.

— Жень, что ты задумал?

— Светик, все получают удовольствие!

— Господи, — выдохнула она, — когда это кончится!

— Как он бормотуху допьёт — так и кончится. Уже недолго.

— Жень, эта дура, психбольной...

— Цыпа? Цыпа не дура, отнюдь! У неё всё будет разыграно по нотам. Знала бы ты, какого полёта птицы валялись у Цыпы-Ляли в ногах, умоляя принять отступного!

Когда бутылка задержалась на взлёте, отдавая остатки, ночник за окном погас. Сутулая тень переложила «огнетушитель» горлышком в ладонь, двинулась к крыльцу.

Возник в глубине говорок Цыпы-Ляли, усилился, когда открылась дверь. Без умолку лебезя, она вывела Верлиоку под тусклый светильник. Он блаженно скалился и, похоже, ничего не понял, когда толстостенная бутылка разбилась о его голову.

— Котя! Котя! — истошно завопила Цыпа-Ляля. — Он заставлял твоего пупсюсика! Он его муцьял!!! — и, словно помечая нечистого, в две пятерни деранула когтями Верлиоку по щекам.

Тот басовито, по-кабаньи, взвизгнул и с проворством щипача выхватил из кармана книжицу ксивы. Потом, высоко взмахивая ею, с рёвом: «Эмвэдэ-э-э! Эмвэдэ-э-э!» — во всю прыть бросился наутёк.

Котя ошарашено вскинул руки и, поняв, что добыча упущена, в отчаянии плюнул и отшвырнул в палисадник «розочку», которой так и не довелось погулять у косога глаза и постоять приставленной к кадыку.

— Безрукое ты отродье! — прокурренным, охрипшим от писка баритоном накинулась на него Цыпа-Ляля. — Не мог сразу за шкирку?!

Устало переваливаясь, с грацией медвежонка, поставленного на задние лапы, она направилась к выезду из двора. Котя, подстроившись под её шаг, виновато засеменил следом.

— Задаром подстиралась! Муди задаром вылизывала! — большим лающим голосом убивалась она.

Котя в робком стремлении утешить тронул её плечо.

— Не хапай! — огрызнулась она. — Того тваря было бы хапать!

ТОЛЬКО ЖИВЬЁМ!

Марине Петровне пришедших представлял я:

— Это тот самый товарищ, которого обзывали Остапом Бендером...

У неё возник повод заглянуть персонально Женьке в глаза, и по её лицу с надёжно усвоенным выражением нейтральной вежливости пробежало: «А что, с него станется!»

— Это начальник цеха. Уже бывший. Его умением наладить дело выручка фабрики одним махом выросла в полтора раза, мы писали... — я подумал, как бы назвать наш донос и сказал: — в обращении.

Пока я медлил, подбирая слово, Тоха непринуждённо, однако и не без значительности, имеющей целью подчеркнуть его принадлежность к правящей касте, предъявил партбилет.

— А это Светлана Васильевна, эксперт. Ей наши... правоохранители подсунули, под видом изъятых у нас, змейки из той партии, часть которой в прошлом году украли на «Обувном объединении». И Светлана Васильевна, естественно, отметила в акте, что это действительно такие змейки, как были украдены. У нас — вот акт изъятия — забрали змейки метровой длины и пластмассовые, а Светлане Васильевне на экспертизу подбросили латунные и по двадцать сантиметров.

Долгих двадцать минут до прибытия Малькова и Диденко мы проторчали у окна в тупике коридора, не зная о чём говорить и никак себя не ведя, чтобы не повести так, как не нужно.

Затем, уже в кабинете, после продолжительной паузы, от которой всем вошедшим, включая и нас с Мариной Петровной, стало не по себе, заведующий отделом тихо спросил, глядя с раздражением на нашу спасительницу Мариночку:

— Что у вас там происходит? Какая-то экспертиза, подлоги...

Мальков и Диденко глядели себе под ноги. После вопроса Мальков переменил было позу, но стул неблагозвучно крякнул под ним. Он зажался, словно застигнутый на неприличной случайности организма, и промямлил, что экспертизой занимался непосредственно Верлиока.

— А где он?

— С нами, — услужливо доложил лис Диденко. — Но в машине. Он подвергся нападению, и ему затруднительно...

— Передвигаться?

— Нет, передвигается он самостоятельно. Внешний вид...

— Мы взрослые люди и к внешнему виду пострадавшего отнесёмся, думаю, с пониманием.

Последнее заведующий отделом пообещал, как выяснилось, опрометчиво. Лишь только разлинованная по вертикали рожа Верлиоки, с интересом ожидаемая после анонсов Диденки, показалась из-за двери, Мариночка, наша милая партийная заступница Марина Петровна, прыснула как девочка. На правах молодого коммуниста гигикнул и Толец. А она, недюжинным усилием сдерживая себя, почти участливо спросила:

— Жена?

Диденко оскорблённо выпятил губу и, неожиданно показывая норы, заявил:

— Между прочим, по оперативным данным, нападение произошло как раз на жилплощади, снимаемой присутствующей здесь эксперт... — он спутался в родах, но решил не отвлекаться на мелочи: — Экспертом!.. Которая, по странному стечению обстоятельств, оказалась сегодня в райкоме партии в одной компании с...

Он не назвал нас, но то, как вперился в Светлану Васильевну, без слов сказало о его отношении к нам, а отныне и к ней.

У меня остановилось сердце: она не могла не спасовать, с её работой, она была в полной их власти.

Светлана Васильевна залилась краской, опустила глаза.

— Эти... — она тоже не сразу нашлась, как нас назвать. — Эти... молодые люди разыскали меня по должности и фамилии в акте экспертизы. Они показали документ, по которому у них изымались змейки. Я поняла, что была намеренно введена в заблуждение вашими подчинёнными, — задействовала Светлана цитатку из сочинённого мною её заявления, — и не могла не прийти с ними сюда...

Никто не остановил её, никто не попытался возразить.

— А жилплощадь... Он мне проходу не давал с домогательствами. Сама я не смогла преодолеть брезгливости и обратилась к знакомой. А её выследил муж.

Опять скрипнул и затих стул под Мальковым. А Марина Петровна, словно размышляя вслух, прошептала:

— Герой-любовник!

Ну, Светлана! Как я спорил с Женькой, уверяя — зря берём! Каково это — валить на них в их же присутствии! Как пить дать, перетрусит, начнёт стелить и нашим, и вашим. Есть от неё бумага — чего ещё?

А Женька, молодчина, ни в какую:

— Только с собой! Только живём! Мало ли, что в их присутствии! Для неё важнее, что в присутствии моём! А вот не взять и предъявить бумагу, неизвестно кем и при каких делах написанную, а потом её без нас спросят, — вот тогда очень даже может запеть: я не я и лошадь не моя! А при мне — шалишь! Или я точно буду не я, а Светка не Светка!

Но тут простачок Диденко многозначительно хмыкнул. Какая-то странная дерзость услышалась в этом толчке воздуха, прочищающем гортань:

— Да, не ожидал...

— Чего именно?

— Что в нашем родном райкоме начнут брать сторону сомнительных элементов.

По дикому спокойствию, с которым произнёс такое этот ничтожный Диденко, стало понятно, что не здесь, ох, не здесь, предполагает он услышать последнее слово. Да и почти не сомневается, каким оно будет.

Хозяин кабинета филигранной паузой известил, что вызов принят. Негромко уточнил:

— Всё более сомнительными представляются методы вашей работы.

— Извините, — ничтоже сумняшеся, отвечал Диденко. — Не могу давать пояснений в присутствии подследственных. Есть специфика, арсенал тактических приёмов... А допрашивать нас при них... Отчитывать...

КОГДА Я ПИШУ — ЗЕМЛЯ СОДРОГАЕТСЯ

С утра пораньше, как на работу, на «копейке» Толяныча мы приехали за Жекой. Зябко поёживаясь и прикрываясь руками, открыла заспанная голенькая Маруська.

— В ладушки играете? — живо поинтересовался Тоха, охо-

чий до подробностей чужого интима.

Укрывшись по подбородок, согреваясь в постели, Мариша хлюпнула навсегда простуженным носом с воспалёнными ободками ноздрей и, закрывая глаза, чтобы вернуться в сон, буркнула:

— Какое там! Всю ночь кофе варила.

— А он? — любопытствовал Толец.

— А он курит и пишет, курит и пишет. — пролепетала она, засыпая.

Гольй по пояс, с отпущенными мышцами тяжёлым животом, с приплюснутой с боков грудной клетки, Женька, он же Илья Муромец (фабрика, исподтишка болевшая за нас, не без ехидства, но и не без симпатии пустила в обиход прозвище «три богатыря»), сидел на постели, горбясь над подносом, на котором вкривь и вкось, стопками и листами лежала бумага.

— Молчи, несчастная! — рыкнул он Маруське, метнув в нашу сторону полубезумный взгляд выцветших, белёсо-серых глаз. — Я открыл в себе талант, о котором давно догадывался, только руки не доходили! Когда я пишу, — с ни чем не оправданным гневом сообщил он нам с Толей, — земля содрогается!

Он закурил, но, сделав затяжку, как помеху предстоящему чтению, в труху раздавил сигарету в пепельнице. Затем взял в руки десятка два листов, исписанных твёрдым почерком с ровными, как под линейку, строками и колючими буквами, и начал.

Его опус, подобно произведению, созданному на века, предварялся эпиграфом из Высоцкого: «Нет, ребята, всё не так, всё не так, ребята!»

Он читал без запинки, словно заученное наизусть, и, если не вникать в слова, по току речи, расчленённой периодами, и по игре голоса, бесконечно богатого на оттенки сарказма и ненависти, можно было принять это за трансляцию литературной классики, записанной маститым актёром. Но суть...

... климактерическая похоть главной инженерши, которой самое бы место торговать на базаре селёдкой...

... ревность мышиноного жеребчика по кличке Мефодий, возмнившего себя фабрикантом...

... чванливый карьерист и продажный подонок Мальков, пожираемый комплексами...

... тяжёлый шизофреник и жертва родовой травмы по прозвищу Верлиока, манией величия и безумством фантазий подмявший под себя районное отделение милиции — беспри-

мерно тупое, пьяное, ленивое, алчное и бесстыжее, — паразитирует на этом, ублажая патологические амбиции, набивая карманы и справляя сексуальную нужду путём запугивания и шантажа подозреваемых, свидетелей, экспертов, а также их родных и знакомых...

Перечисленной нечисти, подобно былинным героям, противостоят три светоча, наделённые бескорыстием, патриотизмом, административным гением и даром распознавать производственную перспективу.

Отдельно страницы на полторы поданы двусмысленные комплименты чутким к правде работникам райкома.

С началом читки проснулась и, сев в постели, зачарованно слушала Мариша.

Толянчч блаженствовал так, словно испытывал осязаемое кожей наслаждение. Зуд разоблачительства ликовал и пиршествовал в нём, млея от скребков и почёсываний, которыми одаривала его Женькина писанина. Невозможность, этическая недопустимость речений вводила его в раж не логикой, не доказательностью, а именно недопустимостью. Именно тем, что никто не говорил и не скажет подобного публично.

— Шедевр! — прошептала Мариша. — Чтобы так обхезать, надо с детства хорошо кушать!

Её, как и Тоху, особенно полакомили отступления, заполненные скабрзностями, которые в быту обычно шепчут на ухо.

Всею мощью души вбирая фимиам признания, Женька, полуголый, косматый, страшный несоразмерностью тела и жуткой физической силой, которую носила в себе эта несоразмерность, метнулся по комнате, тесной для него, как спичечный коробок жуку-рогачу.

— Высшая пикантность, — проговорил он, едва не причмокивая от задуманной пакости, — заключается в том, что мы отправим это в том числе и начальству наших Вани и Верочки! В обылбыт, где их знает каждая собака, в министерство...

Маруська с восторгом взметнула руку со стиснутым кулачком, жестом и оголившейся грудью напомнив «Свободу» Делакруа:

— Они провоняют там все коридоры!

— А мы? — спросил я.

— А что такое для них мы? — нашлась она мгновенно. — Нам с ними коров не пасти!

— Но мы же для чего-то им пишем... Как Мы выглядим в

этом послании?

— А как? — в недоумении воскликнул Женька, уверенный, что уж нас-то он хвалил напропалую.

— Когда мы, Женя, пишем о ком-то, у нас всегда бесплатным приложением выписывается ещё и портрет автора.

— Начинается!

— Вот тебе и «начинается»! Если сам не видишь, я тебе скажу. Портретец — на загляденье! Самовлюблённая, наглючая, злопахательская харя, всех поучающая, всем раздающая названия и никого никогда ни на грамм не уважавшая! Вот что выглядывает из твоей писанины! И чем похабнее льбится эта рожа, тем больше тебе нравится писанина.

— И мне нравится! — признался Толец.

— Вот это и плохо.

— Чем?

— Тем, что там увидят, кто мы такие! И соответственно к нам отнесутся.

— А кто мы такие? — полез он в бутылку. — Там чёрным по белому, как мы наладили работу, как подняли выручку!

— Чёрным по белому — да. А что из-под чёрного с белым?

— Что?

— Ты правда не понимаешь?

Он набычился, как человек, которого публично назвали дураком.

— Постой, давай по-другому.

Он снисходительно ухмыльнулся, разрешив мне «по-другому», но заранее приняв позу против того, что я скажу.

— Мой дед по маме, знаменитый кондитер, работал в Киеве в правительственной столовой...

— При чём тут наши бумаги и самовлюблённая харя? — перебил Женька, уязвлённый в самое незащищённое, в свой новорождённый талант.

— При том, что в голод дед подкармливал родню и его вместе с приятелем поймали на воровстве десяти яиц. И дали им по десять лет. А бабуне знакомые присоветовали адвоката, который, в отличие от некоторых, понимал, что такое портрет автора, и заставил мою полуграмотную бабуню написать просьбу о помиловании своими словами и своей рукой. Так вот миллионы самых умных и самых грамотных прошений бесполезно улеглись где-то в делах, а бесхитростная, по три ошибки на слово, вся в пятнах от слёз просьба бабуни вырвала деда из лагеря! И это во времена, когда Калинин, к которому

и было писано, не мог спасти собственной жены! Вот вам портрет автора!

— Мы слёзки лить не будем! — процедил Женька сквозь зубы.

— Да кто тебя просит! — отмахнулся я.

— Мамочки, какое же было счастье!.. — проговорила Маруся, у которой отец отбывал восьмой год из двенадцатилетнего срока. — Пропал человек и вдруг... Вот радовались!

— Наши — да. А приятель проклинал и деда, и бабуню на чём свет стоит.

— Во гад какой!

— Сразу — гад! Он там пристроился на кухне и встретил женщину, каких на свободе ему не встречалось. Только-только жить начал, а тут тебе — бац! — иди домой!

— А я говорю: мы слёзки лить не будем! — стоял на своём Женька.

— Не будем. Но мы хотим убедить тех, кому пишем, в своей правоте? Хотим их привлечь на нашу сторону?

— Ласковыми речами? Не смейся! Они, кроме денег и страха слететь с должности, не признают ничего. Денег мы им не дадим — значит, пусть знают, паскуды, что завтра, если не сделают по-нашему, напишем и про них!

— И про них будем писать точно так же, по-другому мы не умеем. И получим новых врагов. А потом напишем про новых. Со всей страной будем воевать?

— А так и придётся! — пророчески бухнул Женька. — Ты думаешь, они что-нибудь сделают? Пальцем не пошевелят! И мы настучим выше, уже и на них. И так будем идти выше и выше, пока им не надоест и они не прихлопнут Малькова с Верлиокой и наших разлюбезных фабричных.

— Или нас, — нехорошо спророчествовал и я.

— Или нас, — с готовностью согласился он и, чтобы оставить препирательства, предложил: — Давайте проголосуем! Большинство скажет плохо я написал — порвём и забудем, а скажет, что хорошо...

При трёх голосах «за» «против» голосовал я один.

На кухне в ожидании кофе Женька заговорил об открытии, которое уже успел сделать для себя каждый из нас. Совершенно неожиданно выяснилось, что у нас нет запасов. Без свежих поступлений заработанное прежде улетучилось необъяснимо быстро.

— Подбил я наличку, — говорил Женька, — и загрустил. Дальше так пойдёт — протянем ноги.

— Я только об этом и думаю, — сказала Мариша, внимательно следя за джезвочкой на огне и в ответ на то, что Толик гладит ей попку под накинутой Женькиной футболкой, нежно пробираясь ладошкой свободной руки ему за ворот. — Пора садиться кустарничать. А то — хоть зубы не полку...

— Вот и я вроде мыслью туда же, а душа, слышу, не лежит, тянет её куда-то, а куда — не разберу. А я её знаю — зря томить не станет. Маялся, маялся и угадал. Вспомнил!

Женька вспомнил, как Вера Павловна в минуту тёплой откровенности, подтрунивая над скопидомством Мефодича, открыла, где тот держит сейф со всем накопленным.

— Проболталась, потом, вроде я у неё курку украл — глядь. И прикусила язык...

Маруська подхватила с огня выкипевший кофе и обругала Женьку за то, что заслушалась:

— Чтоб ты не мучался!

— А знаете, где? В заливе!

БЕЗ ОКОН И ДВЕРЕЙ

НАМ С ЖЕНЬКОЙ ДОВЕЛОСЬ ПОБЫВАТЬ ТАМ НА ПИКНИКЕ, ЗАТЕЯННОМ ВЕРОЙ ПАВЛОВНОЙ. ИВАН МЕФОДИЕВИЧ ПИТАЛ СЛАБОСТЬ К ЭТОМУ МЕСТУ, АРЕНДОВАННОМУ ЗА СТАВКУ И КОРОЧКИ ЭЛЕКТРИКА У АНДРЮХИ, МЕСТНОГО ЖИТЕЛЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО БРАКОНЬЕРА. АНДРЮХА ЖЕ И ПРИГЛЯДЫВАЛ ЗА РЫБАЦКОЙ БЫТОВОЧКОЙ, ПОСТАВЛЕННОЙ НА ЗАДАХ ЕГО НЕМЕРЯНЫХ ОГОРОДОВ.

Ночью, прихватив фонарики и варёной колбасы для собак, мы пробрались к объекту. Чуткая низина в холодный сезон отвыкла от загульных компаний, и стоило нам перешагнуть канаву — между огорода, как от хозяйских построек, заливис-то вылаивая, бросились две дворняги.

— Не подойдут, — сказал Женька, спец по собачьим повадкам.

Держась в безопасном отдалении, они забежали то справа, то слева и продолжали вопить, сигналивая хозяину.

Мы бросили им варёнки. Сторожихи шарахнулись, как от камня. Потом на зов аромата со всей возможной осторожностью вернулись, чтобы, проглотив колбасу, с прежним усердием удариться в лай.

Женька шагнул вперёд, показывая на стожок сена. Отсту-

пая, собаки орали, как резаные. Присев за стожком, мы с прежним результатом скормили скандалисткам остаток колбасы.

— Надоест, — шепнул Женька. — Джуська на что уж вредное создание, а и то надолго её...

Тут, пружинно щёлкнув, ударил лучом прожектор. Стожок укрывал от света. Услышалось, как на веранде, метрах в семидесяти от нас, рипнула дверь. А ветхое, ступеней на пять, крыльцо помалкивало.

Женька отрицательно поводит носом — не пойдёт.

Толец приподнял брови — уверен?

— А ты бы пошёл?

— Подумал бы...

Андрюха тоже думал. Собаки, исполнив долг, притихли, давая ему слушать.

— Сейчас сам спрячется, и они слиняют, — со знанием дела, уверил Жека.

Андрюха добросовестно покараулил минуты полторы и убрался в дом, откуда-то изнутри вырубив свет. Следом улизнули под крыльцо дворняги.

— Инженер собаческих душ! — показал мне Толик на Женьку.

— Смейтесь, смейтесь!.. — разрешил тот.

Ничто более не мешало осмотру. По памяти да ещё по протоптанной в траве дорожке и низенькому приступку мы нашли место входа. Но ни ручки, ни замочной скважины, ни двери, ни даже её контуров. Листы металла, одинаково наваренные на каркас. Как открывается, откуда и как заперто — иди гадай.

— Подкопать? — предложил я.

Толик авторитетно вывернул губу и покачал головой, показывая руками цельное сверху и снизу.

— Но как-то же оно открывается!

— Как-то — да, — бормотал Женька, отправляясь в обход. — Как-то — обязательно... А что у нас тут? — осветил поленницу в торце будки.

Кроме запасённых к шашлыкам дровишек, там были ещё лысые скаты, из-под которых свисала кухонная, выдавшая виды клеёнка. Жека задрал её, как подол.

— Ага, вот и оно!

Намертво прихваченный сваркой к углу бытовки под резиновой завесой скрывался старинный, клёпанный ещё, негораемый шкаф. Весь ржавый, с виду годный только на

лом. Но под сдвижными бляхами заботливо смазано. И прорези под два ключа, укрытые бляхами и контурами похожие на лабиринты, — как новенькие.

— Ну вот, — сказал Женька. — Теперь ясно.

— Кому ясно, а кому и не очень...

— Там дыра просверлена в бочине сейфа и стене. И через тягу засовы запирают в будке вход. А на самой тяге внутри сейфа скорей всего ещё замок...

— Как у Коцея! — восхитился Толик.

— Вроде того! — усмехнулся Женька. — И это меня сильно обнадеживает. Пустой сарай так не стерегут.

«Копеечка», верная, как Сивка-Бурка, скакала по кочкам просёлка, пробиваясь к трассе. Её ходовая вскрикивала на ухабах с удвоенной жалобой из-за того, что в салоне катило вместе с нами угрюмое молчание.

Мы не знали, как влезть в навороченную директорскую халабуду, без окон и дверей и полную сокровищ.

— С этим надо переспать, — сказал я, чтобы что-то сказать.

— Переспать, переспать! — огрызнулась в Толике душа деда, которой всегда требовалось всё и сразу.

— Придумаем! — в утешение Толику сказал Женька, прощаясь. — Девственницей она у нас по любому не останется!

А утром с весёлой интригой в глазах Толец спросил Женьку:

— Придумал? Нет? А грозился!..

— А ты переспал? — с той же подковыркой поинтересовался у меня. — И что приснилось?

— Ладно уж, выкладывай, не набивай цену! — сказали мы.

Растягивая удовольствие, Толец начал издали:

— Был такой пишущий пенсионер от милиции Лев по фамилии Шейнин.

— Ну. Был.

— А у него рассказ о медвежатниках...

— Ну!

— Рассказ назывался, как сейчас помню, «Гусиная лапа»...

— Ну не тяни же ты кота за хвост!

— Ты консервный нож представляешь себе?

— Представляю... — проговорил Женька и задержал дыхание.

— А большой консервный нож?..

— Ха! — с криком выдохнул Женька. — Мы вскрыем её, как

банку килек! И я даже знаю, кому заказать инструмент! Хлопцу, который делал для Димки систему выдачи заказов!

— Смысл понятен... Но как оно поведёт себя на деле... — бормотал, вникая в наш эскиз мой куряжский друг Михалю. По-боксёрски агрессивно сутулый, он глянул исподлобья, поинтересовался: — Лист очень толстый надо осилить? Угу. Угу... — воспитанный колонией, он, не спрашивал, где этот лист стоит и что за ним спрятано. — Придётся доработать конструкцию, просчитать пару моментов... Ну, постараемся!

Штуковиной, которую мы получили от Михали через несколько дней, впору было любоваться. Изображённый нами немощный упор преобразовался в нечто напоминающее танковые гусеницы с научно рассчитанной линией изгиба и острее отфрезерованными зубцами, нацеленными впиваться в поверхность, чтобы тащить за собой резак. А сам нож! О-о!.. А идея сделать его съёмным и дать пяток запасных?! А укороченная толстая рукоять и набор разной длины труб, надеваемых для рычага?!

СКОЛЬКО ТАМ?..

Выбрались за полночь, имея при себе взятку для собачьей братии, перчатки, чтобы не наследить пальцами, тряпичные бахилы от следов обуви, ручную дрель для начального отверстия, в которое продевается острячок ножа, карманные фонари.

Чтобы не сглазить, обязали друг друга словом о добыче не говорить. Думалось, однако, только о ней, и на язык просилось то, что первым сорвалось у Тохи:

— Сколько там, а?

— Много! — отрезал Женька, пресекая разговор.

Толик стойко продержался минуты три и сказал:

— Я Надьку узнать заставил: он шестнадцать лет на фабрике...

Мы с Женькой нашли в себе силы промолчать.

— Я на глазок прикинул, сколько за год... — просочилось из Толика минут через пять.

Одно слово от нас сняло бы запрет, но мы не отзывались, и он тужился, глядя на дорогу с таким выражением, будто мы в чём-то очень провинились перед ним.

— Перемножил... — будто случайно выпало из него.

— Математик! — обругал его Женька, и Тоху прорвало:

— Там такое выходит — не выговоришь! А в чём он держит, а? Я у Палвана кожу брал на складе, так тот всё золото покупал — колечки, серёжки...

— Ну и дурак! — не похвалил Палвана Женька. — Поменять обратно на деньги — берут как лом!

— Хоть так. А то у него в реформу, в шестьдесят первом, всё ухнуло.

Женька не ответил.

Толик снова надулся и, немного погодя, проговорил, отвернувшись к окну в дверке:

— И в облигациях, в процентных...

— Это ещё хуже! — всполошился Женька.

— Чем? — не понял Толян. — Они, бывает, выигрывают, а нет — в любой кассе обмен.

— И тебя с ней под белые рученьки!

— А-а, если нас!.. — сообразил Толик. — Если нас, то — да... — встревожился он. — Нас — могут...

Однако его уверенность в чём-то счастливейшим образом возникала из того, чего ему хотелось, и часто накликала удачу.

— Не, золото — не его песня! — сказал он, отменяя сомнения. — И чтоб Мефодий в сберкассе топтался с облигациями... Не, там наличка! Вот заживём! — воскликнул, потирая баранку. — Купим вам по старому «жигулю», а мне — новьё!

— Видал: ему новьё, а нам рухлядь!

— Дурак! Пока научитесь — новое бить?

— И прокатимся в Москву, — поддался фантазёрству Женька. — Что-то я уже соскучился...

— И в Питер! — раз мечтался и я. — Девчонок возьмём...

— Хватит одной Маруськи. И весело с ней.

— Не, я Надьку возьму, она тоже молодец.

— Тогда уж и Любашу с Валюшкой, — согласился Женька.

И вдруг, рывком развернувшись ко мне, в смятении объявил:

— Главное забыли!

— Что? — выкрикнул Тоха и ударил по тормозам.

— Что? — всполошился я.

— Что мы эту парочку лишим золотого запаса!!! — крикнул Женька, вдохновлённый мстостью.

— Дурака кусок! — проворчал Толец, включая первую.

— Как бы старый скупердаёй ручонки на себя не наложил! — не слыша его, вёл своё Женька. — Шутка сказать, всё его добро, на которое жизнь положил, рублик к рублику припрятывал, и — кому? Кому?!

— А чем ментов греть? — нашёл он ещё повод к злому ликованию.

— Боюсь, ментов уже греть не надо, — сказал я. — Мы их сами так разогрели!..

— Остынут! Мент — он как рыба, ему своей температуры иметь не полагается.

ЧУВСТВУЙТЕ СЕБЯ КАК ДОМА!

Прелюдия повторилась нота в ноту: собачки, прожектор, Андрюха в трусах.

Когда поднятый по тревоге хозяин махнул рукой на наше присутствие, лукавые дворняги сделали вид, будто поняли дело так, что нам позволено. И, переваривая проглоченную колбаску, более, несмотря на все наши бесчинства, не издали ни звука.

По швам и ответу на стук мы нашли рёбра остова и в нижней части чистого простенка пустили в ход сверло. Писк металла, подъедаемого металлом, словно голыш по воде, поскакал над заливом, отзываясь робостью в наших сердцах. Хищный, как клык, нож вошёл в отверстие; сминая лист, пролез глубже, с помощью упора сделал надрез и проник под лист всей длиной. Близость грунта позволила накинуть лишь самый короткий рычаг. Толик потянул на себя трубу — лист вздулся под лезвием, но остался цел. Женька оттеснил его, нашёл опору ногам и рывком штангиста всей силищей вложился в инструмент. Будка взревела, как живая, и на её боку рваной раной вскрылся первый надрез.

Мы присели, со страхом ожидая, что всполошится вся округа, но тишина сомкнулась над потревоженным местом, оставив слышным только собственное наше волнение.

Женька завёл нож глубже и сделал второй рывок. На пятом подходе он выдохся. Но резак ушёл выше, позволив накинуть рычаг подлиннее и Толику сменить Женьку. Когда тяжело переводя дух, Толец уронил руки, возможность убедиться в том, что работа взломщика — каторжный труд, выпала мне. Зато под гнётом усилий обреталось безразличие к дикому вою, который, как резонатором, издавался всей поверхностью бытовки и взывал ко всем четырём сторонам света.

Зубья двух гусениц упора вгрызались и, подбуксовывая, надрывали поверхность, оставляя ужасающие следы. Нож раздирал, вспарывал, и прорезь, изжёванная по краям, казалась проеденной каким-то невиданным чудищем.

Мы продвигались вверх, меняя и меняя насадки. Вот и самая рослая труба. Пошло! Пошло! Женька с богатырским сапом налёг на рукоять и — хрусть! — нет ножа. Тверда сталь невероятно. Тверда, но ломка. Вывернув болты, меняем лезвие. Дальше! Круче и круче забираем по кривой. Резать на уровне груди одно удовольствие. Будка вскрикивает, плачет.

— Жалуется! — замечает Женька.

— Мы тоже в последнее время...

— И никакая сука ей не поможет!

— А нам?

Надрез изобразил собой большое ухо, вышиною в половину Жекиного роста.

Втроём продеваем пальцы в изгрызанную прорезь, ногами упираемся в живой кусок стены. Дружно — р-р-раз! — и ухо оттопырилось, открыв проход.

Внутри, копируя сцены обысков из незадачливых кинушек, мы в спешке принялись выворачивать всё из ящичков и сваливать с полок на пол. В считанные минуты места поиска были опустошены, а пол под нами сделался непроходимым.

По голосу Женьки, прохрипевшему: «Пусто!» — стало ясно, что он в панике. Не выносил он, терпеть на мог замкнутой тесноты. Натыкаясь в полутьме на нас и стены, ещё держался, но когда в сваленной рухляди стали вязнуть ноги, дрогнул.

— Уходим! — крикнул он нетерпеливо.

— Куда?! — возмутился я. — Мы ещё толком ничего не посмотрели!

— Что смотреть, где?! — ударился он в псих.

— Так, — отрезал я, — пока не обшарим здесь каждый сантиметр...

— Шарьте! — счастливо нашёлся Женька. — Я на стрёме! — и выскочил на волю.

«Чувствуйте себя как дома!» — учил Шульц, предводитель грабительских вылазок детства. И для наглядности пристраивался по-хозяйски отлить у деревца в чужом саду. Он всегда истрачивал минуту-другую на что-то потешное, дерзкое, совсем не идущее к делу, и воровская трясучка как миленькая отпускала нас, ведомых им боягузов.

— Чувствуйте себя как дома! — сказал я себе и Тохе.

Толик нервно хохотнул и спросил:

— А шарить где?

Я не знал, где, и, затягивая время, предложил:

— Где? А давай подумаем...

— А что думать: потолок голый, полки мы ободрали...

— Потолок голый, полки тоже... — повторил я, чтобы что-то говорить. — Что остаётся?

— Пол? — спросил он с неуверенностью ученика, из которого вытягивают ответ наводящими вопросами.

И я, услышав отгадку, которой не знал, умудрённо, будто этого как раз и хотел от него добиться, согласился:

— Пол!

ЕСТЬ!

И мы взялись терпеливо возвращать имущество Ивана Мефодиевича на полки. Внизу открывались прямоугольные ячейки из сваренного уголка, устланные досками. Ниже ячеек — сплошное железо, как на стенах. Квадрат за квадратом вскрываем полы — железо. Под отсеком в геометрическом центре бытовки тоже железо. Такое же, как и везде, но чем-то и не такое. Тронули — звук пустоты. Пошарили лучом — ага, головка болта. Держать болт ничего не держит, вынуть — вынимается. Но раз — и упёрся. Да это ухватик, а железка — люк! Открываем и видим в аккуратном приямке напольную кассу. Такими фабрика снабжала все крупные точки. Родная её сестрица стояла и у меня — несгораемый сундук с откидной, вверх, крышкой и двумя скобами по дальним краям для перетаскивания.

— Есть! — в один голос просипели мы сухими от пыли глотками. — Есть!!!

Обдираясь о рваные края дырищи, на зов вломился Жека. Сходу ухватившись за одну скобу и показывая нам на вторую, скомандовал:

— Взяли!

— Ы-ы-х! — ухнули мы, и касса, двустенное стальное чудище, набитое в простенках песком, словно сама собою выпрыгнула из приямка.

— Ходу! —дохнул Женька, ринувшись наружу и увлекая за собой сундук и нас, едва живых от тяжести.

Не разбирая дороги, напрямик сквозь заросли мы продрались к берегу. На чистой полоске у воды, не сговариваясь, уронили ношу, и я услышал, что Женька хихикает, а потом, что хихикаем Толик и я.

— А-а, падла старая! — приговаривал Женька. — Не хотел, сука, жить мирно?

Посмеявшись и немного отдохнув, снова взялись за поруч-

ни. Но на этот раз лишь с Женькиной стороны, и лишь на мгновение сундук приподнялся от земли.

— Что же он туда напихал?! Слушай, у тебя такая же в кабинете, как она по весу?

— Не пушинка, — сказал я, — но с этой... Здесь центнера два содержимого, не меньше.

— Золотишко?

— Ну уж точно не бумага! — уверил Тоха. — Или всего по-немногу...

— Надо же: стырить стырили, а унести — зась!.. Спрячем?

— Найдут!

— Найдут, — согласился Женька.

— А если?.. — показал Толян чудо-открывашку, которую, как чайка на лету, склюнул на бегу с земли свободной рукой.

Я сходил за дрелью, брошенной у бытовки, вернувшись, начал сверлить.

Тоха отрицательно помахал у меня перед носом пальцем и показал ближе к углу.

— Какая разница? — огрызнулся я.

Он вырвал у меня дрель и, уперев сверло в точку, на которую указывал, с остервенением завертел ручкой, выговаривая сквозь зубы:

— Оно же двойное, как ко второй стенке будем подбираться?

— Нэ так ножа дэржишь! — беззлобно подразнил я в нём деда.

От резака, взятого на рычаг, касса уползала по песку. Женька и Толец стали на неё сверху, я резал, стараясь держаться ближе к ребру, и на повороте сломал лезвие.

— Нежнее! — охнул Жека. — Все изведём — что тогда?

Руки так тряслись от усталости, что ключ не попадал на головку болта.

— Что же там? — добивался Тоха. — Не рубли же юбилейные он там копил! А если золото — как потащим?

— Сам думаю! — огрызнулся Жека, у которого уши пухли от тяги курнуть. — Если что, штаны с тебя спустим — уже два мешка.

— А чё это с меня? И моих не хватит. Твои бы в самый раз...

— Успокойтесь, — призвал я, сменив резак. — Под рыжее я и трусы сниму, а не то что...

Толян оказался прав: подобраться ко второй стенке удалось почти в самом центре. И она была тонкой, тянулась за ножом,

как резиновая.

— Присвети! Да не сюда! — шипел Жека, торопясь заглянуть в первый надрез.

— Блестит?

— Темно, как в жопе! Режь, там увидим!

— А хоть бы и как лом... — размышлял Тоха. — Когда столько... А почём дают за грамм?

В развороченный надрез Жека, не дав заглянуть, сунулся по локоть.

— Тяжёлое, цельное... — бормотал. — Как вроде чугуна...

— На кой нам чугун! — вспыхнул я, злясь на него за нелепые фантазии.

Он ухватился, так и сяк повернул что-то неудобовынимаемое и, ранясь о рваное железо, вынул прямоугольный чугунный блин из наборного противовеса к трактору «Беларусь». Его, готового сполна взять на себя вину за то, ЧТО достал, как нерадивого, отпихнул Тоха и сам сунулся в дыру. Не щадя в нетерпении собственной руки, он выдрал из оскаленной, как акуля пасть, прорехи такой же блин — пупырчато-чугунный, новый, в свежей заводской покраске. И, в яростном порыве добраться до спрятанного за ними, стал один за одним выдёргивать и швырять в сторону такие же отливки.

— Пусто! — вымолвил он наконец и, шаря внутри, влез всей рукой. — Не! — воскликнул вдруг потрясённо. — Кажись, бумага...

И на забрезживший предутренний свет из вспоротого чрева кассы явилась красочная страница журнала «Крокодил», где на салатном фоне светилась розовым упитанная дуля с лаконичной подписью: «Во!»

— Га! Га! — словно движок, который никак не заведётся, выстреливал Женька толчками смеха. — Га-га-га! — показывая на нас пальцем, завёлся он.

— Гы-гы-гы! — показывая на него, извалянного в песке, как сырая котлета в сухарях, заржали мы.

На дрожащих, подгибавшихся от усталости ногах добрели до машины. Женька, припав на крышу и погладив, впервые сказал ей:

— Ласточка!..

ВОПРОСЫ ЗДЕСЬ ЗАДАЁМ МЫ!

Ещё наши тела ныли и жаловались каждой мышечной ниточкой, а мы уже сидели в пахнущем, как пахнет от бездом-

ного человека, коридоре райотдела под дверью Малькова. Похоже, что где-то у них устроен был глазок. Нас вызвали троих одновременно и подержали в пустом коридоре не иначе как с целью подсмотреть и подслушать. Людям ведь сложно не шептаться за минуту до допроса.

— Думаешь, на «Литературку» надежда слабая? — говорил Женька нарочно для любознательных ушей. — А я почему-то уверен, что напишем точно по адресу.

Накануне мы действительно гадали, не написать ли в «Литературку», которая на весь Союз гремела разоблачительными статьями. Пусть знают, рассудил Женька, эта новость не прибавит безмятежности их сну.

— А сколько нас таких на одну «Литературку!» — подыграл я.

— Хватает. Но согласись, что у нас материал — пальчики оближешь! Половые гиганты в погонах! Это как? Шуточки?

Его трескучие гнев и благородство были более чем убедительны, но и чем-то так смешны, что мы с Толей крепимся изо всех сил, стараясь не расхохотаться, глядя на его демонстративную праведность.

Выручил нас Мальков. Выйдя из кабинета, он с надутой физиономией скользнул взглядом поверх наших голов и направил свои стопы к начальству. В руках, как молодой боец впервые доверенный ему автомат, нёс старушку-дрельку, брошенную нами на берегу.

Миг в миг с появлением дознавателя, затеявшего психологическую атаку, Толик двинул меня локтем в бок, радостно предлагая:

— Поздравь гражданина начальника!

— А что, что?

— Дырки идёт в погонах крутить!

Посидев для блезиру у Диденки, Мальков на обратном пути позвал нас. Всё с той же дрелью наизготовке поведал загадочно:

— Как знать, глядишь и прокрутим! Вскрыт сейф на базе отдыха вашей фабрики... — и бурависто вперился в глаза Тохе — новому действующему лицу.

— А что, у фабрики есть база отдыха? — повернулся Тоха к Женьке и ко мне.

— Есть, — сказал Мальков. — И некоторые из вашей гопкомпании, как показывают свидетели, там бывали. Следы, кстати, оставлены тремя рослыми мужчинами... А металлические стены рвали на куски с применением большой физической

кой силы... — заметил он, прозрачно намекая на Женьку. — И размеры похищенной суммы...

— Счастливые люди! — сказал я своим. — За что ни возьмутся — везде суммы!

— Постойте! — добивался Тоха. — О какой базе отдыха речь?

— О будке браконьера! — с лёгким раздражением пояснил ему Жека.

— А суммы где — в будке?..

— Да не в будке! — в запале махнул на него рукой Женька. — Похищено на фабрике! А пряталось в будке! Я правильно понимаю? — едва не заискивая, спросил он у Малькова.

Тот выдал нам по листу бумаги, предлагая написать, где каждый из нас был позапрошлой ночью.

— Впрочем, нет никаких сомнений, что у вас у каждого будет по два свидетеля! — сострил он и прибавил повелительно: — Эти двое уже в курсе, а ты, — показал пальцем на Толяныча, — с настоящей минуты тоже из города ни ногой!

— Ты бы не тыкал, — как лампочка, по щелчку, вспыхнул алым румянцем Тоха. — Я с ТОБОЙ свиней не пас!

Мог ли он, Мальков, предполагать, какой повод даст нам своими следственными действиями? Мы ещё не добрались до «Ласточки», преданно ожидавшей за углом, когда злокозненные Женькины мозги уже сочинили вопросы, чтобы предложить в райкоме задать их ему, Малькову.

А в райкоме — и это удивило и встревожило — нас ждали. Склока, в которую мы втравили этих людей, невидимая, смутно представляемая нами война власть имущих нуждалась, видимо, в боевых припасах.

Наша бумага сообщала о последнем визите в милицию, где со слов Малькова нам стало известно, что ограблен тайник директора.

Ниже следовал вопросник:

1. Существует ли заявление директора о пропаже?

Если да, то:

2. О пропаже каких сокровищ идёт речь?

3. Каким образом означенные сокровища попали к директору?

4. Что за сомнительная будка, в которой они хранились?

5. Почему в ней?

6. Кому адресовано заявление директора?

Если Малькову, то:

7. Почему Малькову? Не потому ли, что они с директором состоят в подозрительном контакте, смахивающем на сговор?

И:

8. Почему Мальков взял на себя разбирательство по этому делу? Разве подобные кражи — его парафия?

9. Как он зарегистрировал заявление и зарегистрировал ли вообще?

Излюбленное присловье легавых всех времён и народов: «Вопросы здесь задаю я!»

А если не ты? А если о том же самом попытать тебя, голубчик?

Для полноты картины надо заметить, что ни Мальков, ни несколько озадаченные нашей бумагой партийцы в душе и минуты не сомневались, что директор таки обворован, что украдено всё, скопленное за годы лихоимства, и что попёрли это скопленное мы, только мы и никто, кроме нас.

Итак, Малькова спросили, что произошло.

— Ограблен фабричный домик рыбака, — сообщил он, досказывая интонацией: «А кто грабители — и так всем понятно»...

Тут Мариночка Петровна подозрительно скользнула взглядом в направлении наших карманов. Не подумалось ли ей, что они должны пухнуть от избытка содержимого?

— Эксперты теряются в догадках, чем резали железные стены и сейф... — продолжал Мальков как о чём-то, таящем жуткий преступный умысел и явно усугубляющем нашу вину. — Толстый металл чем-то рвали, как бумагу!

Округлившимися глазами Мариночка Петровна опасливо померила звероподобное Женькино тулово в рост и вширь и, словно секретничая с Мальковым, спросила, что хранилось в сейфе.

— Выясняем.

Он приготовился к разговору. На вопрос, что об украденном сообщает потерпевший, заявил:

— Тайна следствия...

И многозначительно уставился на нас.

Довод был признан весомым. Нас попросили.

ЗАТВОРНИКИ

У родственников моей половинки, умеющей надёжно и ровно дружить с людьми, — родственников таких дальних, что никто уже и не пытался распутывать ниточку родства, людей

застенчивых, болезненно совестливых, вдовы и дочери ректора политеха, нашлась при загородном доме, сильно обветшавшем после кончины кормильца, слепая сторожка с печуркой и дровяным сараем, которые вместе были одной старенькой-престаренькой хаткой-мазанкой. Скромная арендная плата, предложенная нами за приют, помогала им сводить концы с концами, хотя и в большую натяжку: до времени расчёта они считали дни, как и до пенсии.

Мы привезли туда два верстака, Тохин безотказный заготовочный «Зингер», переиначенный с ножного хода на электропривод, и мой самоделковый шлиферный станок, состоящий из мотора, поднятого на треногу, и бытового вентилятора с привешенным к нему дерюжным мешком для сбора струхи, летящей из-под ленты крупного наждака, натянутой на диск.

Толик и я, наскучавшие по ремеслу, чувствовали себя кем-то вроде картёжников, надолго отлучённых было от игры. Толец на чертёжной доске лихо раскраивал сапоги из заказа, набранного Маруськой в НИИ по рекламным картинкам из вражеских журналов. Я подготавливал колодки и основные стельки с прочным перехватом под высокий каблук. Женька, слегка пришибленный ролью ученика, делал самое простое мне в помощь и при малейшем поводе покрикивал на нас — встряхивался, вырываясь из подчинённости, столь тягостной для него. Медлительный из-за ревностного желания с первого раза сделать правильно и точно, он, проникаясь нашей с Толиком радостью мастерства, тоже любовался удачными своими пробами; в нём с первых шагов угадывался рукастый обстоятельный мастеровой.

Ас и торопыга в заготовке, Толец грозился загонять нас, низовиков, которых обычно придают по двое, по трое к одному сборщику верха. Ему не знаком был Колюнин порядок в работе, не позволяющий растратить попусту ни секунды, и он терялся, когда мы, никуда не торопясь, поджимали его, в шутку попрекая нерасторопностью.

Готовые сапожки, сходные с которыми можно было приобрести, только лично вырвавшись на Запад, отрывались заказчицами с визгом восторга. Очередь к нам, сокращаясь в верхней части списка на два-три имени, снизу пополнялась двумя-тремя десятками имён.

Сложив художнический дар Тохи с моей сноровкой и упорной Жекиной старательностью, мы получили успех, ошеломивший нас самих. Деньги (конечно, ещё и потому, что мы

не тратились на оснастку, а также на товар и доклад, сварованные на фабрике), деньги — во что с трудом верилось! — мы зарабатывали большие, чем когда на нас батрачили многолюдные мастерские и цех. Приток там был побогаче, но отдаваемое вверх и по сторонам и траты на поддержание и развитие уносили так много из обманчивой полноты потока, что оставалось меньше, чем теперь.

С новой ролью выступило на первый план не самое приглядное в характере Маруси, однако именно то, что лучшим образом могло служить нашему процветанию. С заказчицами она взяла тон немислимой задаваки, морально уничтожая, сгибая в дугу институтских показушниц и с алчностью ненасытной хищницы плюсуя и плюсуя в общий котёл дивиденды с проводимых её перемещений в очереди к нам.

Женька, единственный из нас куряга, приглядывал за печуркой. Подбросив поленце, он закуривал и выдувал дым струйкой, нацеленной в отворённую вьюшку. Взгляд, прикованный к живому огню, вскоре переставал видеть пламя, рассматривая что-то в памяти. И Женька без повода, по одному лишь настроению, начинал о чём-то из детства, из приключений юности или о жёнах, известных нам наперечёт, о тёщах, о хозяйках квартир, в которых снимал углы, об армии, о школе, о гусином паштете ко дню его рождения, которого он дожидался сутки и которого так и не отведал, не поспев за приглашёнными.

Это были предания, из которых и состоял он, Женька, и их повторы и варианты не приедались точно так же, как мне не могли, например, наскучить — сколько по ним ни ходи — улицы, слагавшие Москву.

Вынужденное заточение и занятость рук — лучшие спутники в прогулках по памяти. Мы, я и Толик, ничуть не хуже Женьки откровенничали, привирали и хвастали о своём. Вспоминаемое не было точной правдой, однако достоверно составляло часть души. Словно содержимым прихваченных из дому тормозков, мы делились собою, тем незатейливым и пронзительным и по сути единственным, что и есть МЫ.

— А я такую же прибрал к рукам! — сказал Толик, впервые послушав о моей безответной любви к однокласснице. — Она всей школой вертела, как цыган солнцем, а я её захомотал! Или она меня... Я — родаки педагоги — я как-то проскочил соблазны. То с дедом мастырим в клуне, то музыкалка, то кружки... Ни в каких играх не было так интересно, как в кружках!

Самолёт — летающий, управляемый, готовый к воздушному бою, — своими руками! Или передатчик: на балке деталюх прикупил, спаял, спаял и — пи-пипи-пи-пи-пи!.. Бляха! Всем, всем, всем! Всему миру! И спорт. Грудь колесом, с тренировки идёшь — силища в тебе! Столб телеграфный — кажется, захочу — из земли выдерну, не хрен делать! И друзья. А к этим вертихвосткам у нас ноль внимания и фунт презрения. И такая какая-то чистота в тебе и знание, что ты правильный.

— Как комсомолец! — поддел я.

— Да, и комсомол! — подтвердил он, не сбиваясь на смешки. — И вера в идеалы. И с дедом в подполье, и с идеалами. И ничего, нормально. А этих — их не существует. Чем я её и взял. За ней вся школа табуном, а мне по сараю. А ещё у меня, как у деда всю жизнь, настоящие гроши в кармане. У всех медяки, а у меня солидные шуршики, и всегда к ним такое отношение, что вот пекут они ляжку и всё тут! Ага...

Он прострочил с изнанки задние швы на голенищах, прервав на время стрекота машинки рассказ. Выстукивая швы на правильце и промазывая их клеем, чтобы скрепить тесьмой, продолжил:

— Ага... И перед экзаменами, только занятия в десятом закончились, чёрт понёс нас самой шибутной кагалой из класса на вылазку. Я ещё не хотел. Дед набрал к выпускным срочных заказов, бубонел — куда! А отвертеться никак: у всех привычка, что на мясо и бухло выделяю я.

— Нет! — остановил я Женьку, впервые взявшегося выкроить подошву. Он поставил нож перпендикулярно к листу, и кожвалон всей плоскостью сопротивлялся лезвию. — Я тоже пришёл, смотрю, Колюня режет, как масло, а я даваю, руки дрожат, и думаю: «Откуда же в нём, замухрышке, такая сила?» Наискосок поставь, вот так, лист вверх — вниз разойдётся и легко пустит. Ага! — позвал Толика продолжать.

— Ага... После перекуса народ сидит курит, побухивает. Я к тому и другому — фе! С обрыва винтом или в два оборота назад — это моё. Когда вынырнул, воду с бровей стряхнул — её мордаха рядышком. Как в песне — чёрные брови, карие очи... И не поймёшь — смеётся или зубами грозит. Я её — ты меня тяпнуть приплыла? Она: «Давно мечтаю!» Подплывает, я подхватил одной рукой, а она скользкая, как рыбка, и такая... Я же и понятия не имел, какие они. И сразу во мне отшибло все самолёты, все прыжки в воду. Елы-моталы! На берег выбегаем — она как гибкий пруттик. Знать не знал, ни-

когда не видел! Я ещё толком ни с кем не целовался, а в тот вечер мы с ней всё и по самому взрослому. Стыдно признаться: болтали, насмехались, нос задирали, понятия не имея, о чём ляпаем языками. Так-то я вроде целый, а всё, что во мне, разлетелось вдребезги. Есть я — и нет меня. И не могу остановиться. Дед похвалялся собой молодым, я слушал, подхихикивал, а вот только тогда догнал, о чём это он. Нет сытости. Нету! Ещё, ещё, ещё, ещё!.. Те все уехали, мы на берегу, комары-мутанты гудят, как троллейбусы, изъели — нас наутро узнать было нельзя, а я в каком-то припадке безостановочном. И всё. Ничего не осталось. Никаких мозгов. Чувствую, расстанусь с ней на день — помру. Она прятаться — я унижаюсь, клянчу, караюлю, вылавливаю, чуть не насилую. К забору прижал, с меня штаны с трусами — до ботинок, а мимо соседи. Её родителям докладывают, моим... Как спихнули экзамены, не спрашивайте, не помню, а на выпускном говорю ей — давай жениться, я без тебя не могу, я с ума сойду. Она вроде и да, а вроде и не знаю...

— Остановись-ка! — прошу я, поднимаясь к шлиферу.

К треногому станку — зачистить подошву и дать нужную форму подбрусованному ножом перехвату и крокулю — мне на четверть часа, никак не меньше. Вернувшись, нетерпеливо говорю Толику:

— Ага!

— Ага... — вторит он, словно подсоединяя проводок к проводку. — Я — к её предкам. При галстукке, при букете, с шампанским. Придумал на старинный манер попросить руки. Они поддакивают, поддакивают, а смотрю — боятся меня. И говорю — не подумайте, я нормальный, я просто без неё не могу. Договорились, чтобы не позориться по кустам, поселиться мне у них и спокойно подумать о свадьбе. Ну, не позориться — так не позориться. Остаюсь. А у неё кровать с такой железной сеткой из пружин, шайбочек и крючочков. Визжит не хуже домика рыбака. Я осторожничал, осторожничал, а потом и разошёлся. Среди ночи прибегают её малявка-сеструха лет одиннадцати или десяти. Чернявенькая, хорошенькая, как и она, в ночной распашонке до пупка и ревя ревьёт: «Что ты с ней делаешь?!» К следующей ночёвке покупаю килограмм сливочного масла, мажу сетку, напихиваю масло в пазы. Сетка заткнулась, остались звуки борьбы. Ага. Все думали поживём, я наемся, и полегчает. Как же! Со мной хуже и хуже, со мной рефлекс Павлова: где её ни увижу — конец кочерыжкой. Беда!

— Дома своим — женюсь, говорю. Батя с матушкой как стояли — бух передо мной на колени: «Мы тебя просим, мы тебя умоляем!..» А мне дико, понять не могу, как же они не понимают! «Скисните! — кричу. — Ещё слово скажете против — считайте, что я вас не знаю!»

— А дед? — спросил Женька.

— «Як йому так кортыть, — каже, — то хай покуштуе».

— Мудро.

— Да-а... Свадьба. Дворец. Это я уже в ХИРЭ, полгруппы друзей. А её нету. Я пропускаю пару, которая за нами, другую, ещё, ещё. Матушка крепилась, крепилась: «Значит, — говорит, — это от Бога...» Я на неё волком, на друзей волком. Шесть часов, дворцу закрываться — я администратору денег, ждём. К восьми является. Растрёпанная, зарёванная. Распи-сались.

Вспоминая, он готовил детали к прострочке, боковал их, крепил друг к другу на деликатном резиновом клее. Теперь надолго засел за машинку.

— Ага... — сказал, снова повернув стул к чертёжной доске, на которой кроил, брусовал и клеивал. — Живём. Вижу — нет в ней искренности, увиливает, прячется. Люди подсказали — крепи семью детками. Я нахальством, правдами, неправдами — сыночка. К рождению второго бросаю ради денег ХИРЭ, иду на обувное. После второго начинаю уламывать на третьего. И тут она на дыбы. И давай всё крушить. Дозрела. Побежала устраиваться на работу. «Развод!» — кричит. Я так, я сяк — она ни в какую. Подаёт на развод. А дети — только через суд. У судей глаза по семь копеек: жена с двумя детьми добивается развода, а муж орёт, как подорванный — нет! Решение откладывают, откладывают, не меньше года эта бодяга. Бывает, прорвусь к ней, вроде помиримся, я начинаю о семье, о том, чтобы дружно, чтобы всё только вместе, чтобы много детей... Она в истерику, орёт, на стенку лезет. Я в непонятках: за что, почему, я же только к хорошему!.. А тут мелюзга, а тут её предки... Стала нарочно, чтобы я отстал, приезжать с работы с тамошним водилой, с понтом — любовник у неё. Я не верю, она орёт — нет, я его люблю!

— Тормознись! — просит Женька. — Сбегаю отлить.

Проведав нужник на заброшенной окраине двора, он возвращается с почти выкуренной сигаретой. У вьюшки приканчивает её двумя торопливыми затяжками, сигнально говорит Тохе:

— И?

— И развели. Именем республики постановили, что я никому не нужен. Мне так погано никогда не было и, даст бог, никогда уже не будет. На суде свелось к чему: я доказывал, что нужен ей и детям, а она, что нет, не нужен. И суд признал правоту за ней — не нужен. Ощущение было, что мне на лбу написали: «Отброс». И что место моё на помойке. А меня только-только поставили комсой руководить. С работы отпрашивался заслушать приговор, вернулся в комитет, девчата активисточки видят, что я как с креста снятый, давай вокруг меня хоровадом. И знакомят — девчонка прибыла по распределению, будем принимать в комитет. А я как ватный. К ней подсаживают — сажусь, вина добыли — пью. К утру там же, на столе в комитете, бедная девчонка попрощалась с девственностью. К вечеру забираю её к себе, дома говорю: «Она будет здесь жить!» Мои молчком. День, второй проходит, смотрю — с матушкой моей у неё полный вась-вась, а со мной всё невпопад. Сам сказать не могу, а думаю — ушла бы... И место ещё за ней в общаге...

Он развернулся к «Зингеру», долго с пристальным вниманием вышагивал по замысловатым швам. Потом, держа почти законченную заготовку в отстранённой руке, сравнивал сделанное с рисунком и собственным замыслом.

— И что решили? — позвал его Женька к прерванной истории.

— Мы? Мы ничего. За нас решили активисточки. Они же мне её подсунули, и их же заело, что я выбрал её, а не их. А ехидны-то патентованные. Одно слово — комитетчицы. Берут они её личное дело и на бланке комитета, с комитетской печатью пишут на роботу её папе, а он третий человек на оборонном гиганте, что его аморальная дочь позволяет себе открыто сожительствовать с разведённым мужчиной, бросившим двоих детей...

— И вот сидим мы под вечер дома, я, как всегда, смотрю на неё и не знаю, что с ней делать, когда глядь — подруливает к нашим воротам чёрная «Волга» и выходят надутые, как сычи, её папа и мама.

— О, это я люблю! — воскликнул Жека. — Как учит Оноре де Бальзак, новая родня — это всегда «Человеческая комедия»!

— Мы с перепугу и от большого ума прикинулись, что нас

нет дома. Но те же не для того побросали печёное и варёное и принесли из Тулы, чтобы постучать в окошко и уехать. Они ждут. С портфельчиками, чинно, под ручку, приходят после лекций мои. Матушка их увидела — всё поняла. Приглашает в гостиную, ставит чайник и, не кривя душой, начинает с того, как ей нравится их девочка. И что бы вы думали?

— Мы? — не задумываясь, отозвался Жека. — О вновь обрзовавшихся родственниках? Всё, что угодно!

— Подрывается мой будущий тестюган, открывает хайло и орёт: «Ещё бы! — орёт. — Ещё бы вам не понравилась наша девочка!!! Вы, сознательно потакая вашему нравственному уроду, перестарку, у которого двое детей, покрываете распутное сожитительство!!! Немедленно!!! Немедленно верните ребёнка!!!» И тут моё ретивое выносит меня. «А вот это видел?! — сую я ему дулю под самый нос. — Она моя жена и останется здесь! А ты, дурака кусок, пошёл вон! И чтобы больше никогда в жизни тобой здесь не воняло!» Он почуял, что можно схлопотать ещё и по сусалам, — и хамелю-хамелю к выходу. С порога опомнился, гавкнул: «А так оно и лучше! Вернёмся с милицией!» Моя со слезами из той комнаты: «Папа! Перестань! Мама, что вы делаете!» И я, делать нечего, решил скреплять семью проверенным способом. Склепал и тут сыночка.

Расставаясь как с чем-то, что успело приобрести его симпатии, он передал законченную заготовку мне и, мысленно прорисовывая следующую, помечая на обратной стороне студенческого чертежа, из вороха, презентованного нам заказчицей из институтского архива, контуры нового шедевра, тонном шахматиста, которые частенько грешат под размышления отвлечённым балагурством, поведал:

— Зато я с ней узнал, что означает выражение «супружеские обязанности»...

— В смысле?

— В самом прямом. В том смысле, что — обязанности...

ПРИЮТ В ПРИЮТЕ

Уязвимость существования в подполье, загнанность укрывшихся в нору — воспринимались как уют, милая сердцу приязнь общения и свобода.

Укрывшись от враждебного окружения и затеяв козни против него, мы были свободны, как мало кто в стране.

Мы отказались начальствовать над другими и высвободились из-под начальствующих нами — из-под всей их толщи,

пирамидой поставленной над людьми. И дав полную волю азарту и ничуть не сдерживая нахальства, избличали в своих посланиях нижних начальствующих перед верхними, поступательно поднимаясь выше и выше и помечая дёгтем разоблачительства тех, кому писали вчера.

Женьке не терпелось. Зуд побыстрее отправить новую бумагу донимал его, как болезнь. И с ним трудно было спорить: опоздание могло стоить жизни. Так или иначе, но мы успели обеспокоить бумагами и городской, и областной комитеты партии. А по линии прокуратуры добрались уже и до Москвы.

Дорогие наши райкомовцы, искреннее возмущение которых милицейским беззаконием спасло нас от бесславной гибели, успели уже неоднократно пожалеть о горячности, толкнувшей их вступить за нас. Они сыграли против правил. Мы поняли это по поведению сановных комиссий, которые приезжали или собирались на месте примерно по каждой второй нашей бумаге.

«Читали, смаковали!..» — ёрничал в коридоре под сигаретку директор трикотажки, направленный в комиссию облбытом. Но за длинным столом, сидя по ту сторону от нас, хранил неизменно то выражение лица или, точнее, то отсутствие выражения, какое бывает на портретах партийных лидеров.

Вот он-то как раз играл по правилам, следуя которым никто не имел права высказываться с сомнением по поводу действий официальных органов. И никто не должен был проявлять открытого сочувствия нам. Впрочем, откуда бы ему и взяться — сочувствию?.. Всё это были в больших или меньших чинах, но коллеги нашего директора и сотрудников райотдела. Каждый из них побывал под обстрелом «сигналов снизу» и относился к «сигнальщикам» вполне определённо.

Многие из составлявших комиссии обладали недюжинной властью. Иным довольно было шевельнуть пальцем, чтобы мы тотчас очутились на нарах. Но и при том, что все они были естественными союзниками наших врагов, никто всё же не произвёл этого рокового шевеления. Наверное, и это было против правил.

Ещё существовала инструкция по проведению разбирательств и перечень обязательных вопросов к жалобщикам, один из которых был коварнейшим: «Где работаете?» Коварство таилось в том, что если вы ДА работаете, то о вас запросят характеристику с нового места, и там станет известно, что вы кляузник; если же вы НЕ работаете, то спустя три месяца от

даты увольнения вас посадят как тунеядца.

Ответом служил словесный штамп: «Временно не работаю», применив который мы всякий раз задумывались, а сколько у нас ещё осталось из дозволенных месяцев, и понимали, что от вездесущей пирамиды, выстроенной властью, нам не спрятаться и в норе.

Когда в запасе оставалось меньше недели, по протекции Викторией Рувимовны мы попытались счастья в психбольнице. Терпимой по условиям могла быть работа сутки-трое, как у санитаров.

— Женя, дружок, — говорила Виктория Рувимовна, с мольбою заглядывая в глаза, — вы их там не бейте, а?..

Мы хором загадели «что вы!» и «как вам не совестно!», хотя и догадывались, зачем туда набирают крепких мужиков.

Впрочем, пациентов, ещё до того, как нам их увидеть, защитил запах. Вонью, ударившей из коридора, ведущего к палатам, нас отшвырнуло, как взрывной волной, и мы, не раздумывая, сделали ноги.

— Самое вонючее животное на свете, — уверял Женька, когда мы улепётывали по расчищенным от снега аллеям больничного парка, — человек! Посади нас в клетку вместо медведя, и через месяц над зверинцем такой штын повиснет — все зеваки разбегутся!

— И куда нам теперь? — поинтересовался Толик с обычной для него претензией к тому, кто предложил выход, но выхода не нашлось.

Женька пожал плечами, а я сказал:

— Что-нибудь придумается!

— Ты уже говорил — «придумается»!

— Я говорил «с этим надо переспать», — отшутился я. — А ты переспал и придумал!

— Доспимся! — бурчал Тоха. — Пока посадят...

Ему надо было отворчаться, поупрекать, чтобы первым через три минуты стряхнуть с себя уныние. Мы с Женькой заранее перемигивались, ожидая в нём эту перемену, когда мне вдруг вспомнился Геша Купи-Продай, обитавший вблизи моей сапожной и Женькиного хозяйственного. Его, промышлявшего фарцой, как и нас теперь, пугнули статьёй о тунеядстве. Он прибежал за советом, тоскливо, с жалостливой надеждой заглядывая в лица. И однажды с видом одержавшего вселенскую победу явился сообщить, что пристроился в детском приёмнике по графику сутки-пятеро.

Ворота, глухая калитка в них, а в особенности звонок-ревун, противно крякнувший на весь двор, нехорошо напомнили мне колонию. Клацнув железом по железу, в калитке, рядом с обрешиненной кнопкой ревуна, образовалась щель, обращаясь к которой мы доложили о цели визита. Щель захлопнулась, и теперь сама калитка, дважды стукнув металлом по металлу, распахнулась на пискнувших петлях. Тут стало понятно, почему мы говорили с пустой прорезью, а не с человеком за ней: открывший служака был так мал ростом, что мог бы, скорее, общаться через замочную скважину. На нём были щеголеватые, почти новые хромачи детского размера, фиолетовые, толстой шерсти, форменные галифе, ловко сидящий чёрный тулупчик, подпоясанный португеей, и форменная линиялая фурага с пятном первородного цвета ткани на месте отсутствующей кокарды.

Всё во дворе, куда мы вошли, — и вереница низких построек, которые примыкали к проходной и от которых пахло сперва лежалыми нечистыми вещами, потом помывочной, прачечной, кухней; и серая, внаброс, штукатурка главного корпуса, и казённая ухоженность дорожек, и стриженные головы троих, разного возраста пацанов, с печальным любопытством глядящих из окна наверху, — всё говорило, что это уменьшенная копия Куряжа.

Наверное, и калитка, и ревун, и двор с его душком и нарочитым порядком готовили меня к тому, кого предстояло увидеть в кресле начальника.

Провожатый задержался у двери, чтобы по-военному провести большими пальцами под ремнём португеи, и его седой затылок и слабая морщинистая шея выдали преклонный возраст, маскируемый малым ростом и худобой. С молодцеватостью, предназначенной извещать о радости подчинения и удовольствии служить, он вошёл без нас, чтобы спустя четверть минуты просветлённым, бодрым, строгим и будто бы подростком вновь появиться в дверях, жестом приглашая нас войти.

Я сказал: «Здравствуйте!» вместе со всеми, а потом, чувствуя, что моё лицо само собою улыбается знакомому лицу, прибавил:

— Здравствуйте, Аркадий Яковлевич!

За столом в форме подполковника сидел Аркаша, куряжский замнач по учебно-воспитательной части. Это был человек, неутомонно вертевший всей жизнью колонии, как Балда

верёвкой, когда морщил чертям море. Он вёл советы командиров, где обсуждалось всё прошедшее и планы на будущее. Он держал в тонусе соревнование между отрядами и отделениями, где учитывалась и работа на производстве, и учёба в школе, и чистота, и дисциплина, и спорт, и ходьба строем, и ораание девиза, и стенгазета и — всё, всё, всё. Вплоть до того, насколько лихо бригада рывкает «Спа-си-бо!» в ответ на командирское «Приятного аппетита!» Это соревнование бригад ни в малейшей степени не было валянием дурака, потому что пацанов из передовых отделений первыми освобождали на трети срока. Дороже приза, чем тот, что получали пацаны, соперничая в Куряже, не было и никогда не будет на свете. Призом была свобода. Аркаша звал к ней, манил и щедро и честно награждал ею.

Он приглашал режиссёров ставить спектакли, к юбилеям Макаренко лично писал стихи, которые десятком чтецов выкрикивались со сцены, что называлось «монтаж». Вопреки возрасту и рутине, повторявшейся из года в год, он умел сохранить ненапускную увлечённость работой, как это бывает только с искренними людьми, с головой ушедшими когда-то в педагогическую кутерьму.

Аркаша поднялся, ответно улыбаясь мне и не узнавая. На фронте осколок отсёк ему часть челюсти и угол рта. Забываясь, он не чувствовал слюну раненой стороной и, словно маленький, мог выдуть пузырёк.

— Антон Семёнович увлѣк
Своим трудом, зажѣг задором,
Чтоб стал врачом Антон Шершнёв,
Большим учёным стал Задоров! —
прочѣл я его стихи.

Аркаша пустил пузырёк и, обходя стол, направился ко мне.
— Я ваш воспитанник, — сказал я.

Сверкая чёрными, счастливыми, очаровательно хитрющими глазами, он нацелил в меня палец заострённой ранением руки, на которой не было мизинца и половины безымянного пальца, что дало повод одному острослову на его выкрик: «Я тебе пять суток дам!» сказать: «Там только три с половиной!»

— Командир четвёртого! — уверенно воскликнул он и протянул руку, чтобы пожать мою.

— Как же вы помните! — охнул я. — Двенадцать лет прошло, тысячи людей...

— Всех помню! — с совершенно юным бахвальством зая-

вил он. — На пенсии ещё лучше стал помнить! Ну, садись! Садитесь! — сказал Женьке и Толику.

— Докладывай! — приказал он уже из своего кресла.

— Докладываю, — сказал я, зная, что сейчас трону в нём самое незащищённое. — Отслужил армию, вот закончил с отличием университет...

Аркаша принял бордовые корочки моего диплома, словно что-то материально подтверждающее его личную, заслуженную честными трудами победу и радость.

Его ума, умноженного редчайшим опытом, конечно же, хватало, чтобы знать: мальчишек, которых после колонии благосклонно принимает жизнь, не стоило и сажать. Не система Макаренко — их держат на плаву добрые гены. Но совершенно справедливо он полагал, что их, уже посаженных, система и он позволили не загубить сроком.

— Аркадий Яковлевич, — сказал я, помня, что он любит, когда говорят коротко и точно. — Нам нужна работа.

Он глубоко вздохнул и отвёл глаза. Потом, потянув воздух, прибрал слюну, немного шамкая надорванным ртом, сказал:

— Вот скажи, кого бы, как не тебя — с педагогическим образованием, с личным опытом командирства в отряде, — кого, как не тебя, взять воспетом в колонию?! Нет, не могу! Упёрлись: судимость — крест! МВД не аттестует и точка! Я с генералом рассорился на этой почве. Такие хлопцы приходят с такими глазами, с такой душой... И мы же вас учили, мы говорили: Родина не помнит зла, вышел — чист, все дороги твои! А выходит — не все...

— Аркадий Яковлевич, нам не воспетамии... — сказал я и, немного помявшись, чувствуя фальшь, вдруг, не найдя лучшего, заговорил потешным тоном Чичикова, который, как известно, представлялся пострадавшим за правду. Дескать нам, тоже пострадавшим, нужна работа, чтобы продолжить войну за справедливость. — Дежурными по режиму (должность, которой похвалялся Геша), например...

— А ставка? Кот наплакал! С пенсией, как вот у Илларионовича, — указал глазами на оставшегося у двери службиста, приведшего нас, — да, а вам...

— Нам не до ставки. Нам нужно время и такая работа, чтобы не к чему было придраться.

Он, как это делал в Куряже, принимая новичков, чуть отвернув лицо, искоса глянул в глаза мне, а потом Женьке и Толику.

И вдруг ни к селу, ни к городу спросил меня:

— Ты ревнивый?

— Не знаю... — опешил я. — Как-то не было повода...

— Ревнивых в дежурные опасно, могут в запале наделать беды. Вот тебя — можно, — сказал он с некоторой отстранённостью, словно ещё продолжая возиться с анализом проб, взятых у каждого из нас во взгляде. — А товарища с бородой — нет. А третьего — так просто Боже сохрани!

По поводу Женьки его отзыв показался мне справедливым, а мнение о Толике весело удивило.

— А почему — Боже сохрани?

— Он думает очень быстро, и это не есть хорошо. А Боже сохрани — потому что делает ещё быстрее, чем думает. Хотя молодёжь нам нужна просто позарез...

По последней фразе я понял, что есть варианты.

— А нет ли кого-то, кому надо заработать? Ребята бы числились, а человек бы делал и получал...

— Бывает и так... Бывает... — он задумался на мгновение и, решившись, произнёс:

— Да! По старой дружбе скажу без экивоков. Есть у меня работёнка, от которой все бегут, как чёрт от ладана. Надобность возникает по ситуации. Бывает, и месяц человек не нужен, бывает и полтора. Как вам и надо, если я правильно понимаю. Называется штатная единица — эвакуатор. А служба — сопровождать деток, за которыми не приехали родители, до места их проживания.

— Пс-с! — вырвалось у Толика в том смысле, что, мол, это же проще пареной репы!

— Скор! — обращаясь ко мне, заметил Аркаша. — Скор! — повторил он, дважды утвердительно качнув головой. — А завывка в том, что если за детками не приезжают после телеграммы по адресу, а потом после телеграммы родителям на работу и телеграммы в местный райотдел... То это особенные детки. Из мальчишек каждый, конечно, фрукт, но мальчишки ещё туда-сюда. А девочки... Антон Семёнович, — склонился он ближе ко мне, говоря о Макаренко, будто о нашем с ним близком знакомом, — Антом Семёнович, как известно, из пацана вылепливал хорошего человека, как из мягкой глины. А с девчонками бился, бился и в конце концов сказал — пас. Вот последний наш эвакуатор — три месяца как уволен — повёз умницу четырнадцати лет. Вагон плацкартный, на другой не имеем права. Она раз прошла по вагону, сделала глаз-

ки молодым людям. Второй раз прошла и осталась у них закусьивать. Он за ней: «Вернись на место!» Она: «Нет!» Он: «Приказываю — вернись!» Эти, которые молодые, спрашивают: «Это кто?» Она говорит: «Мой дядя. Пользуется, что мама при смерти, и везёт меня к себе насиловать...» Он: «А-а... бе-е...» А что «а», что «бе»? Ни удостоверения, ни доказательств никаких. Его били всем вагоном и выкинули из поезда на ходу. Всё. Эвакуатора у нас нет. А везти ребёнка надо, двенадцать лет девочка. Уговаривал, уговаривал — уговорил нашу воспитательницу. Пенсионерка, контакт с детворой идеальный. Повезла. С перепугу привязывала шнурком за руку к своей руке, чтобы — задремлешь — не прозевать, как уйдёт. Та попросилась в туалет. Наша повела и караулит под дверью. Нет и нет. Она к проводнице. Открыли двери — никого, и окно нараспашку. Ребёнок полез в окно убежать через крышу, сорвался и погиб. Лучшая воспитательница, ветеран, заслуженный работник ходит под следствием.

Женька, как школьник, поднял руку. Аркаша кивнул.

— Если ребёнок убежал — эвакуатору что?

— Самое малое — выговор.

— А что не убежал, как подтверждается?

— Расписка от родителей с указанием паспортных данных.

— А если я его сдал, а он в тот же день дал дёру от родителей?

— Именно так, как правило, и случается. Но родителям — ничего.

— Всё понятно. Мы согласны.

Толик, окрылённый удачей, исполнял музыкальными пальцами на баранке «Ласточки» что-то торжественное.

— Боже сохрани, Боже сохрани!.. — передразнивал он Аркашу. — А как возить мелкую шантрапу, так сразу и не «Боже», и не «сохрани»!

— С развозкой шантрапы я и один управлюсь, — сказал Женька. — Ты дома нужнее.

— А если мне тоже охота какую-нибудь оторви да брось на поезде покатасть!

— Покатаешь! Димыч будет их поддежуривать и по дружбе хорошей оторвочкой всегда поделится!

Живое и скорое воображение Тохи, поманив скромным, вдруг показало что-то тревожное.

— Но каковы малявки! — воскликнул он с явным смятением в голосе, представив, должно быть, возможные осложне-

ния.

— Какие там малявки! — не согласился Женька. — Себя вспомни в четырнадцать!

— И я про то же. Вези и бойся! И гадай, когда и где тебя разведут на ровном месте.

— Гадай или не гадай, один чёрт останешься с носом, — авторитетно заверил Женька. — С ними, как с шулером: если сам не шулер — не садись играть.

— Заслуженная педагогичка и не хотела садиться — заставили. А мы сами напросились.

— Видишь ли... — Женька так пожевал губами, будто лизнул что-то невкусное. — Эти, с педагогической практикой... Среди них бывают неплохие люди, но нормальных я лично не встречал. Ну скажи — шнурком привязывать, караулить у параша... Нормально? А не садиться играть — это вот что: хочешь, деточка, со мной до дому доехать — милости просим, а нет — держи свой билетик, держи лично от меня пару копеек на представительские расходы и гуляй на все четыре стороны!

— А расписка от родителей?

— От кого? Как-как ты их назвал? Родителями? С этими — так. Приехал. Вломился. «Телеграммы получали? Что ребёнок в приёмнике знали? Паспорт на стол!!!» И заполняешь расписку. А подписать — они у меня, если что, и кровью подпишут!

КУТУЗОВ

Впечатлений после первого дежурства, проведённого на подхвате у Илларионовича, я приволок такую охапку, что впервые в нашей сторожке пришлось потесниться главной её обитательнице — работе. То и дело, рассказывая, откладывал инструменты я или застывали, слушая, ребята.

Сотрудники в глаза называли Илларионовича Кутузовым. Словоохотливый и гордый своей служебной опытностью, он изъяснялся притчами. В дежурке, нашем дневном пристанище, имелось два выхода — во двор и в кладовую вещей поступившей детворы, где были стены из полок-ячеек, похожих на соты, дверь в душевую, и где обитали, братаясь и враждуя, неподвластные проветриванию запахи ношенной обуви, грязных носков и нестиранного белья. Сама же дежурка, помимо ароматов, позаимствованных у кладовой, располагала тремя несокрушимо прочными стульями сталинской поры, у кото-

рых в верхней части спинки был вырезан рельефный герб страны, хлипким письменным столом нового времени, с почёрканной и исписанной от скуки столешницей, и полами из толстых досок, истёртых до степени, когда крепкие сучки выпирают кочками.

Я дышал сквозняком от неплотно прикрытой двери во двор и слушал.

— Служу, значит, я в Ленинграде, в знаменитых Крестах... — говорил Илларионович-Кутузов с той былинной напевностью и мечтанием в паузах, которые вырабатываются у людей, по роду занятий вынужденных брать измором служебные часы и минуты. — На дворе голодуха, народ весь в обносках, а я ува форме, питают меня от пуза. Навернёшь картохи толчёной, напузыришься молока с пенкой, ремень попустишь, гуляешь туда-сюда по коридору, попёрдываешь всласть... И докладывает мне как-то один из шептунов, что мой напарник писульку с воли в камеру передал. У-вот... (слово «вот», заполнившее паузу, он вывел тягуче, предварив звук «в» звуком «у»). А я, значит, получить сведения получил, а начальству и не донёс. Не то что напарника поберёт, а так, проморгал, прошляпил... У-вот... А сигнал-то и окажись проверочный! Напарник, не будь дурак, писульку сперва в оперчасть занёс, а там заодно решили и меня... на служебную пригодность... Умели тогда, умели... И меня, сердягу, за Воркуту. Шахту, значит, под горой долбят, как пещеру. В пещере все и живём: глубже зека, этак вот, решёткою, ворота и мы. Три года отбыл день в день. Что называется, от звонка и до звонка. Только что кайлом не махал. У-вот... Зато учёный...

Для закрепления морали он соответствующе глянул на меня. В этом его взгляде было что-то знакомое, и я подумал, что он, как Колюня и все другие, учившие меня, тоже передаёт узнанное — своё...

— У-во-от, — пропел он в качестве зачина перед новым сказанием. — Я тут этим, как их Яклич кличет, воспетам, многое чего... У меня за плечами такое — в учебниках не прочтёшь. К примеру взять детвору тутюшнюю — правды от неё не жди, даже и не надейся. Они ему, значит: «Как тебя, деточка, зовут?» Оно им: «Вася...» «А живёшь?» Оно: «В Курске, на улице Ленина». Они депешу в Курск. А Курск отвечает — нет у нас такого Васи и никогда не было. Они: «Васенька, так ты нас обманул? Може, ты и не Вася?» Може. Оно нос повесило — «Я, — говорит, — Петя из Кирова». Из Кирова стучат —

нет такого Пети. Они его опять — оно в слёзы. И такое сплетёт — посидеешь, слушая. А дождись вестей — враньё. И так их каждая вторая сопя за нос неделями водит! У-вот... И на что бы ты думал, я, младший чин, весь высоко образованный персонал наставил? Сколько народных де...

УБИЙЦА

Кутузова на полуслове оборвал крик ревуна, от которого вздрогнуло, показалось, всё расположение. А он, ничуть не огорчась помехой, оставил бывальщину, чтобы бодро, по-командирски держась на шаг впереди меня, направиться к ка-литке.

Постовой в помятой несвежей форме и с кислым лицом тоскующего в городе деревенского хлопца, подталкивая впереди себя, заставил переступить порог чумазого пацанёнка лет девяти с прилизанной и чёрной, как панцирь жука, стрижкой и ударяющими дерзостью выпуклыми маслинами глаз.

Из-за вальяжной походки и особой посадки головы казалось, что мальчишка выше и главнее нас всех.

— Эт вы его откуда? — спросил Кутузов, заняв место за столом.

— С уголовного розыска.

— Уголовного?

— Уголовного. Воно старуху з одного выстрела наповал.

— Иди ты! — диву дался Кутузов.

— Отож. Побирался по хатах, а та и нюни распустила, повэла до сэбэ нагодувать. Пока борща насыпала, воно у нэи в хати уси заначки перенюхало. Вона: «Ах ты ж такый-сякый!» И за ным. Воно вид нэи. Прыг на диван, с кылыма двустволку цап. И бабце дробью усе облыччя всмятку.

Мальчишка, будто речь взрослых никоим образом его не касалась и ничуть не интересовала, со скучающим видом презрительно разглядывал захудалую вахту.

— И как же оно теперь? — растерянно поинтересовался Кутузов.

— А нияк. Якый с него спрос! По вашей части дознаться, хто воно такэ е. Та сопроводить по месту.

Чумазый убийца без спросу уселся на стул, закинул ногу на ногу. На нём были заграничные белые кроссовки — несбыточная мечта всей молодёжи страны. Обувь была новой, точно по ноге и замызгана невообразимо.

Я проводил постового. Когда вернулся, Кутузов записывал

в истрёпанную толстую книгу:

— Ильяс. Так. А фамилия?

— Ильяс.

— Так, — невозмутимо принял Кутузов, пропуская мимо ушей надменный тон мальчишки.

— А папу зовут?

— Нема.

— Кого нема — папы?

— Папы.

— А мама?

— Ушла на гости.

— А живёшь?

— Табор.

— А в школу?

Ребёнок презрительно фыркнул в направлении потолка.

— А читать?

Ещё одно «фе!» туда же.

— Ну вот какая это буква? — с лукавством манящего в ловушку спросил Кутузов.

Ильяс нехотя покосился на заглавие в газете, выдал через губу:

— Пэ.

— А эта?

— А.

— А эта?

Ильяс отвернулся и лизнул в углу рта складку запекшейся грязи, показывая, что эта буква ему неинтересна.

— Не огорчайся, — утешил Кутузов. — Тут школа, пока из тебя адрес-фамилию вытянут, и читать, и считать научишься.

— Считать и без тебя умею!

— Ну и молодец. Давай-ка будем раздеваться. Ты вещички снимай, клади на стул и говори, как называются. А я запишу.

Цыганчонок легко высвободился из рыжей дублёнки. Месяцев восемь назад мы с Женькой заказали морякам в Одессе что-нибудь наподобие и всё ещё ожидали привоза. Дублёнка была чуть-чуть великовата, он подвернул рукава, и новая с иголочки. Однако спилок у прорези карманов он успел замусолить так, что казалось, будто карманы оторочены лицевой чёрной кожей. Карманы на джинсах престижной фирмы тоже лоснились от грязи, но удивило меня не то, как завазюкал он дорогую и редкую вещь, а то, что, оказывается, фирменные штаны бывают детских размеров.

Воду душа он пробовал с гадливостью дворового кота, которого взяли в дом и подвергают помывке. Мылился неумело и с омерзением, а смывалось с него что-то похожее на фиолетовые чернила.

В чистой, но старенькой байковой рубаше, в застиранных, с белёсыми разводами от хлористого порошка серых байковых штанах, похожих на шаровары, в ношенных, с дырами против пальцев тряпичных тапках на босу ногу, он поднимался на второй этаж всё с тем же видом начальствующего над нами. Повозившись с тапкой, которая якобы спадает с ноги, он дал отдалиться Илларионовичу и тихо, но внятно сказал мне:

— В одежде захована десятка. Скажу где — купишь мне сигарет на восемь? Два рубля твои...

Его «ты» отчасти маскировалось под детское, когда ещё не знакомы сложности этикета и круг составляют самые близкие. Отчасти — наивностью человека, быт которого связан с другим языком. Глаза, однако, выдавали, что причина в неприкрытом нахальстве и полном презрении.

— Нет, — невольно поддавшись заданной им секретности, сказал я в полголоса.

— А за три?

— Нет.

— А пять не жирно будет? — прошипел он с возмущением и так, словно я и вправду затребовал пятёрку.

— За пять тоже не договоримся, — посмеиваясь, сказал я.

— А за сколько? — выговорил он, и глаза его подались вон из орбит.

— Ни за сколько. Никак не договоримся.

Всерьёз огорчённый несовпадением интересов, он с надутым видом миновал лестничный марш; на площадке так, будто внутри у него было пламя, полыхнул фразой:

— Стыришь десятку — стоять не будет!

Я думать не думал о его десятке и усмехнулся в ответ на никчёмную угрозу, однако что-то суеверное, памятью по себе оставляя безотчётную робость, скользнуло по душе.

РУСАЛОЧКА-СТАРОСТА

В учебном классе Кутузов представил меня средних лет воспитательнице, которая во врачебном халате за учительским столом переписывала что-то в журнал, похожий на нашу книгу записей.

Пока Кутузов с рук на руки сдавал Ильяса, я огляделся.

Через распахнутые широкие двери видны были спальные палаты и игровая с бильярдом, телевизором и рядами тяжёлых карболитовых кресел из кинотеатра. Разновозрастная детвора с усердием, но и с баловством, возгоравшимся то там, то здесь, разбившись на стайки, вела уборку всех помещений разом. На подоконнике в позе русалочки сидела девочка лет пятнадцати с роскошными светлыми волосами — пышными, слегка волнистыми и падающими за кромку подоконника. Щёткой-расчёской с зубчиками в резиновой подушке она водила по разнотонно выгоревшим прядям и кобальтовыми глазами мечтательно и грустно глядела сквозь стену. Кто-то из пацанят или девчушек подходил к ней с вопросом, касающимся работ. Не изменившись в лице, движением большого пальца ноги, скрытого тканью тапки, она отдавала указание, которое детвора вприпрыжку неслась исполнять.

Подходил к ней и лоботряс по виду лет двадцати, не меньше. Стриженный под ноль, в детских штанах по колено и в рубашке, едва прикрывающей пуп. Он спрашивал бархатным голосом и глядел с мольбой. Восторг, с которым он встречал приказы пальца её ноги, выхлёстывал из него командами мезюрге, подаваемыми лужёным басом.

— Которая на окошке — староста, — с охотой пояснял Кутузов в дежурке. — Мама завела по месту жительства дом свиданий. Соседи по коммуналке донесли, куда следует, и маму — таво. А дочка — дома. Ну и дяди по старой памяти — к тому же порожку попросить водицы напиться. Соседи в набат! Её, стало быть, к нам на время сбора бумаг для детдома. А бумаг — кипа. И пока десятую отхлопочешь, первой срок вышел, приказала долго жить. Скоро год исполнится, как у нас. Своя. Воспеты души не чают, детвора при ней шёлковая, верёвки вей...

Мы посидели молча. Кутузов, не зная, чем занять руки, переложил книгу учёта на другой угол стола, спрятал в ящик ручку.

— Э-э! — спохватился он. — Я о народных деньгах не таво! Сколько их можно бы оставить в целости и сохранности... И чему бы ты думал, выучил я, вохра малограмотная, воспетов? Я для них изыделал инструкцию ведения допросов. Изюминка в чём — спрашивай побольше и поподробнее, всё у себя записывай, а потом вертайся на второй круг, когда уж оно не помнит, чего прежде брехало! Работает безотказно! Куда тому детектору лжи или как его — полиграхву!.. Без почты, без

телеграмм дорогуших, без того, чтобы оно валандалось у нас неделями!.. Часок посидел с босяком и вывел голубчика на чистую воду. Не, бывают и такие стреляные горобцы, которых на мякине не проведёшь. Которые беглецы со стажем — у тех легенда назубок, что у твоего шпиона. Врёт о дружке своём — и маму его называет, и папу, и место их работы, и адрес. Не собьёшь! И с места отвечают — всё точно, всё сходится, только ребёнок наш дома, вот он, при нас, за руку держим... С этими — да, с этих взятки гладки. А которые начинающие — на тех бы можно большую экономию навести... У-вот... Яклич отверг, — выговорил он, заново переживая былую неудачу. — Ему, конечно, оно виднее... — заметил он с набравшим от времени прочности старым несогласием.

— Не, ну он что говорит? — вгорячах взял Кутузов на тон выше. — Мол, коли так врут, стал быть, им там плохо, куда мы их сбить торопимся. От хорошей, мол, жизни случаются беглецы, романтики. А так ведь от побоев бегут, от голодухи... Попустись, говорит, Ларионыч, не на свои мы их деньги содержим. Пусть поживут в чистоте, в сытости. Хорошую книжку прочтут на уроках, задачку решат. Надоест — сами запросятся. Время — оно доктор. Для них — так уж точно. Время тикает, они вырастают...

Кутузов помолчал, наново примеряясь к доводам Аркаши.

— Прав? На словах — прав. А возмёшь по отдельности каждого нашего шпындика — скажешь одно: драть некому.

Он ещё помолчал, жестами рук и подвижкой бровей выдавая, что всё ещё спорит, и наводя на мысль о силе настырности, живущей в этом маленьком человеке. А мне подумалось, что если когда-нибудь напишу об отце, — Кутузов будет там лагерным попкарём.

— Начальству виднее! — сказал он, закрывая тему, но без намерения забыть, что его обошли признанием.

Потом, всё с тем же неудовольствием косясь в сторону, вдруг спросил:

— А вы на что живёте? — и зорко глянул, следя за реакцией. — Все трое в достатке...

Я улыбнулся, осознавая, тем не менее, беспечность, с которой мы не подготовили легенды.

— Остатки роскоши!..

— Остатки сладки, когда знаешь, что и на завтра будет кусок... Вам, таким-то, тутошнего жалования — только облизнуться...

Он не выпрашивал, он пробовал рассуждать. С позиции дознавателя.

— Подрабатываем, — сказал я. — Мы плитку кладём.

— Положите мне! — лоя на слове, оживился он.

— Не получится.

— Нет? — наострил он нюх.

— У нас зарок: своим не делать. Хочешь, говорят, испортить с сотрудником отношения — возьми у него заказ.

ТАТА

Ревун, словно нанявшийся пугать меня, ужалил Ларионьча бодростью. Он открыл женщине в форме, узнав которую по голосу, привстал на цыпочки, подтягиваясь к прорези, и приветливо отозвался:

— Люся, ты?

Люся из привокзальной детской комнаты милиции доставила заплаканную девочку лет двенадцати, домашнюю, чистенькую и с характером, с той внутренней стрункой, которая отличает девчонок, успевающих быть отличницами, капитаншами в спорте и заниматься танцами.

Оживлённо обмениваясь с Кутузовым новостями, Люся между прочим сообщила, что девочка отстала в дороге.

— Удивляюсь, как долго не звонят, не ищут. Не хотела к вам, но ребёнку бы и поесть, и отдохнуть...

Приняв от Люси два экземпляра заполненного стандартного бланка, Кутузов сделал строгое лицо, нацелил ручку и, как бы репетируя подпись, расписался сперва в воздухе, над местом, предназначенным его каракулям. Затем, как на незнакомку, глянул на милиционершу и с подозрением — на предложенную к подписи бумагу. Наконец удостоверил-таки своей фамилией и должностью акт передачи ребёнка и, выдохнув с облегчением, снова беззаботно расцвёл, улыбаясь Люсе и млея при виде её дородности.

С большой неохотой отпустив минут через десять приятельницу, он уселся описывать вещи ребёнка. Девочка положила на стул вязаную шапочку с бубоном, вязаный шарф, пальто. Расстегнув пуговицу на кофте, она остановилась и с возникшим в глазах испугом посмотрела на Кутузова, на меня. Увильнув взглядом от её глаз, я с вопросом сказал Кутузову:

— Пойду-ка я пройдусь?

Он поднял глаза, понял и ответил строго:

— Ты эти глупости дома оставляй! Тутошний порядок рабо-

ты — он, как армейский устав, писался кровью. Не хочешь накликасть беды — знай присматривайся и делай, как заведено.

Девочка, сообразив, что мне, почти как и ей, в новинку строгости учреждения, глянула на меня с надеждой и сказала:

— Я не разденусь!

— Разденешься, порядок ради тебя никто менять не станет, — ворчливо отозвался Кутузов.

— Не разденусь!

Кутузов привычно, как мастер, отложив не подошедший гаечный ключ, берёт другой, снял трубку с пульта внутренней связи, клацнул тумблером.

— Петровначка, — сказал воспитательнице, с которой знакомил меня утром, — Мне двух хлопчиков постарше — помочь одной умнице раздеться.

— Коники? — спросил в трубке усталый женский голос. И напрягся, выкликая: — Сумцов! И как тебя? Игорёша!

Девчушка пролепетала:

— Не надо...

— Что? — спросил Кутузов, не вкладывая никакого настроения.

— Я сама...

— Петровначка, отбой! — безразлично сказал Кутузов, наперёд знавший, чем кончится.

Последние вещицы она снимала в нервной спешке, бросала на стул.

— Веди, пусть моется, — сказал Кутузов, — Я допишу.

Она ступала босыми ногами, словно ранясь о грязный пол. Вся она была прорисована лёгким штришком, намёком на ту несомненную прелесть, какую станет через годик-другой.

На пороге душевой, перед шагом на осклизлый трап она прошептала мне, боясь, не услышал бы Кутузов:

— Там грибок! Меня из бассейна прогонят, я пропаду от позора.

Я взял с нижней полки тапочки, но в них лоснился след, наеложный чужими ногами.

— Ларионыч, у нас тапки новые есть?

— Есть-то есть. Но на них же не напасёшься, горит!

— А где?

— Выше ячейку открой!

Пробуя воду и старательно смывая чужое с початого не ею куска мыла, она шепнула:

— Можно я голову не буду?

Я кивнул, что можно, и вышел в дежурку.

— Там на открытой полке, — сказал Кутузов, — полотенца, халаты, трусы и майки.

— Пацанячьи?

— А какие ещё!

— Я не надену этого! — отложила она в сторону застиранные сатиновые трусы. — Я не могу...

— Новее не нашёл, — шепнул я, оправдываясь.

— Не потому... Можно мне моё?

— Нет, наверное.

— Тогда не надо ничего.

— А как же ты?..

— В халате.

Я хотел возразить, но она умоляюще прижала ладошку к губам, и я махнул рукой.

Мокрые тапки повесили на дверцы ячеек; в полученных от меня новых она вышла в дежурку.

Кутузов недовольно покосился на её сухую голову, но смолчал.

Когда девочка была в группе, а мы на своём месте, он посоветовал:

— В поводу у них не ходи, заведут! И в стеснялки играть мы не имеем права. Иначе они туда, — показал в сторону корпуса, — и лезвия, и чего только не протащат!

— Какие у неё лезвия!

— Поработаешь — увидишь! Вот ты её в новые лапотоши нарядил, а там с неё снимут, хорошо ещё, если без драки. Добреньким быть — оно не всегда к добру...

— Значит, надо всем новые давать! — огрызнулся я.

— Ага! Ты дома всем гостям новые выставляешь? И ты же в их шкуре у Яклича побывал, знаешь: они не нас боятся, страх у них — как там своя же босячня встретит. Такая же чистюля, я принимал, пронесла с собой расчёску. А у расчёски хвост — точная заточка. После отбоя в палате она старшую и пырни... Моё счастье, что к Якличу прислушиваются наверху, а то бы...

Перед отбоем детвору сосчитали по головам — шеренгу мальчишек и шеренгу девчонок — и заперли в палатах, при которых в больших отдельных комнатах имелись умывальники и разделённые кабинками унитаза. Тем самым Петровна передала ответственность дежурным по режиму. Проводив её

за калитку, засобирався и Кутузов. По правилам один из нас дежурил сутки, а второй к уходу воспитателей в помощь ему выходил на ночь. Спустя два дня второй заступал на сутки, а первый обязан был отдежурить с ним ночь. Однако от ночных смен напарники самовольно освобождали друг друга, из чего и складывалось столь привлекательное сутки — пять.

Когда, надоедиво, но обстоятельно разложив по полочкам, как действовать в случае чего, Кутузов наконец-таки отбыл восвояси, я почувствовал, как устал от него за день и как хорошо одному.

Я повалялся на койке в одной из резервных палат, потом испытал себя в меткости на бильярде и включил телевизор. Вскоре мне показалось, что кто-то тихонько постукивает из палаты девочек. Я приглушил звук, и робко зовущий меня сигнал обозначился яснее.

Стоило прибрать задвижку, как дверь сама приотворилась, и из палаты выскользнула, бесшумно и скоро закрыв за собой, русалочка-староста. Её волосы походили на накидку, кроме которой на ней была простыня, узлом завязанная на плече и оставлявшая голым весь левый бочок.

— Дмитрий Сергеевич, — шепнула она голосом надолго и понапрасну наказанного ребёнка, — можно мне телик посмотреть?

И робко глянула теперь почти чёрными глазами, в которых сиреневыми лампадками посвечивали два огонька.

— Можно, — сказал я, думая не о телевизоре, а о том, как её одеть. — Только одеться...

— Я постирала... — самым невинным образом соврала она.

— Принести другое?

— Не нужно, я не замёрзну, — ответила она так, будто дело было только в этом.

— Ну ты устроился! — воскликнул Тоха.

— И не говори! — сказал я. — Не за змейки, так за малолеток, но сядешь точно!

Она спросила, можно ли поменять канал, и, присев на корточки, повернула туго щёлкнувший переключатель. И тут, словно включённый её рукой, рывкнул ревун. Я перетрусил куда сильнее, чем пугался днём, а она, низко пригнувшись, чтобы не мелькнуть в окнах, бесшумно улизнула в палату.

За калиткой, переминаясь с ноги на ногу, как у занятого

туалета, стоял лысеющий мужчина, где-то потерявший или забывший шапку. Несколько волосин у кромок проплешин, полуживых, истончавших, стояли вертикально вверх, плавая в воздухе, как паутина.

— Дочка... Сказали — у вас...

Я понял, кто он, и из-за того, что повеяло перегаром, горько пожалел мою сегодняшнюю отличницу и пловчиху.

Кутузов не научил, как оформлять уход ребёнка. Чтобы внести потом в документ, я переписывал данные из его паспорта, а она за дверью кладовой переодевалась у ячейки с её вещами.

Облизнув сухие губы, родитель спросил:

— Тата, зачем ты так?

— А я просила тебя, просила?

— Просила.

— А ты?

— Таточка, ну так уж оно как-то...

— Я говорила — или это или я?

— Таточка...

— Нет больше твоей Таточки! За этот день со мной такое...

— Что, Татуся, что ты говоришь, деточка?

— Я больше не деточка. Забудь.

От этих слов, произнесённых холодно и твёрдо, двоим, и ему и мне, сделалось не по себе.

Она вышла застёгнутой на все пуговицы, в шарфе и шапочке. Сложенный в квадратик халат положила на сиденье стула, тапочки (новые!) поставила рядом на пол и спросила меня взглядом — так?

Что-то ещё было в её глазах, кроме этого чуть-чуть задиристого вопроса.

Меня удивило, какая она взрослая; возникла уверенность, что взгляд её хочет передать что-то совсем не детское. Я ожидал укора, но было другое. Она просталась со мной. Как мы прощаемся навсегда с чем-то, что останется нашим на всю жизнь.

И я подумал и, кажется, ответил, ничуть не покривив душой, что и она останется во мне.

Выйдя за калитку, он напомнил заученно:

— Что надо сказать, Таточка?

Она измерила его от раскисших ботинок до лысеющей го-

ловы, а потом совсем другие её глаза полную, отлитую в неразмённый слиток времени секунду, как урок, повторяли для памяти моё лицо.

ЮРИСТ ВИТЯ

На точке у Женьки всем, кто бывал тут прежде, нашлось место, и только юрист Витя как вошёл, так и остался у дверного косяка.

— С ними, что ни говори, всё как об стенку горохом! За что ни возьмутся, обязательно должны вляпаться в беззаконие! — его стремление убедить нас казалось потешной копией того, как мы сами изливаем душу перед комиссиями, разбирающими наши «сигналы».

— Ты, Виктор, хочешь, чтобы эти прелести описали мы, или подпишешься и сам? — вопросом в лоб поставил его перед выбором Женька, сидевший за подносом, как за письменным столом.

Витя, непроизвольно выдав смятение, пожал плечами и, словно в поисках совета, глянул на Маришку, глубоко и с ногами, совсем, как дома, устроенную в дальнем углу тахты.

Насмешливые глазищи Маруськи вместо совета тоже спрашивали в упор: «Ну и как же?..»

— Подпишусь! — решил он.

— Давай тогда так, — сказал Женька. — Чтобы тебе не брать на душу все наши закидоны, не ты наше, а мы подпишем твоё. Садись! — позвал, освобождая место за подносом, заваленным бумагой.

Присупить к сочинительству в присутствии пятерых человек, ожидающих результата... Виктор покраснел, над его верхней губой проступили бисерные капельки, точно прорисовав контуры усов, которые он брил.

С рождения физически он был слабее ровесников и надорвался в соперничестве. Последствием непосильной потуги, своего рода грыжей, стало непомерных размеров самолюбие, из-за которого он страдал неизлечимой стеснительностью и щепетильностью.

Подрагивающим от смущения голосом он читал пробные строки, нудные из-за слога, свойственного его профессии, и сам же озлоблённо зачёркивал их предательски дрожавшей рукой.

— Я, наверное, дома... — отчаялся он.

— Дома и ночью с непривычки до того допишешься — ум

за разум зайдёт, — сказал Женька, знавший, о чём говорит. — Мы на этом деле собаку съели, давай-ка вместе! Что если так: «Выгнал по пьянке — собственноручно вытолкал взащей с территории фабрики — молодого специалиста».

Речь была о Надюше, которая за время нашей, запоем, работы в сторожке истосковалась по Тохе и теперь с прикрытыми глазами и тихим блаженством на лице полулежала у него на коленях, а он, будто баюкая, поворачивался туда-сюда на стуле-вертушке у клавиатура и поглядывал, как нагулявший аппетит обжора, на выставленную перед ним запеченную курочку, прицеливаясь, с какого боку её ухватить.

В отличие от юриста Вити, Наденька не испытывала большого огорчения из-за того, что изгнана и изгнана так бесцеремонно. Без Толика работа на фабрике перестала быть для неё чудом, заполнявшим все её мысли, и стала почти невыносимой, когда начальство утвердилось в догадке, что сведения, которыми напитаны наши ябеды, добываются ею. Она с радостью уволилась бы сразу вслед за Тохой, когда бы не обязанность помогать нам и не счастливая возможность быть полезной ему, Толику.

Виктор усердно записывал под диктовку Жеки, который, не стесняя себя в выражениях, последовательно и ясно излагал вот именно то, что Виктору и хотелось донести до органов, имеющих право одёрнуть зарвавшихся мелких властителей. Он старался не смотреть на Надежду, на её грудь, которую так и влекло из-под мягкой ткани к Тохиной руке, и прикладывал ещё большие усилия, чтобы не глянуть на Марусю. При всей мучительной для него несхожести с нами, а может быть, как раз из-за неё, его тянуло к нам. Всего более манила иногда вгонявшая его в оторопь лёгкость наших отношений с девочками. И конечно — Маруся. Он робел перед нею и ужасно страдал от вопроса, чья же она у нас. Страдал, то видя, что моя, то вдруг получая свидетельство — Женькина. А вот она мурлыкнула что-то Толику, и, значит, — его?..

Беззаботно посмеиваясь, мы подписали его бумагу, и Мариша сказала:

— Знаешь, мы на днях в Москву. Повезём в ЦК партии и КГБ. Айда с нами!

— Айда! — воскликнул он, заразившись общей беспечностью.

— А наше подпишешь? — спрашивала Маруська, словно экзаменуя его на предмет пригодности в нашем кругу.

— А прочесть дадите?

Женька подал им сочинённые и им же набело переписанные экземпляры. Свежей испариной на месте отсутствующих усов отозвался организм Вити на одно только полное название всеисильной инстанции в правом верхнем углу бумаги. Когда, собравшись с духом, он приступил собственно к чтению, со стороны стало казаться, будто кто-то невидимый, притаившийся между словами и буквами, то и дело отпускает любопытствующему Виктору задиристые щелчки и затрепичины. Иногда, словно получив тычок в лоб от наглости фразы или бесцеремонности, совершенно немислимой при обращении к органу, выше которого только первое лицо страны, он с сомнением косился на Маруську, но та всякий раз невинно спрашивала взглядом: «Что? Что-нибудь не так?..» И он опускал глаза, со всем соглашаясь.

— А не настучать ли нам, ребятки, ещё и в «Литературку»? — не без ухарства предложил я, когда Витя подписал всё. — Верите, нутром чую — есть в нашей слёзной эпопее сюжетец, который бы ох как им сгодился! Сделать, а? Всё равно катим, так уж за одним рипом, как говорит дедушка дяди Толи...

(Сыновья, подрастая, называли друзей отцов «дядя», незаметно приучая к тому же и нас: дядя Женя, дядя Дима...)

— Когда едем? — разохотился Виктор.

— А вот мы с дядей Толей шкета цыганского в табор доставим и — сразу, — ответил Женька. — Мы на «Ласточке», тут недалеко, в Липовой Роще.

ТАБОР

Но так уж совсем «сразу» не получилось. В таборе, который, будто мусор из кулька, рассыпался по заснеженному луку, они с трудом выманили из машины совсем не такого Ильяса, какой на глазах у детворы развязно усаживался туда в приёмнике.

Дорогой он делался всё тише и незаметнее. Лицо, нарочно умытое перед отправкой, бледнело, покрываясь грязно-серыми пятнами, и не было сомнения, что это проступает наружу пропитавший всё его существо страх.

Худой, болезненный и невзрачный вожак прикрикнул коротко и недовольно на женщин, что-то приказав, а приехавших усадил напротив себя в войлочном балагане с завесой на входе, такой же замусоленной, как карманы на дублёнке Ильяса.

Слушал молча и безразлично. Принесли водку и грязные гранёные стопки. Толик в позыве брезгливости поспешно обезопасил себя тем, что он за рулём. Женька просто отверг выпивку, предложив хозяину заполнить расписку о получении ребёнка. Тот успокаивающе кивнул и вышел. Через несколько минут, ногою ловко управившись с пологом, в шатёр вошла девочка с кованой сковородой, диаметром сравнимой с днищем бочки, в которой причмокивало и пшикало тонко настроганное мясо.

Аромат свежайшего парного мяса, не тронутого приправами, острыми коготками вонзился прямо в железы под подбородком.

Вернулся хозяин, жестом снова предложил выпить. Женька, сдаваясь, отчаянно махнул рукой, а Толик, сглатывая слюнки, предвкушающее потёр ладонью о ладонь.

Немного захмелев и подкрепившись поджаркой, приезжие вежливо напомнили о деле.

Старший потупился, будто заранее стыдясь того, что скажет:

— Я подпишу, и вы, конечно, можете уехать. Но его мы прогоним. Кто убил — тому в таборе нет места.

Обратно в «Ласточку» Ильяс сажился без принуждения, но выглядел он так, как может выглядеть человек, приговорённый к пожизненному. Никто не вышел проститься, никто из хлопотавших под открытым небом не глянул в его сторону. Мальчишки больше не существовало для них.

Пацанва встретила возвращение цыганчонка шумным ликованием — воспитатели взялись за головы. Вирус самого непредсказуемого пакостничества возвращался с ним в коллектив.

Остаток рокового для него дня Ильяс провёл тихо, отгородившись ото всех мрачной угрюмостью. ЧП случилось в свободное время следующего дня, когда, завершив уборку, сели смотреть телевизор. Воспитательница из-за учительского стола, поставленного позади рядов, обнаружила, пересчитав головы, отсутствие одной. На месте не оказалось Ильяса.

Его искали до отбоя. Вечером, заперев детей в палаты, на совете с дежурными по режиму решились на крайнее — звонить в милицию. И тут в игровой, где, собственно, и совещались, под тяжёлым подоконником шевельнулась речная ре-

шётка, скрывающая батарею отопления, и выполз на свет божий жалкий и скрюченный, словно сживаемый со свету скоротечной болезнью, Ильяс.

СИРОТСТВО

А днём, когда вовсю шли безуспешные поиски, Аркадий Яковлевич передал через меня Женьке приказ незамедлительно сопроводить к месту жительства другого потенциально опасного ребёнка.

Это была хорошенькая бойкая барышня четырнадцати с половиной лет, помеченная самого неприятного рода заносчивостью, свойственной иногда детям милицейских работников, поймавших скорую карьеру. Её мама, брошенная свежеспечённым начальником райотдела, желая без помех поискать себя в личном, спровадила на лето ребёнка под Чернигов к бабушке. И вскоре получила письмо, слёзно просящее забрать её обратно. Маме писала её мама, что от стыда не может выйти к колодцу, потому что внуця вытоптала с солдатами все огороды. Не допуская и мысли о том, чтобы забрать доченьку, родительница телеграммой вызвала её на телефонные переговоры в местное отделение почты.

— Сдала меня, прошмандовка старая?! — рыкнула внуця после сеанса связи. И, собрав пожитки, изо всех своих юных сил шваркнула на прощанье дверью.

В Киев проходящим поездом она прибыла в 19-30, а в 21-00 в найденной согласно вековечному принципу «свой свояка» новой компашке тусила вблизи ресторана.

Смазливых девчужек, стреляющих глазками, цепляли настроенные гульнуть мужички. Они отвечали прилично одетым и не склонным к буйству, но в ресторан не шли.

«Там дорого и нудно! — убеждали юные чаровницы. — Лучше закупиться в гастрономе и упасть к нам».

На радостях счастливец сгребал с прилавка всё, на что указывали бойкие пальчики. А в гостях, куда его приводили, уже сидела за столом шумная молодая компания, по преимуществу пацанячья. Встречали приветливо и попросту. С благодарностью принимали принесённое угощение и предлагали своё. Закусывая, вели радужную беседу. И если гость вызывал симпатию, а его кошелёк способен был осилить хороший подарок, ему даже перепадало то, чего ради он потратился. Но чаще он не был достаточно мил и состоятелен. Тогда наиболее умный, поужинав с воспитанной молодёжью, мирно рас-

кланивался. Тот же, кто, распустив слюни и считая, что вправде, начинал добиваться интима, оказывался с глаза на глаз с двумя-тремя крепкими, почти трезвыми и рассудительными парнями, которые говорили, что приняли гостя, как родного, ничем его не обидели и теряются в догадках, с чего вдруг он раскатал губы на их тёлочку...

Так длилось до зимы, когда примелькавшимися симпатягами заинтересовались постовые. Мама не поехала за ней и в Киев. Оттуда, из приёмника, сопровождающий нашёлся только до Харькова, а до дома, в Астрахань, Аркаша приказал немедленно увозить барышню после того, как из-за неё в первый же день передрались пацаны.

В учебном классе, где каждый из беспризорной братии получил посильное задание, но убивал по-тихому время приличествующим его летам и смётке баловством, у учительницы, глянувшей на него, как на памятник, ненароком сошедший с постамента, Женька шёпотом отпросил назначенную ему спутницу.

За дверью отвёл её в тупик, к окну, где без церемоний развернув к свету, придирчиво, почти брезгливо, прошёлся взглядом выпуклых, размыто-серых глаз по её причёске, тельцу, которое не под силу было укрыть от них халату, и лицу. Когда взгляд задержался на подкрашенных сиреневым и подвазюканных по кромке чем-то чёрным её веках, губа под шёлковым усом глумливо дрогнула.

— Намазалась фуфлятиной... Смоешь начисто, по виду мне нужен невинный ребёнок. Теперь так: мухой в кладовку, взяла свои бебики и постирала-погладила. Времени на всё — до девяти утра. Будешь выглядеть дешёвкой или лахудрой, я с тобой не поеду.

Утром она вышла к нему в коротком жакете из чернобурой лисы, неуместно шикарном, косо сидящем, по всем видимостям, с чужого плеча. Не зная маршрута её передвижений, он подумал бы — в мамином. Внизу были ношенные чистенькие джинсики, из которых она выросла за лето и осень, и большие на неё ботинки «милитари», неуклюжие, но забавно пошедшие бы к ней без жакета. Волосы после едкого мыла дыбились в разные стороны, зато отмытое личико, взволнованное смотринами, было очаровательно.

За спиной она прятала узелок из белой наволочки с сухим пайком на дорогу. Женька, нажав на золочёную защёлку с крохотным, в форме ружейной мушки, отверстием под ключ,

открыл дорожный сак из светлой натуральной кожи. Разинув его зев, бровью научил её, как избавиться от нелепого узелка.

Похоронив в саквояже компрометирующую ручную кладь, она просияла, обрадованная этим избавлением и окрылённая тем, что её внешний вид принят.

За воротами Женька недвусмысленно приподнял локоть. Боясь обмануться, она заглянула ему в лицо и взяла под руку, опустив перед этим глаза, прячущие лукавое.

По пути к кассам он спросил, скорее рассуждая вслух, чем пытаясь узнать у неё:

— Эсве к вам, конечно, не бывает?

— Эсве? — не поняла она.

Он слегка покривил толстокожее лицо, выказывая нежелание распространяться на эту тему и предлагая ей оставаться на месте.

Со вчерашнего дня она думала только о нём, а сегодня, когда он предложил ей руку, когда у кромки дороги шевельнул пальцем в перчатке, которая цветом и выделкой сливалась с кожей саквояжа, и чужая машина безропотно подкатила, распахнув дверцу, когда теперь очередь от одного его взгляда сама собою отпятилась назад... — сегодня она уже знала, что он не только выглядит, но он и есть что-то небывалое, что-то такое, что не могло встретиться в её жизни без знака, без участия судьбы.

Она не отваживалась поверить, но настроение и эта лёгкость, которая так и подзуживала приподняться и зависнуть в воздухе, убеждали, что что-то сбывается... Сбывается.

— Покатим в служебном, — сообщил он, книжной закладкой опуская в бумажник билеты. — Тесновато, зато без свидетелей.

В узком купе с одной верхней и одной нижней полкой он, ухаживая, как за взрослой, принял её жакет, повесил на тремпель. В быструю-пребыструю разведку сгоняв взгляд, она узнала, что он одобрил рубашку из тёплой мягкой ткани в светлую и тёмную клетку, которую она выцыганила у одного из киевских парнишек, накинув и увидав, насколько она ей к лицу.

Диковинным гребнем, зубчатым в обе стороны и состоящем из четырёх — от очень тесной и до разреженной — расчёсок, он пригладил львиную гриву, а густой четвертинкой гребня прошёлся по усам и бороде.

Эти его мужские вещицы — сак, перчатки, часы, гребень — редкостные и необычные, как и он сам, составляли вместе что-то уютное, добротное, необходимое и словно бы сплочённое против всего иного, заурядного мира. Неся каждая свою службу, вместе они были ещё и доспехами — защитой и рыцарским отличием. Они восхищали её, делая однако его недоступным, недостижимым и заставляя её казаться себе самой никчёмной и неинтересной.

— Куришь? — спросил он.

— Курю, — сказала она, наскоро примерившись перед этим, как лучше — врать или не врать.

Возникли и легли на столик пахучие сигареты и зажигалка, броская и замысловатая, как герб на доспехах.

Из сака он достал прозрачный коробок, в котором просматривались мыло, бритва, зубная паста, и снял с дужки казённое полотенце.

Вернувшись, спросил, предлагая свой набор:

— Пойдёшь?

К её приходу на столе уже были стаканы с чаем и пустые стаканы, открытая конусная стеклянная баночка с погружёнными в масло ленточными ломтиками розовой рыбы, её узелок с сухим пайком и шампанское.

— Завтракала?

Она заметила, что с ним и приятно, и выгодно говорить правду.

— Не успела.

— И я не успел.

Возник нож, облепленный по рукояти двумя десятками по замыслу полезных, но никогда не применяемых финтифлюшек, и она подумала, что этим вещицам, к которым она уже ревнует, не будет конца.

Свежий хлеб из узелка, масло, яйца, сваренные вкрутую, таящая во рту солёная рыбка, сладкое шампанское... Он ел, ничуть не скрывая удовольствия, которое доставляет еда его могучему, рассчитанному на обильную заправку телу. В согласии с ним бойко кушала и она.

— Набегался я с тобой... Ты не против? — сказал, поправляя подушку, чтобы лечь.

Для пепла он свернул козью ножку из бумажной салфетки и с тем же наслаждением, с каким пил и наедался, закурил.

Она тоже взяла сигарету. Когда подточенный тлением навис хвостик пепла, он просто, как предлагал руку, чтобы идти

вместе, приподнял свой, рогулькой, кулёчек. Она стряхнула нагар, и эта незатейливая услуга, предложенная и принятая, вдруг подтолкнула к доверию и чувству некоего равенства — не во всём, но в чём-то очень важном.

Её опыт общения с мужчинами и мальчишками утверждал, что близость есть необходимое и главное, если не единственное, что держит вместе. Она подумала — а вдруг и он захочет близости? И ей стало страшно. Почему-то ей показалось, что она сгорит со стыда, хотя, конечно, не посмеет и пикнуть против. И не успела она подумать это, как он сказал:

— Поиграем?

Сказал без нажима и без стеснения. Сказал до того буднично, что это не могло не оскорбить.

Оглушённая обидой, она в спешном порядке искала причины оправдать его, и думала, что в устах многих других не находила в похожих предложениях ничего зазорного. Ещё ей пришло на ум, что он знает, не может не знать о её похождениях в селе и Киеве, и она почувствовала, как всё рушится — всё, что она нафантазировала о нём и себе.

С пунцовым лицом она поднялась, чтобы запереть изнутри дверь, и осталась на ногах, ожидая, что велют делать.

— Я не о том! — воскликнул он, стараясь не рассмеяться и смехом не уколоть её ещё сильнее. — Здесь, в клетке, мы бы только всё испортили... Я предлагаю поиграть в правду.

Она подняла раздосадованные, но уже готовые к примирению глаза, а он похлопал ладонью по мяготи дивана, зазывая её обратно.

— В какую правду? — спросила она, вернувшись.

— В простую. Говорить о себе всё, как есть. Это интересно.

— А о чём?

— О том, что я спрошу. А я — о чём спросишь ты.

— Ладно, — с оглядкой согласилась она, всё ещё ожидая подвоха.

— Чур — я первый спрашиваю! Скажи, вот ты путешествовала... Что было самое-самое для тебя?

— Много чего было... — проговорила она, задумавшись и очень стараясь не покривить душой. Так стараясь, что у неё наморщился лобик и показался кончик языка, без цели гуляющий по верхней губе. — Много... И... И ничего не было... — сказала, с сомнением всё ещё перепроверяя себя. — Ничего. Для меня — ничего такого.

— Хм! — выдохнул он удивлённо. — Как ты сказала инте-

ресно — много и ничего для меня.

Он ощупью нашарил пачку на столе, закурил. Поезд давно придерживал ход, теперь остановился. По коридору тяжело, с вещами, прошли люди. Возникли голоса на перроне. Стояли минут пять, он всё курил, разглядывая её лицо и будто прислушиваясь к движению там, на твёрдой почве. Тронулись так плавно, словно опасались кого-то разбудить либо хотели от кого-то улизнуть незаметно.

— Ты так сказала, что я подумал о своём. И знаешь, мне кажется, что у меня, кроме одного раза, ничего не было за всю жизнь.

— Так не бывает! — не согласилась она, свято уверенная, что весь мир только и должен делать что-нибудь удивительное для него.

— Много ты знаешь, что бывает и чего не бывает! А ведь я старался. Чего только не выкомаривал! Женился со всякими кандибоберами, разводился...

— Женились?

— Шесть раз.

— Ше-есть?..

— Шесть. Всё для себя, и почему-то всё — мимо меня. Во как! Даже интересно...

В его стакане не осталось чая.

— Можно твоего?

Отлил немного в свой стакан, выпил.

— А к тому, что было самым-самым, я не прикладывал руки. Оно само собою. Рассказать?

— Конечно! — воскликнула она почему-то шёпотом.

— Женщина погладила меня по голове. Мне было столько же, как тебе сейчас. А ей... Не знаю. Что-то около того, как мне сегодня. Я жил у неё в комнате, отгороженный книжной этажеркой. И как-то она мимоходом тронула мою голову. А вышло, что погладила самоё душу...

Не дождавшись продолжения, ещё тише, чем прежде, она спросила:

— И всё?

— И всё. А я напридумывал потом вокруг этого всякой пошлятины. Столько всего наврал — тошно вспомнить.

— А как это было? — произнесла она еле слышно и заметно волнуясь.

Он приблизил руку к её волосам, которые, рассорившись все со всеми, плавали по отдельности каждый в своём элект-

ричестве, и тихонько попробовал их пригладить, не коснувшись головы.

Она затихла с закрытыми глазами.

Он не дерзнул повторить. Что-то в нём отчаянно запрещало приблизить к ней ещё раз равнодушную руку.

Потом она легла спиной к нему, каким-то чудом уместившись на полоске дивана, не занятой им, и руку, гладившую её, забрала в свои руки.

Он глядел куда-то сквозь верхнюю полку, повторяя про себя одну и ту же вдруг возникшую мысль. Хотя, скорее, с ним оставалась не мысль, а чувство, приведшее к ней. Он подумал, что в загадке того прикосновения, в этом ларчике, который так долго оставался для него тайной за семью печатями, не было — как нет и сейчас у этой малышки, прикорнувшей рядом, — не было ничего, кроме его, а теперь вот и её, сиротства.

ТРИ МУДРЕЦА В ОДНОМ ТАЗУ

Однажды мне открылся главный порок наших обличительных посланий. Они страдали множеством недостатков. Они были двуличны, как и большинство бумаг подобного рода: с помпой разоблачали противную сторону и помалкивали в тряпочку о том, что рыльце авторов тоже в пуху. Они были наглы, скабрезны, чванливы, злопыхательны, безапелляционны. Они всех поучали, всех норовили ткнуть носом в допущенные неправомыслия и всем пробовали угрожать. Моя бы воля, я таким писакам, как мы, устраивал бы показательную выволочку за одну только их писанину, не говоря о прочих художествах.

Но главное — главное в том, что мы не думали, нужны ли хоть сколько-нибудь наши опусы тем и там, куда и кому мы пишем. А между тем они не только не были нужны — они отравляли существование тем грешным людям, к которым мы взывали, крича на всю ивановскую о несправедности других грешных людей.

А вот «Литературная газета» в своём заступничестве за гонимых и в подаваемых как откровение кустарных экономических рецептах времён НЭПа была не в пример нам гуманна, честна и виртуозна. Что, впрочем, как показало время, не отвело её от роли разрушительницы своей собственной великой и наивной Родины.

Однако сопровождаемое наплевательством и алчностью

народонаселения самоубийство века, до которого тысячелетнюю державу доведут спущенные с цепи языки, начнётся ещё лет через пять, через восемь, а пока у всех на устах была лишь социальная отвага пишущих.

Вот я и надумал повести речь только о том, что могло бы сгодиться «Литературке», которая под правоверный призыв к освобождению труда начала нахваливаться свободную экономику.

С пятью билетами (Надежду не отпустили родители) мы ехали в одном купе.

Маруська, словно свежайший, с пылу, с жару, анекдот, предъявила газету, сложенную так, чтобы первой на глаза попадала карикатурка с тремя недоумками в проржавевшем насквозь корыте среди бушующих волн.

Три мудреца в одном тазу
Пустились по морю в грозу.
Будь попрочнее старый таз,
Длиннее был бы наш рассказ, —
поясняла рифмованная текстовка.

— Смешно! — сказал я, передавая газету Толику. — И похоже.

— Это наши девки передали из мастерской.

— Как они там?

— Грызутся все со всеми. И вспоминают, как было при тебе.

Юрист Витя, выведенный из равновесия стаканом шампанского и присутствием Мариши, говорил о Брюсе Ли и своих занятиях карате. Зайцем во хмелю он попугивал нас намозолёнными костяшками кулаков и задиристо поглядывал на Женьку.

Новая легенда о непобедимом заморыше, подобно сказке о Золушке, пьянила умы обижаемых и обделённых. Народ верил и не верил в возможность укокошить противника одним пальцем и на всякий случай осторожничал с энтузиастами, которые раньше всего прочего освоили терминологию и деланный фанатизм.

— Для меня важно другое, — умиротворённо и сыто возражал Женька. — Если я верю, что мне дадут билеты, — мне их дают. Если я верю, что оторву эту ручку, я её оторву. Что же до твоего шибздика Брюса, то я секунды не сомневаюсь, что, в случае чего, как чемодан, засуну его на третью полку.

Маришка в свободном и куцем трикотажном топике, под

которым гуляли, как им заблагорассудится, её проворные грудки, всегда заносчиво надутые, как мышь на крупу, и в коротеньких податливых шортиках из такой же ткани, стелила на верхних полках, игриво цепляя то одного, то другого из нас задком или животиком и старательно минуя своими полированными бёдрышками Витю.

— Марусь!

— Я вас шлюхаю!

— Ты скоро?

— Наливай, я с вами!

Вновь тесным кружком собравшись у столика, выпиваем. Пригубив шампанского, Маруська разнимает парный, собранный в дорогу бутербродик с сыром, без охоты надкусив, говорит:

— Я девчонок проведала в мастерской — так как-то грустно... Кажется что уж такого, одного человека нет, тебя, а всё разваливается. И развалится. Тебе не жалко? Такая была работа! И у тебя же получалось, как ни у кого.

— Мастерскую жалко. И ребят. А то, что ты называешь работой...

— Толь, а тебе?

Тоха, сытый, под лёгким хмельком, юношески румяный сел глубже и, — отвалиясь к спинке:

— Ты о должности или о чём?

— Ну и о должности.

— Ни грамма. Надьку бы... А так...

Я, чтобы позвать внимание, положил руку на её коленку:

— Вот сейчас бы сказали — ничего не было, вернись. Не вернулся бы.

— Правда? — удивилась она. — А почему?

— Это не работа, Марусь, это что-то другое. Когда по итогу любой из проверок тебя могут посадить...

— Но никого же не сажают... — умненькая, давно ещё изо дня в день рискуя в мастерской, так и этак всё обмозговавшая, заметила она.

— Да, никого, вроде, не сажают, как-то всегда обходится. Но могут, понимаешь, — могут. А жить под этим «могут»... И расстреливать — не слышать, чтобы расстреливали. Однако статья имеется. В глаза тебе кодексом тычут — шлёпнем, кричат, как собаку. Нет, это не работа, это как-то по-другому должно называться. А самое гнусное даже не это. Знаешь, что самое гнусное? Что надо нравиться. Вот нравились, нра-

вились и бац — разонравились...

— А что, где-то по-другому?

— Нет, наверное. Вот никуда и не хочу.

— Но куда-то же надо. Не век же в подполье.

— Не знаю. Разрешили бы кустарничать, как мы сейчас, так мне бы лучше ничего и не надо.

— Храни нас Бог от их разрешений! — сквозь полный рот промычал Женька.

— Серьёзно? — с сомнением покосилась Мариша.

Без спешки прожевав, Жека с ехидцей пояснил:

— Как в анекдоте проститутки ответили на вопрос о возможной легализации их занятия? «Ни в коем случае!» Почему? «Потому что тогда ни один наш интимный орган плана не выдержит!» — его ухмылочка плавно исказилась в ненавидящую. — И что такое их разрешение? Это же снова иди кланяться. Не одним — так другим.

— Да-а... — не мог не согласиться я. И перевёл на Маруську: — Вот ты затеяла! Живём себе и живём. Не трави душу!

— Тю! Я же о вас! А мне что — я сейчас как сыр в масле!

Толяннич сладко зевнул и — сквозь сведённые зевотой скулы:

— Ну что — бросим на пальцах, кому в чужое купе?

— Ну его! — скроила игривую гримаску Маришка. — Я к кому-нибудь из вас под бочок...

— Чур, не ко мне! — поспешно обособил себя Женька. — Клаустрофобию нагонять... Просись вон к Витьке, он мелкий.

— Вить, ты меняпустишь?.. — умоляющим шепотком проносит Маришка.

Спустя долгую секунду слышится дрогнувшее между слогами:

— Пу-щу...

ЦК, ЧК, СЛАСТУН, «ЛИТЕРАТУРКА», И ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ ЛЮБИШЬ, НИЧЕГО ПРЕЖДЕ НЕ БЫЛО

Мы селимся у Куколки — все в комнате с балконом, глядящим на плац. По очереди приводим себя в порядок, занимая место у зеркала над умывальником и унитаза, с которого некогда рухнул побеждённый коньяком Эдька. Пока Женька по овалной линии, прочерченной как по лекалу, выбривает щёки и казнит походными ножничками строптивые волосы, рискнувшие выбиться из глади усов и бороды, я пристаю к друзьям-приятелям, навязывая вид окон мастерской, в которой узнал литературных героев — знакомцев всего мира, и где в

постовом туалете, брошенном на пол, свиданничал по утрам с прелестными особами, ласкавшими меня когда-то или задевшими за живое своей красотой.

— Вижу, вижу, да, второй, да, третье! — отбивает номер Тоха.

Юрист в угоду приличиям разглядывает окна типовой пятиэтажки и амплитудой солидных кивков старается прикрыть равнодушие.

— Марусь! — зову я, раздосадованный тем, что заповедный для меня уголок никому не интересен. — Марусь! — ловлю её за руку.

И получаю хлесткий, как пощёчина, взгляд. Опешив, отпускаю её, пытаюсь понять.

— Вить, а ты кулёк мой куда положил? — спрашивает она с ноткой хорошей семейности, и я, заподозрив отгадку и махнув рукой на ближних, сам прилипаю к остеклённой двери балкона.

На Старой площади, в приёмной ЦК, нас, едва вошедших, забрал из вестибюля в свой кабинет поджарый сидящий мужчина с невыразительным, как у разведчика, лицом.

Он слушал, невозмутимо переводя внимательный взгляд с того, кто говорил, на того, кто перебивал. Мы быстро выдохлись и всё запутали. Но он с видом уловившего суть принял бумаги и учтиво проводил до вестибюля.

Бывает, в жару нахлебаешься по ноздри, а не напьёшься. Что-то похожее было с нами. Нам дали выговориться вволю, мы говорили, говорили, а сказать не сказали.

Совсем близко, ближе, чем обычно бегают в магазин за хлебом, отлитые бронзовые буквы известили: «Приёмная КГБ СССР». Такими же буквами, но помельче, сообщалось: «Работает круглосуточно». Последнее наводило на мысль о сугубой важности информации, которую ожидают здесь, не жалея себя, и заставляло усомниться, стоит ли то, с чем пожаловали вы, внимания и времени этих самоотверженных людей. И многие, похоже, делали от ворот поворот, потому что внутри, во всём обширном холле, не было ни души.

Здесь, словно под сводами храма, тянуло перейти на шёпот. С минуту мы поозирались, потерянно и сиротливо, но тут, словно сквозь стену, к нам вышел человек в цивильном, подстриженный, как Тоха, и начинающий полнеть, как добреют борцы, уйдя из спорта. С ленточкой и лёгкой неприязнью он ог-

лядел нас и задал изобретённый внутриведомственными умельцами вопрос:

— Кто из вас больше всех заинтересован?

Четверо из нас посмотрели друг на друга, а Женька, приняв вызов, шагнул вперёд, и они скрылись за выступом, уже вдвоём уйдя, как сквозь стену.

Было тихо, тепло, пусто и чувствовалось, что кто-то следит за нами. Не стовариваясь, мы попятились к выходу и дали дёру от недреманного ока, придя в себя только в сквере за проезжей частью.

Когда тяжёлые двери отпустили на волю и Женьку, нас обуяло беспричинное веселье, и мы вприскок помчались обежать и шляться по Москве.

Бродили без удержу. Мне казалось, всё рядышком, рукой подать, и только когда взмолился избалованный «Ласточкой» Толик, до меня дошло, что это только мне, по уши влюблённому в этот город, семь вёрст не околица.

Мы поймали такси, с купленными на гостинцы апельсинами спровадили Тоху к Куколке и продолжили путь уже без намерения побывать везде, где мне хотелось.

Маруська не была нашей Маруськой — держась об руку с юристом, она откликалась на шутки и приметы мест, подглядывая сперва реакцию своего спутника. Это было скучно и очень обидно за неё.

Неся в себе благодать старозаветной пешей усталости, затемно мы вломились к Куколке.

Укрытый одеялом, Тоха на односпальном узком топчане листал журнал, брошенный кем-то из квартирантов.

— Налазились? — сказал он, глядя в страницы.

— До упаду! — ответил Женька, валясь на диван и рискуя развалить его. — Ой, — спохватился он, — забыл! Мы были в забегаловке и тебе приволокли ситро и два заварных пирожных.

— Где? — сел Толька, отыскивая ногами гостевые тапки.

Обессилено отвалясь к спинке дивана и прикрывая изнеможенно глаза, Женька проговорил, пристанывая:

— Там, у меня в пальто...

Толик в трусах метнулся в прихожую.

— Где? — донеслось оттуда нетерпеливое.

— Ты не знаешь моего пальто?

— Знаю! Ну?!

— Гну! К карманам!

— В каких? — злой от нетерпения показался он в дверях и, увидев, что все, кроме юриста, подленько хихикают, оскалившись, бросил Женьке:

— Дурак! Пошёл вон!

В три широких маха, словно не в шлёпках, а на лыжах, он пересёк комнату, плюхнулся на лежанку, запахнулся одеялом и схватил журнал, чтобы отгородиться от нас.

— Толь, — сказал я, — ситро и заварные у меня в куртке.

С очаровательным любопытством быстрого зверька он выглянул из-за развёрнутых страниц, секунду смотрел с подозрением, сказал:

— Принеси!

— Ноги не ходят... — пожаловался я.

Толик вскочил и, вдевшись в тапки, лыжником, идущим на рекорд, рванул в прихожую.

— Где?! — крикнул он оттуда с таким отчаянием, словно речь шла о жизни и смерти.

— На бороде!

Комната, включая и Витю-юриста, покатывалась от хохота, когда он, минуя меня на пути к топчану, прорычал:

— Дур-рак! — а скрывшись за журналом, закончил: — Пошёл вон!

Женька, побряхтывая, поднялся, взял складень раскладушки, поставленный у балконной двери. Мне тоже стоило труда подняться. Я помог. Вместе развернули раскладушку и для меня, сняли со шкафа скатки с матрацами и постельным приданым.

— Толец, — сказал Женька, когда раскладушка, надсадно крякнув под ним, всё же устояла, — твоё там наверху, на полке. Я шапкой и шарфом прикрыл...

— Дурак! — бросил Толик журналу, дрогнувшему в его руках.

— Ну дурак так дурак, — пробормотал Женька, в позе упокоения складывая руки на животе и закрывая глаза. — Что ж мы, сами пожрали, а тебе бы не принесли?.. — глубоко выдохнул он в надежде тут же уснуть.

Толик сел. Он верил и не верил. Если мы отведали где-то в городе выпечки, мы не могли не принести его долю. Это ясно. Но если мы принесли, сейчас ему надо перестать покупать, и мы отдадим сами. Это тоже ясно. Не ясно только, что делать с внутренностями, которые готовы с мясом выдрать дружка из дружки обещанную сладость.

Он встал и, сдерживая себя, вразвалочку прошаркал к входной двери.

— Дурак! — крикнул он оттуда, давая отмашку смеху.

Мой хохот за меня озвучивала раскладушка, повизгивая фальцетом. Под Женькой его гамак, распяленный на дюралевых трубках, сделал хромой шажок, но устоял. С разложенного дивана прыскала в унисон из-под общего одеяла новая парочка.

Минуты через две, когда восстановилась тишина, Толик, будто вспомнив недосказанное, вкладывая весь пыл обманутой души, закончил:

— Пошёл вон!

И напросился.

— Толичек, — пропела Маруся голосом провинившейся первоклашки. — Это я виновата, прости! Оно у меня в шубейке... Я всё думала — догадаешься глянуть?

Толик затих, терзаемый сомнениями.

— Неси! — нашёлся он.

— Я под стеночкой...

— Пусть Витька притащит!

— Здравствуй! Ещё чего!

— Не пойду! — решил Тоха, подумав. — Нехай прокисает!

— И правильно, — одобрила Мариша. — Оно не прокиснет, мы утричком все по кусочку...

— Фиг вам! — подскочил Толян, как ошпаренный. — Вы своё пожрали!

У вешалки он учинил пристрастный досмотр, выворачивая наизнанку всё, что попадало под руки. На шум озабоченно выглянула Куколка.

— У-у, дура! — крикнул Толец, и Куколка до половины притворила свою дверь.

— Пошла вон! — завершил он свой ответ Маруське, и Куколка исчезла.

Вволю подразнив сахарный недуг друга, комната затихла.

Я глядел на косою лоскут света от прожектора, караулящего часть, и видел Нончика, какую она приходила ко мне под этот же дежурный свет.

— Ну, с-суки, — грянул, словно из вдруг врубившегося на всю катушку репродуктора, разъярённый обидой и неутолённой жаждой сладкого голос Толяна, — если принесли и не отдали — готовьтесь!

Комната промолчала.

Нончик была девочкой на шаре. Во мне повторялись слова письма к ней после того, как в Пушкинском, словно живую, увидел её на картине Пикассо. И её ответ, что нарочно не говорила, ждала, когда сам увижу и обалдею.

Со стороны дивана донёлся шёпот, короткими, рублеными очередями упрекающий в чём-то.

Маруська не возражала.

Шёпот, терзаемый чем-то и чего-то не понимающий, хоть убей, уходил на окончаниях в вопрос и мольбу.

Намного тише, но совершенно отчётливо Мариша ответила:

— Если ты меня любишь, ничего прежде не было.

Комнатёнка, в которую меня позвали на Цветном бульваре, представляла собой что-то среднее между моей дежуркой в приёмнике и куряжской комнатой свиданий. Полы были вытоптаны до торчащих сучков, как в дежурке, а голый стол на хлипких деревянных ногах и два стула визави — точная комната свиданок.

На столе, отравляя воздух и исполняя роль окурочницы, стояла полная через край жестяная банка из-под кофе, и высокая молодая дама, которой меня поручили, ловко и непринуждённо, с ногою на ногу, устроив на стуле своё длинное и сильное тело пловчихи, сразу же закурила, предлагающим жестом следователя переместив по столу пачку ближе ко мне. Я отказался — она, скособочив рот, дунула дымом в сторону и с ожиданием уставилась на меня.

В «Литературку» я писал сам и говорить пошёл один. Я был готов, как во времена учёбы всегда был исчерпывающе готов на экзаменах. И всё упростил до нескольких фраз. Постановление правительства, моя глупость, позволившая клюнуть на это, ангар неликвидных змеек в ГУМе, активное счастье города, увидавшего змейки в мастерских, сравнимое с наводнением перевыполнение плана и связанный с этим ужас руководства, раскатавший в предвкушении звёзд губы отдел борьбы с хищениями, обыски, жена в кутузке и я с подрастательной статьёй на лбу.

Стрижка моей слушательницы, короткая и облегающая, как шапочка для бассейна, открывала красивую форму головы и вносила в её облик что-то воинственное. Она втолкала окурочку в горку, выпирающую из банки, сказала:

— Это постановление... По всей стране одно и то же. Верн-

те — как под копирку...

Во мне было столько всего согласного с тем, что она сказала, — что это не обо мне одном, что если нам и удастся одолеть, то только всем вместе, потому что против нас... Но я сдержался: она всё понимала лучше меня.

— А вы готовы подтверждать сказанное в открытом разбирательстве? — спросила она.

— Нас шесть человек. Мы только этим и занимаемся последние полгода. Всем кричим — давайте разбираться!

Потянувшись было за второй сигаретой, она строго отказала себе в ней и резко спрятала пачку в карман джемпера.

— Беру ваше письмо. Я попробую, — сказала, подчёркивая, что ничего больше не обещает. — Если уломаю его... Я попробую.

СЧИТАЙТЕ, ЧТО Я ПЕРЕД ВАМИ ИЗВИНИЛСЯ

Две новости караулили нас дома. Во-первых, из приёмника дали дёру пацаны. Все до единого.

На русалочку-старосту паче чаяния выправились бумаги, она переехала в детдом, а оставленную ею власть прибрал к рукам ополчившийся на весь мир Ильяс.

Кутузов, зачувяв неладное, не скостил мне ночь, и я, чтобы уехать, договорился о подмене с дежурным из другой смены, тоже отставником из органов.

Заперев после отбоя палаты, деды не пригубили за вечерним перекусом, как предполагал мой подменщик: на душе у Кутузова кошки скреблись. Приглушённый телевизор он слушал вполуха, на крик в палате мальчишек влетел, как молодой.

Дрались пятеро. Кутузов разнимать — не тут-то было. Он кликнул второго, и стоило тому войти, как вся палата бросилась на них.

Дедов, как буйных, примотали простынями к койкам. Ильяс под возню со связыванием разул Кутузова и с глубоким удовлетворением приобулся в его хромачи.

У обездвиженных отняли связку ключей, переоделись. Ильяс поверх своей дублёнки напялил тулупчик Кутузова, на который, как и на хромачи, давно положил глаз, и опоясался портупеей. Потом предусмотрительно оборвали телефонные провода и дали дёру. Ильяс требовал рассыпную, но пацанва, сбежавшая не сама по себе, а с ним, липла к нему, как к магниту.

Зато девчонки бежать отказались, им как-то не улыбнулось шастать ночью и в стужу бог знает где. Последнее обстоятельство крепко выручило убеждённых сединами профессионалов. Их развязали, и оставшийся при обуви кинулся к ближайшему автомату звонить 02.

Наряд с собакой пошёл по следу. В критический миг Ильяс юркнул под голубую ёлочку возле райкома. Он знал — собака пойдёт за бегущими. Так и случилось. И он, пожалуй, ещё бы долго щеголял в тулупе и хромачах, столь любезных его цыганской душе, когда бы служебный пёс не сшиб удиравшего мальчишку и тот бы не завопил:

— Дядя, уберите собаку, я покажу, где цыганча!

Новость номер два началась с того, что нас всех троих по телефону вызвал Мальков. Но почему-то не в кабинет, в сквер напротив милиции.

Новый фокус! Ладно, не привыкать.

Приехали — он уже на месте, сидит, нахохлился. Увидев нас, поднялся. Руки в карманах, лицо — будто квасилось в кадке с капустой.

Стоим. Видно, что воспалёнными глазами ему больно смотреть.

Толик, кивнув на его напряжённые, топырящие карманы руки, известил трагически:

— Он нас приговорил...

Я нехорошо хихикнул, фыркнул и Женька.

— Я таких безмозглых идиотов — верите? — в жизни не встречал! — начал Мальков. — Я два раза готовил дело к закрытию. И каждый раз вы, психопаты, начинали орать, как подорванные!

— Что я вам сделал? — спросил он совсем уже странно и как-то странно изменился в лице. — Что я вам сделал? — повторил он и опустил голову, почувствовав, что губы сами собой берут плаксивую кривинку. — Другой на моём месте... Сидя в разных камерах, сильно бы вы пожаловались? А я... А вы... Всю жизнь мне вот так вот!.. — и крест-накрест рассёк пальцем воздух.

— А ты? — первым опомнился Тоха. — Сколько ты жизней?..

— Я по обязанности! — вскричал Мальков, нестерпимо задетый непониманием. — У меня служба!!!

— А-а! — театрально запрокинувшись, спел Тоха, давая

знать, что наконец-то до него дошло. — Ни в чём не повинную кормящую девчонку запутивать расстрелом мужа? Это у тебя служба такая? Ну, тогда считай, что дослужился!

Как совершенно безнадёжных и обречённых, Мальков ещё раз оглядел нас кровавыми глазами, сказал:

— Считайте, что я перед вами извинился! — и, чтобы не приблизиться, сделал широкий крюк, обходя нас.

— Слышь! — окликнул его Женька. — Дело, как я понимаю, прошлое, но кто тебя навёл на змейки — Мефодий?

Шанс немного отыгаться вернул Малькову осанку и взор хозяина чужих судеб.

— Он выгораживал вас как мог! Вы топите его в говне, а он... И Вера. И Эвелина. Не возомните, что это вы! Если бы не Эвелина...

— Не, а змейки?..

— Приёмщица одна, соплячка, нагрубилась не тому человеку. И мне дали команду поучить. А она, чтобы подальше от её задницы, — вас мне на блюдечке. Вы же три змейки привезли и нет, чтобы тихо, — раззвонили на весь город. Ловкачи! Ухари! А народ — он таких хитро сделанных не очень... Не очень! Вы это учтите! На будущее...

БЫВШИЙ НАЛАДЧИК, ПЕНСИОНЕР

А сложилось вот как. Верлиока заимел зуб на Эвелину и сам же маялся с этим зубом. В профессии она была выше его на четыре головы. С насмешкой и, будто щелкая всякий раз по носу, отметала его придирки. Но абсолютно непереносимым было то, что она нигде не запачкана. На гигантском урановом комбинате за её подписью в дело ушли миллиарды, но не было и тени сомнения в том, что каждая поставленная ею запятая законна.

И вот Верлиока, взвинченный очередной её насмешкой, брякнул:

— Подожди, я ещё проверю, как ты на Колыму попала!

Она глянула с презрением и ничего не сказала. Но дома — дома расплакалась. Она до комка в горле гордилась своим комбинатом, людьми и собою там. Среди голых сопок, на которых зимой от мороза, а летом от суши глину рвали метровые трещины, они работали, чтобы защитить страну, чтобы ни одной сволочи в мире и во сне не приснилось угрожать ей. И тут это ничтожество, эта бесстыжая алчная мразь...

Её новая семья... Муж, разменявший седьмой десяток мо-

лодожён, обнимал, гладил, как маленькую, по голове. Что он мог — вчерашний наладчик, пенсионер? Что у него было? У него были фронтовые друзья. Всякое случалось, но перед ребятами всегда хорохорился. Всегда — Сашка, Юрок! Он — работяга, Юрок — маршалом в Москве. Ну и что? Ему от Юрка ничего не нужно. Есть только старая дружба, в которой они равны. А тут позвонил и вдруг, сам не зная, как: «Юрий Петрович!..» Оттуда: «Ты чё, из ума выжил? Забыл, кто мы?» Ну, рассказал, как смог.

Юрок, не сходя с места, набрал ЦК. Оттуда через несколько минут связались с заведующим отдела по работе с административными органами Харьковского обкома...

По городу ходил слух, что будто бы всеильный завотдела обкома, сухонький старичок с кавказской фамилией и тихой изысканной речью академика, собрал в актовом зале весь цвет управления. Докладывал начальник службы по борьбе за чистоту рядов. Ему-де поступали тревожные сигналы. Он разбирался и поначалу склонен был думать, что матёрое жульё порочит добросовестных работников. Однако шло время, серьёзных фактов следствием предоставлено так и не было, зато его усердие, судя по продолжавшимся сигналам, стало переходить все границы дозволенного. И наконец переросло в открытое глумление над достойными советскими гражданами...

С ответным словом вследствие врождённого нахальства и неколебимой уверенности, что он при органах незаменим, на трибуну полез Верлиока.

Но прозвучала тихая, почти смущённая просьба сухонького старикана:

— Представьтесь, пожалуйста!

Верлиока назвал фамилию, затем, почему-то задом наперёд, — отчество и имя.

Дедушка, однако, с вежливым ожиданием продолжал глядеть на него. Верлиока смекнул, куда клонят, и решил сам с достоинством огласить, что вообще-то он является старшим бухгалтером ПТУ-43.

Весёлое изумление запрыгало по залу. История ещё не знала примера, чтобы на чрезвычайном собрании высших чинов управы высказывали на трибуну бухгалтеры из ПТУ.

А тихонький старичок, воистину для всех присутствующих в зале наместник Бога на земле, печально заглянул в глаза генералу.

Это был приговор. Ограничились самой малой кровью. Верлиоку вернули в ПТУ, а Малькова, понизив в звании, сослали в Киргизию. Обязав извиниться перед Эвелиной и перед нами. Ура? Победа?

Мы выпивали. И хвастали. О, как мы хвастали!..

ГРОМ ПОБЕДЫ

Но вот, когда ещё не улеглась кутерьма с высылкой опера ОБХСС, куда ворон костей не заносил, вдруг, словно десантом с неба, явился спецкор «Литературки». Наипервейший возмутитель спокойствия, известный всему Союзу.

Начальство поспешило доложить, что виновные уже наказаны. Однако жертва, отданная в покрытие грехов, неожиданно-негаданно обернулась чем-то наподобие явки с повинной. Наказали — значит, было за что? Так что же всё-таки было?

Тогда в качестве платы за тишину выгнали из партии и с работы Ивана Мефодиевича и Веру Павловну. Мало. Ивана Мефодиевича отдали следствию в связи с разжёванной нами и в рот положенной прокурорам всех уровней информацией о приписках. Мало. Дали устное, но твёрдое обещание довести дело до суда. Мало. Коленом под зад турнули верхушку облбьтуправления. Мало. Наконец со щедрой раздачей пряников прошлись по Управлению внутренних дел, где так усердно и так долго покрывали выбрыки Малькова и Верлиоки.

Мы то и дело откупоривали шипучее. И задирали судьбу, высмеивая безропотно уходящих в ничтожество наших врагов. Нам ещё предстояло усвоить, изведав собственной шкуркой, что зло движется по кругу, всегда возвращаясь к тому, кто начал, и ударяя сильнее, чем бил он.

После, десятилетия спустя, я пробовал уяснить для себя, почему с таким смаком обгладывая до мельчайших косточек обстоятельства своего мятежа и победы, мы ни разу не сказали друг другу, что Мефодия и Веру смешали с грязью, а на него ещё и донесли и продолжали капать и капать, не давая вывернуться из-под беспощадной статьи, — ни за что?.. И кажется, понял: для нас они были виновны тем, что мы затеяли против них вражду. И эту их вину не могли скрасить или отменить никакие сведения о том, делали они что-нибудь во вред нам или не делали.

За городом мы работали допоздна. Чтобы не гонять «Лас-

точку» по внутриквартальным разбитым загогулинам, Женька выходил на большаке, после чего Толик отвозил меня и ехал к себе.

Женьку, явного для всех застрельщика и разжигателя нашего бунта, убили в двух шагах от подъезда. Убивали молотком. Вколачивали в череп нос, скулы.

А мы с Толиком, вчера ещё такие неустрашимые, — мы рта не раскрыли, нигде не заикнулись, не попросили, не то что не потребовали, найти его убийц. В поте лица своего и с дрожью поджилок мы лишь доказывали, что убивали не мы.

(Продолжение следует)

Ольга ТІЛЬНА

В КОЛОВОРОТІ БУДНІВ

* * *

А над містом сходить сонце,
як і триста літ тому.
У пташинім суголоссі,
мов у безвісті, тону.

І звитяг колишніх слава,
і теперішніх – ганьба
на бруківці чи бігбордах
довго житиме хіба?

А над містом сходить сонце,
як учора, як щодень.
І у венах його вулиць
кров нуртує і гуде...

Та байдуже переходим
до чужих і до своїх,
бо над містом сходить сонце,
і співають солов'ї!

* * *

От і до літа, наче, дожили,
а про надбання й згадувати годі.
Коловорот розчарувань в природі
прискорює нудну ходу хвилин.

Від людства не сховатись між людей.
Їх штучне горе й щастя недолуге
впадає в очі, проліта повз вуха
і множиться у серці день у день.

А на судинах вапняний наліт
високих прагнень, ницості стосунків...
У наполегливім шуканні суті
втрачається рокам і зморшкам лік.

* * *

В коловороті буднів вмерло щастя,
спинилось серце, відпалав огонь
небесного кохання –
і не вдасться,
хоч як благай, роздмухати його.

І де той день, що розколов нам всесвіт
на дві епохи:

Нині і Колись?

Я удаю, немов уже воскресла...
Ти робиш вигляд, ніби не скоривсь.

А як бувало солодко і тепло
від голосу, від дотику руки!
Це – як живцем із себе шкіру здерти
і влізти в неї вдруге не змогти.

* * *

Світ ловив мене, але не спіймав.
Г. С. Сковорода

Якимись половинчастими строфами
пульсує в тиші зморена душа,
а в ній моя самотність недоторкана
згубитися у слові поспіша.

Комусь і відпилось і відспівалося.
Уже весни бажається комусь...
А я в собі чужих секретів звалище
необережно зрушити боюсь.

Непевний спогад – мертва під лавиною
навіки ляжу.

Не моя вина,
що, може, світ ніколи й не ловив мене,
але давно, давно-таки спіймав.

* * *

Множиться безлад у геометричній прогресії,
погань вилазить з усіх потаємних клоак...
Наче й весна почалась, а у мене депресія –
і не рятує ні шопінг, ані шоколад.

Я потерпаю від зайвості і непотрібності,
грузну в багнюці безглуздя, нахабства, брехні...
Вищі засади любові та власної гідності
нині прокляттям вигнанця горять на мені.

Сонце щоранку ясніше, тепліш осміхається...
Бідне, весь світ обігріти воно поспіша!
Я заварю собі кави зі смутком по-харківськи –
й тихо за сонцем піду по небесних стежках...

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
все пройде́т, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
я не буду больше молодым.

С. Есенин

Відпалахкотіли, відлетіли
дні мої пекучо молоді.
І душа ячить пташатком білим –
розійшлися кола по воді...

Давні рани узялись рубцями,
давні мрії
нині бозна-де...
Тільки десь з-під потаємних цямрин
струменить завзяття молоде!

* * *

Коли твій шлях, плямистий і смугастий,
у далечінь, здається, не веде,
коли розчарувань дороговкази
застерігають вірити в людей;

коли ти весь, беззахисний і сірий,
напівпритомний тонеш у багні,
коли пручатись вже немає сили,
ти сам собі зумій сказати: „Ні!”

Зумій вп'ястися поглядом у небо,
зумій відчути запах полину...
Зумій зростити вояка із себе –
і дати бій собі не полінуйсь.

Хай буде той двобій тяжкий, кривавий!
Хай зранена душа болить, ячить!..
Лиш знищивши в собі усі омани,
ти знов побачиш шлях у далечінь.

* * *

Бузки цвітуть, і небо синє, синє...
Горять сонця кульбабок у траві.
В твоїх очах – по майовій сльозині –
не проханого смутку буревій.

Він – ворог твій, підступний і жорстокий –
бузковими медами спокуша...
Гірко-солодка котиться із ока...
Хай

вража
в ній утопиться душа.

* * *

Нема в світі правди! Правди не зискати!
Що тепер неправда стала правдувати.

Лірницька пісня

Я сховаюсь у чужих сюжетах,
загублюся у чужих думках,
щоб не голосити, мов блаженна,
і щоб винуватців не шукать.

Загорнуся у мовчання саван,
ляжу в домовину самоти...
Інші хай виспівують осанну
кривді, зведеній у самоціль!

* * *

Не маюй картин щасливих,
так завзято не плануй.
У твоїй медовій зливі
забагато полину.

І не клич мене даремно
у земний північний рай.
Не один мій родич кривний
там в неволі помирав.

Не вишукуй слів магічних,
не кажи двозначних фраз.
Межи нас – зневаг сторіччя,
ріки болю поміж нас.

* * *

А Осінь містом блукає боса,
не боячись застудити ніг,
і синім смутком квітчає коси,
і мріє нишком про перший сніг.

* * *

«Мороз и солнце – день чудесный!»
О. Пушкін

Мороз і сонце,
і Різдво,
і віра в те, що прийде літо...
Хоч чашу болю й не допито,
ми вистоїмо всім на зло!

Колядники –
як жебраки.
Їм роздаю залізні гривні,
а дітлахи мар мизи кривлять,
та відмовлятись не з руки.

Святковий стіл,
кутя,
чарки...

І друга знов:
«За тих, хто в полі!».
Не змерзнути,
не збожеволить,
уберегти наш мир крихкий...

Мороз і сонце,
і війна...
Якби ж була така молитва,
щоб хворі душі нам зцілила
й облуди відвела від нас!

* * *

Забагато слів про любов!
Забагато слів про довіру!
Нам новини несуть, немов
кусні м'яса страшному звіру.
І, задобрюючи людей,
обіцянки дають охоче,

щоб не лаяли їх удень,
не кляли щоб супроти ночі.
Із потоків красивих слів,
нарочитого оптимізму
давній ворог тенета сплів
й душить нашу останню пісню.

Татьяна ШЕРЕМЕТЕВА

СВОЙ НАРОД

Глава I НАЧАЛО

Младенца при рождении нарекли Мария. По отцу – Мария Викторовна, то есть новорожденная и жена Посла получались полные тезки.

Пока папа и мама жили за границей, ребенка так и звали: «Мария Викторовна». Очень хотелось, чтобы Послиха стала крестной матерью своей маленькой тезки, но рисковать не стали. Посадить в те далекие поры, может, и не посадили бы, но загреметь досрочно на Родину можно было запросто. Да и не согласилась бы никогда большая Мария Викторовна на это богопротивное дело. Она же была атеистка.

Поэтому маленькую Марию Викторовну крестили уже в Москве, когда командировка закончилась. Церемонией руководила баба Нюра – та, что со стороны отца. Она эти штучки помнила еще по своему детству и вообще знала все народные приметы и обычаи. В наследство от родителей ей с сестрой достались деревенские образа и жестяная лампадка. Но лежали они у сестры Таисьи на антресолях, потому что баба Нюра если и верила в божественное начало, то совсем чуть-чуть, так чтобы со стороны никто не догадался и сыну за его мать начальство не вломило и, упаси господь, в звании не понизило. Бы.

В Москве называть дочку по имени-отчеству было уже совсем необязательно. И Мария Викторовна стала Машенькой.

Машины, что ездили по московским улицам, были совсем не такие, как там, где она жила раньше. И окна повсюду были почему-то чумазыми, а на балконах болтались прицепленные к веревкам какие-то неприличные, как бабушкины штаны, тряпки.

Из магазинов Машеньке нравились только булочные, где за стеклянными витринами стояли вазочки с конфетами и торты с зелеными розочками, а к важным праздникам появлялись портреты каких-то лысых и бородатых дядек, украшенные гирляндами из баранок и пирамидками из пряников. А больше нигде ничего вкусного и красивого не было.

Зато дома на большом блюде всегда лежали апельсины и виноград трех сортов, в холодильнике томилась розовая ветчина с белой каемкой по краю, а в гараже стояла новенькая «Вольво» с бордовым велюровыми сиденьями.

– Это все наша Советская власть старается, – приговаривала обычно бабушка, разбирая по четвергам большие бумажные сумки с разнообразными свертками и пакетами. – Ей для своего народа ничего не жалко, в лепешку расшибется, а сделает. Вона, Туська у себя в Лианозово треску жрет по праздникам, а у нас балык портится. Потому что осточертел этот балык. Я может, красную рыбку люблю.

– Баб, а почему Туська треску жрет?

– Ты таких слов не говори! Смотри, всыплет мне отец по первое число, да и тебе тоже достанется. Не Туська, а баба Туся, и не жрет, а кушает она. Кушает треску.

– Баб, а почему баба Туся кушает треску?

– Потому что треска тоже хорошая рыбка.

– А почему мы кушаем балык?

– Потому что так надо. Мы – народ. А народ наша власть в обиду не даст.

– А Туська не народ?

– Поди, деточка, скушай бананчик. Господи, ты боже мой, какой ребенок тяжелый...

Папа приходил домой поздно, потому что работал сразу на двух работах. Для одной работы в шкафу висел нарядный мундир с погонями, а другая работа была без погон. По утрам папа почему-то всегда одевал костюм с галстуком.

Про мундир в шкафу рассказывать подружкам было нельзя. Но Машенька все равно как-то похвасталась красивыми васильковыми погонями и золотыми веточками на

папиной фуражке Наташке с восьмого этажа их особенного дома. И очень расстроилась, когда Наташка по секрету призналась, что у ее папы тоже есть и погоны, и веточки, еще и красные полоски на штанах имеются. И что говорить об этом тоже нельзя. Поэтому они дали друг другу страшную клятву хранить свой секрет вечно.

Раз в полгода баба Нюра ездила к своей сестре Таисье и каждый раз отвозила ей большую наволочку с одеждой. Там были старые отцовские рубашки, материны свитера, детские туфли, из которых внучка быстро вырастала.

– Не себе возьмет, так продаст, ить, ежели не я, кто ей вспомоществование окажет? Касса взаимопомощи, что ль, на проживание денег даст? Господи, как жить? Все ж с открытым ртом стоят, каждый ждет, чтобы положили.

Машенька к бабушкиной сестре ездить любила, потому что там в доме жили три кошки, кот и почти всегда – маленькие котята. Котят Туська продавала на Птичьем рынке, а тех, что продать не получалось, куда-то прятала. А Машеньке объясняла, что там им будет лучше.

Баба Нюра своей внучке в доме сестры трогать ничего не разрешала. И чашку для нее ходила на кухню мыть сама. Туська обижалась, потому что специально к приходу Нюрки каждый раз и квартиру проветривала, и тапочки парадные надевала.

Машенька в гостях старалась не замечать пожелтевшие фотографии, висящие над телевизором, и не верила, что эти люди с деревянными испуганными лицами, провалившимися глазами и заскорузлыми ручищами могут быть ее прадедушками и прабабушками.

Сначала разбирали вещи. Баба Нюра раскладывала на диване под красивым ковром с лебедями одежду сына, невестки или старое постельное белье с полотенцами и начинала гордиться. Садилась рядом, поджав губы и сложив руки на животе, и укоризненно смотрела на сестру. Потому что никогда Туське со своими котятами ни в жисть не

заработать даже на рукава от Витькиной жилетки, не то что на приличные штаны.

Вещи на диване Туська раскладывала на две кучи. Одна – для себя, другая – на обмен и продажу.

– Баба Туся, а почему ты водолазку сюда положила? Она же красивая!

– Дык, а как я твою вылазку напялю? На одну сиську хватит, а другая голая останется! Вона, Мишка с четвертой квартиры давно уже к ней примеряется...

– Таисья, ты что несешь? Кто примеряется? Ты как с ребенком разговариваешь? Мы так в семье не привыкли!

– Угу. И давно не привыкли? Давно, говорю, говно за избой вместе месили, давно твой Витька ко мне за полтинниками для кина бегал? У меня, может, тоже сейчас и дача, и машина бы была. Не потони мой Ленька, сыночек мой, царствие ему небесное, – все бы было. Получше, чем у вас. Не привыкли они...

– Да что у тебя было бы, ты подумай, балда. Ленька твой жил пьяный и утоп пьяный. А мой Витя человеком хотел стать. И стал.

– Ой, человеком! Знаю я, через какое место твой Витька человеком стал. Поди, стесал себе все до кровавых мозолей! Сталина на вас нет!

– Это на тебя Сталина нет! Мы-то всегда за власть, и власть нас любит. А тебе сдохнуть со своими котятками вон в том лесу под гнилой корягой!

Туська после таких слов обычно начинала из двух охапок делать опять одну и запихивать одежду обратно в наволочку. Потом все бросала и уходила на кухню плакать. За это время баба Нюра успевала вынуть и разложить на диване все вещи заново. Потом тоже шла на кухню, где помещались табуретка, столик и полка, и еще долго оттуда слышались крики, а потом причитания и плач. После они возвращались с чайником и чашками и начинали пить чай.

Ругались не всегда. Иногда чаепитие с пряниками и карамелью начиналось без ссор. Тогда баба Туся и баба Нюра

подолгу вспоминали свою избу, подруг и танцы в деревне и опять плакали оттого, что деревни этой давно уже нет, а вместо нее есть глухая окраина Москвы с одинаковыми пятиэтажками. И давали себе слово на пасху обязательно съездить на могилку к матери и к Ленке. А где лежит остальная родня, они не знали. И никто этого не знал.

Когда Машенька училась в пятом классе, поездки в Лианозово прекратились, потому что однажды крикнула Туська из своей кухни прямо в спину бабе Нюре, что получилась их Машка лицом в папашу своего, в Витьку то есть, а умом – тут баба Туся сказала что-то про кобылу толстожопую и *****цу. И Машенька почему-то догадалась, что речь идет о ее маме.

За свою невестку баба Нюра совсем не обиделась, поскольку и сама думала о ней примерно то же самое. А вот про Витьку, про сына своего, стерпеть такие слова не могла. Она сама собрала вещи в наволочку, взяла внучку за руку и ушла.

Дома Машенька долго рассматривала себя перед зеркалом и пыталась понять, обижаться на Туськины слова или нет. А про ум ей было неинтересно.

А вскоре бабе Нюре позвонил лианозовский участковый. Выяснилось, что померла Туська – так же, как жила. Что, когда окочурилась она, прости господи, остались ее кошки с котятками в запертой квартире не кормленные и не поенные. А когда кошачий вой переполошил весь подъезд и милиция вскрыла дверь, творилось там такое, о чем баба Нюра рассказывать не могла, а начинала мелко креститься и вытирать глаза. И слава богу еще, что у Туськи номер их телефона на листке в клеточку был записан и булавкой к ковру с лебедями приколот.

Хоронили Туську там, где когда-то была их деревня. Кладбище еще стояло, но говорили, что вот-вот снесут и его, и потому там все было закрыто. Баба Нюра упросила сына, он позвонил нужным людям, и вопрос решился.

– Потому что наша власть для своего народа все сдела-

ет. Вот и Туську похоронили по-божески, а земля там хорошая: сухо, песок. Вить, Витя! Ты меня тоже там положи, ладно? Когда там еще его снесут, знаю я их. А мне все спокойней будет.

Но баба Нюра жила еще долго и все потому, что советская власть помогала ей, как могла. Ходила она в поликлинику, куда просто не попадешь, а нужны были для этого специальные пропуска – «корочки» бордового цвета. А очереди там отродясь не бывало, и все врачи были очень вежливые. А когда у бабы Нюры началась катаракта, то все исследования ей сделали за полчаса в одном кабинете и на операцию положили через неделю. А Туська свои глаза не берегла и своей очереди в больницу так и не дождалась. Померла то есть.

Машенька больше жалела котят, чем старую, облезшую и плохо пахнущую бабушкину сестру. Теперь ей было ясно, что есть такие люди, как Туська, а есть такие, как папа и мама. Ну, пусть еще и глупая баба Нюра за компанию, хотя она испортила своей невестке всю жизнь. Это Машенька как-то дома подслушала.

Никогда больше не станет она ездить туда, где унылой чередой стоят одинаково страшные дома, где в подъезде висят почтовые ящики, черные от сторевшей бумаги, а на лестнице еще и куча может лежать. Машенька сначала думала, что это собачки какают, а потом услышала, как Туська ругается, и поняла, что это вовсе не они.

А вот в их доме был красивый лифт с зеркалом, и цветочки стояли на подоконниках. И никто там на лестницах не оставял кучи. А в квартире было много места, и у каждого своя комната. Даже у бабы Нюры.

В школе тоже все было красиво, потому что школа была специальная, и дети там учились тоже специальные. И учителя были хорошие, говорят, лучшие в Москве учителя.

– Потому что наша власть все для своего народа сделает, в лепешку расшибется, а постарается, и мы за то ее любим. Мы всегда за власть, – говорила баба Нюра.

Машенька медленно росла, но быстро взрослела. Учителя ей было совсем не интересно. Затурканные тетki, которые гордо именовали себя “школьным педагогическим составом”, раздражали глупыми придирками и смешили своими самодельными юбками и вязаными кофтами. И были совсем не похожи на ее маму.

Никогда никто из мальчишек не звонил Машеньке и не молчал в трубку, никто не звал ее гулять в парк, не писал ей записочки и не решал для нее контрольные работы по математике или физике, и на выпускном с ней танцевал только толстый Костиков и то по просьбе родителей.

Короче, в школе все получилось не так, как задумывалось. А ведь это она, а не Ленка Коврова должна была целоваться с Соколовским. Вот так: вместе войти в их нарядный подъезд, потом, под удивленным взглядом лифтерши, начать почему-то подниматься по лестнице. А между четвертым и пятым этажом вдруг остановиться и долго стоять, прислушиваясь к тому, как гулко бухают, обгоняя друг друга, сердца. И когда терпеть станет совсем уже невозможно, когда дыхание начнет прерываться, догадаться, что спасение есть и оно рядом. И почувствовать неожиданную шероховатость чужого рта и удивиться, как можно было целых шестнадцать лет жить без этого счастья.

Машенька слушала Ленкин прерывистый шепот, которым она, размазывая слезы, рассказывала о том вечере – тогда, 12 апреля, который у взрослых считается Днем космонавтики, а на самом деле должен называться Днем первого поцелуя. «Он же каждый пальчик, каждый мой ноготок по отдельности целовал», – Ленка плакала, потому что счастье ее уже закончилось и ей самой было уже не подняться, и от горя своего никогда не оправиться.

И Машеньке тоже хотелось не только целоваться на лестнице их уютного подъезда, но и плакать, тосковать и рассказывать кому-нибудь – лучше, конечно, этой же самой Ленке – о том, что свою любовь она не переживет.

А потом случился скандал у Наташки с восьмого этажа. Виноваты во всем были ее родители, которые зачем-то приперлись с дачи раньше срока.

И опять она слушала, а Наташка рассказывала ну совсем уже невозможные вещи.

По ночам Машенька плакала в подушку, а днем, закрывшись в ванной, подолгу простаивала перед зеркалом, чувствуя себя обманутой в своих ожиданиях.

Но делать было нечего. Школа закончилась – и слава богу, и фу на нее. Зато ее ждет самый лучший в стране институт, и уж там она обязательно все наверстает и возьмет то, что ей недодали.

И будет у нее квартира в самом лучшем районе Москвы, и иностранная машина, и, главное, – муж. И вместе они уедут за границу, как ее родители. И все у нее будет хорошо, и главное – намного лучше, чем у других. Потому что, как говорила баба Нюра, Советская власть в лепешку расшибется, а для своего народа все сделает.

И там, где-нибудь в далекой и красивой стране, муж будет работать, как ее папа, а сама Машенька – сводить с ума мужчин. А потом в Москве будет шепотом рассказывать подружкам по телефону о своих поклонниках. Как мама.

Машенька представляла, как будет прощаться с родными в аэропорту, и сердце ее заходило от жалости к родителям, и хотелось плакать от скорой неизбежной разлуки.

Она знала, что все обязательно сбудется. Жизнь и так уже сильно ей задолжала.

Умерла баба Нюра, вместе с ней ушли в прошлое воспоминания о Туське, брошенных в лесу котятках и красивом ковре с плавающими по озеру лебедями и приколотой бумажкой с номером их телефона.

В институте было много папиных знакомых, которые сначала принимали у нее вступительные экзамены, а потом при встрече в коридорах передавали приветы родителям и всегда называли Машеньку по имени. На лекциях ее

рука сама тянулась к перу, и в тетрадях появлялись хорошие женские ножки на шпильках и красивые веера.

«Поставишь то, что нужно, – осторожно, чтобы не обидеть человека, усмехалась она, в очередной раз подавая зачетку какому-нибудь засушенному аспиранту. – А не поставишь, тебе же хуже».

К концу четвертого курса у некоторых знакомых девочек появились первые обручальные колечки на пальцах, и у некоторых внезапно выросли некрасивые животы – у кого килем вперед, у кого подушкой от бока до бока. А кто-то даже успел развестись и находился опять в поиске, снисходительно поглядывая на Машеньку, которая каждый день после лекций шла домой, летом жила на родительской даче в Кратово и Новый год встречала тоже в семье.

Мама первой забила тревогу. Машенькин гардероб был подвергнут ревизии и выбраковке.

Но даже в валютных магазинах подобрать для дочери новые вещи оказалось непросто.

«Боже мой, сколько же на ней мяса! Я в ее годы была совсем другая...», – Машенькиной маме было от этой мысли одновременно и грустно, и приятно.

Да, права была Туська, когда посмела что-то твякнуть про их девочку: внешностью Машенька действительно пошла в папу.

«Зато, слава богу, умом в меня», – утешала себя мама.

Папа поговорил с нужными людьми, и на пятом курсе Машеньку в составе небольшой группы студентов отправили на преддипломную стажировку в Лондон. Там, по настоятельному совету отца, Маша начала из всех сил дружить с однокурсником, который называл себя Алекс.

Голова его напоминала Машеньке лампочку в пуху, но мама по телефону посоветовала на эту ерунду не обращать внимания и исходить из реального положения вещей. Машенька немножко поплакала, но потом решила, что мама права.

В ноябре так хочется тепла, а в Лондоне так не любят

топить. Домой дочь вернулась грустная и немножко беременная.

В положенный срок родился ребенок, которого в честь нужного дедушки со стороны Алекса назвали Вениамином. И очень скоро ее мужу предложили хорошую должность в хорошей стране. Даже две должности. Потому что одна из них была секретная, с погонами, которые Алекс, как и Машенькин папа, никогда не должен был показывать, чтобы в трудных условиях недружественного окружении идеологически чуждой страны вести тайную и очень важную работу.

В аэропорту, прощаясь с родителями, Машенька рыдала и уезжала с твердым намерением взять от жизни все, что ей полагалось. Взыскать, так сказать, по долгам.

Глава II ВСЕ СВОИ

Их приняли очень хорошо. Вокруг были все свои: знакомые родителей, их дети и внуки. Своего начальника Алекс, по детской привычке, называл «дядя Дима». Разумеется, при закрытых дверях.

Началась новая жизнь, но волшебные врата, за которыми прячется большое женское счастье, перед Машенькой открываться не хотели, а модные магазины ее и вовсе не полюбили. Каждая примерка перед зеркалом была напоминанием о том, что социально здоровые корни не всегда выбрасывают к солнцу изящные стебли. И Советская власть тут ничем помочь не могла.

Машенька, рассматривая в зеркале свою по-крестьянски коренастую, но ладную фигурку с крепкими ножками и тугой курносой грудью, начинала ненавидеть всех тех, для кого эти длинные, узкие тряпки были пошиты. Она в этих списках не значилась.

И тем не менее она твердо решила стать первой дамой дипломатического двора. Потребовалось довольно долгое

время, чтобы оглянуться и сориентироваться. На Олимп вели три дороги: успех у мужчин, успех у женщин и, на худой конец, успех по партийной или общественной линии. Еще нужна была работа. Конечно, ребенок тоже требует какого-то внимания. Но так хочется быть на виду.

Работу ей нашли под началом Красногубого Вурдалака. Почему вурдалак, да еще красногубый, никто сказать не мог. Но это было и неважно. Если прозвище есть, его не отскребешь от себя никогда.

Вурдалак был строг и несправедлив. Потому что по утрам очень хотелось пива и всех удавить. Болело и левое, отвечающее за аналитику, полушарие головного мозга и правое, отвечающее не пойми за что, боже ж ты мой совсем, чтоб оно все провалилось к чертям собачьим. И, казалось, даже спинной мозг категорически отказывался соображать.

Трижды в неделю Машенька двумя пальцами печатала для него какую-то муть. Но это было совершенно не важно, поскольку свой интеллектуальный ресурс она берегла для решения совсем других задач. Главное было не «что делать», а «где делать» – королеве нужно окружение, которое потом должно стать свитой.

И пора было выбрать себе достойную подругу. Пока она осваивалась и раздумывала, случилось так, что выбрала не она, а выбрали ее.

Приехала молодая пара, и очень скоро Машенька оказалась сердечной приятельницей беспощадно-ласковой Лады Вишневской, которая быстро втянула ее в свой ближний круг, как черные дыры заглатывают разные мелкие планеты.

– Ах, как неотразима эта тварь, – с болью признавалась себе Маша. В Вишневской было все то, чего так не хватало ей самой.

Своего мужа Лада называла всегда Петр Петрович, тщательно проговаривая отчество и делая серьезное лицо, но

сослуживцы почему-то ему сочувствовали и за глаза называли Петюнчик.

«Ну вот. Всё всегда обосрёт, даже мужа собственного не пожалеет», – с завистью и отчаянием думала о Вишневской Машенька, невольно возвращаясь к вокабуляру Туськи. Вслух подобные слова она произносить стеснялась, находя это несовместимым с собственным статусом.

Зато Лада не стеснялась ничего. Двигалась она медленно, делала все лениво, а соображала быстро.

И там, где Машенька только примеривалась и пристраивалась к призрачной возможности завоевания кого-нибудь или чего-нибудь, Вишневская, небрежно зажав сигарету в крупных ухоженных пальцах, спокойно присваивала это завоевание себе, не спрашивая, кто последний в той длинной очереди.

Маша готова была за новой подругой слова записывать и наизусть их учить, видя, как спокойно входит Вишневская в любые дорогие салоны и бутики. Вещи она выбирала, сидя за чашкой кофе, спокойно наблюдая суету вокруг себя, обувь сама никогда не мерила, а просто подавала ногу, позволяя себя обуть какому-нибудь зализанному мальчику-стажеру.

«Откуда, откуда это у нее? – с тоской думала Машенька, потными ладошками открывая дверь очередной модной точки. – Родители, школа, институт – все похоже, а вот тебе на, говна-пирога», – опять невольно сбивалась она на бабушкин слог.

Когда Вишневская родилась, ее папа уже был генерал, да не простой. Мама очень любила лечиться и всю жизнь дружила с разными врачами спецполиклиники. Лада тоже больше всего любила ласковых, предупредительных врачей. Выросла она девушкой большой и флегматичной, похожей, скорее, на задумчивую телятницу. Чтобы не отдавать девочку в чужие руки, решили пристроить ее замуж за сына добрых знакомых и отправить молодых за границу.

Но вот какая чудесная метаморфоза произошла с Ладой после приезда. Через полгода стала она не большой, а высокой. Обозначились широкие плечи, прямые мужские бед-

ра и длинная, двумя грушами, грудь. С учетом особенностей фигуры стала Лада носить исключительно брюки, просторные свитера и английские мужские рубашки. Волосы покрасила в льняной цвет, и теперь ее лицо обрамляло четкое каре, придавая решительное обаяние всему облику.

Флегматичность проросла в спокойную уверенность в своем праве на все и всех. Больше никому бы не пришло в голову сравнивать Ладу с какой-нибудь там пейзажкой. И называть ее стали с тех пор не по имени, а по звучной и вкусной фамилии мужа. Так ей больше подходило.

Все эти стремительные изменения происходили на глазах у бедной Машеньки, которая, к своему ужасу, обнаружила, что уже год торчит здесь же, но так ничему и не научилась, а только множит в шкафах унылые деловые костюмы.

По ее спине бежал неврастенический пот, когда она представляла, каких успехов можно достичь при Ладкиных даных. «Доска ходячая, говно на лопате», – как будто кто из Туськиной кухни в Лианозово подсказывал ей знакомые слова.

Вот в таких условиях приходилось жить и завоевывать мир.

Глава III ПОПЫТКИ С НЕГОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ

И началась дружба, в которой, с одной стороны, было снисходительное разрешение на восхищение собой, а с другой – унижительное подражание и тайное отчаяние вечной пораженки.

Вишневская выбрала себе совсем другую работу. И пока Машенька, ломая ногти, тюкала по клавишам механической, в интересах государственной безопасности, печатной машинки, ее подруга в течение полутора часов строила глазки охранникам, которым взялась преподавать английский язык, а потом шла курить и трепаться с другими женами из «своих». Машенька с горя тоже закурила, хотя врожденная аллергия лишала это занятие всякой приятности.

Теперь она каждый раз со страхом и нетерпением ожидала, когда же широко распахнется дверь и в проеме покажется ее идеал для подражания в очередном сокрушительно элегантном и простом наряде: брюки «в пол», свитер грубой вязки с глубоким вырезом, а там воротник белой рубахи или какая-нибудь здоровенная блямба на цепи, сумка большая, а каблуки высокие. Все это было придумано, пошито и связано как будто специально для Вишневской, спокойно уверенной в своем превосходстве не только над ближайшей подругой, но и над всеми бабами. А заодно и мужиками – теми, кто не имел отношения к папиному очень специальному ведомству.

Машенька добросовестно старалась не отставать. Вишневская каждый раз ласково улыбалась и говорила что-то о «попытках с негодными средствами». Но Машенька шла след в след. Те же магазины, те же вещи. Ничего не получалось. Жизнь опять не оправдывала ожиданий. Дома она пила чашку за чашкой кофе, курила и справляла горькую тризну по своим мечтам о личном триумфе: Вишневская впитывала ее в себя.

С ужасом Машенька обнаруживала, что уже и говорить начинает с ее интонацией и, смеясь, так же пытается лошадиному встряхивать головой. Ноги ее путались в широких штанах, свитера доходили до колен, а решительное каре делало ее похожей на бабу Ньюру и бабу Тусю одновременно.

Знакомые жёны спокойно оставляли своих мужей с ней наедине, мужчины были по отношению к ней благожелательно-нейтральны. Алексу было все равно. Сам он круглый год ходил в засаленной кепочке и натужно думал свою шпионскую думу.

И потом он уже был вовсе не Алекс, а как раз наоборот – Юстас. Так прозвали его товарищи по работе, и Машенька долго после этого старалась понять, то ли нужно ей обижаться на трудовой коллектив, то ли начинать гордиться собственным мужем.

С горя метнулась она в сторону лучшей половины человечества дипломатического двора. Лучшая половина была представлена местным женсоветом, который являл собой сборище таких разнообразно-кусачих тварей, что такой безобидный ужик, как Машенька, никакого интереса там не вызвал. Ни разу не посчастливилось ей стать мишенью для заинтересованных взглядов и причиной горячечных сплетен.

А вот по партийной линии она выдвинулась, было, неплохо. На дворе стояла середина 80-х годов. Искры борьбы за социальную справедливость и демократию в очередной раз возгорались в пламя. Машенька приняла активное участие в закрытом расследовании партийного ЧП и обсуждении подробностей аморального поведения Секретаря местного Партийного комитета и его товарища-дипломата.

...Обидно было даже не то, что его отселили из супружеской спальни на утепленную лоджию, а то, что об этом знали даже бабы из канцелярии. А ведь все начиналось, как и все начинается в молодости, – хорошо.

В те далекие поры, когда у них на селе еще и слова такого «дипломат» не знали, он втрескался в Гальку из своего класса. После школы вместе поступили в педагогический. На третьем курсе он сказал, что Галька может сколько угодно воображать, но все равно она станет его женой. А спустя пять лет свалилось на голову большое счастье – тестя из районных партийных начальников перевели в область и очень скоро – в Москву.

Хотелось соответствовать, хотелось использовать уникальный шанс, хотелось послать к черту тещу и ее попреки. И молодой учитель географии после звонка со Старой площади поступил в Дипакадемию.

В какой-то момент любовь прошла, и началась тоска, которая не отпускала ни на Родине, ни за границей. Помогала водка. Но после водки каждый раз хотелось чего-то еще – наверное, опять любви.

Он много работал, вечерами никогда не торопился домой и часто исподтишка наблюдал за молодыми машинис-

тками и секретаршами, проходившими мимо всегда открытой двери его рабочего кабинета. Иногда грубо и неумело пытался за кем-то ухаживать. Его когда-то сильное мужицкое лицо с глубоко посаженными глазами становилось все шире и темнее, и в день его юбилея немногие понимали, что исполнилось ему не шестьдесят, а на десять лет меньше.

Секретарь Парткома был по-настоящему популярен в народе, и его даже цитировали. Каждый раз по прибытии к месту работы очередного новобранца он информировал товарищей по партии о том, что в местный Партийный орган вводится новый член. А больше о нем не было известно ничего. В том смысле что ничего хорошего.

Подробности ЧП были неутешительными. Машенька жадно впитывала в себя хронологию и фактологию грехопадения.

Как они сначала, по обычаю, вечером крепко выпили, как потом понесла их нелегкая в город на квартиру к одинокой хорошенькой машинистке, как ломались в хлипкую дверь, как, взломав ее, стали охотиться даже не за машинисткой, а за ее трусами. Все закончилось неожиданно быстро. А столько было задумано.

Полиция, незамедлительно приехавшая на шум, дипломатический иммунитет двух иностранцев намеренно-случайно проигнорировала и одному из них, особенно неспокойному, засветила в глаз.

На следующий день Секретарь Парткома показался на работе в темных очках, а руководству совзагранучреждения от местных властей пришла официальная бумага о дебоше. Расследование затянулось сначала на месяц, потом на другой. Обвиняемые были готовы принять любой приговор, просили только не выгонять их на Родину.

Время шло, напряжение спадало, а потом из Москвы пришло указание о том, чтобы хорошенькую машинистку тихо отправить домой к больной маме, скандал спустить на тормозах и все забыть.

Секретарь Парткома снял темные очки, вернулся в свой кабинет с портретами и опять занялся партийным строи-

тельством, дипломат остался жить на своей лоджии, а Машенька разочарованно вздохнула и порвала на мелкие клочки свои заготовки для выступления.

Приближалась весна, а значит, и коммунистический субботник. В этот день все сотрудники обычно выходили с граблями и метлами чистить территорию. Но перестройка и ускорение вместе с рабочей гарантией пятилетке качества брали свое.

На очередном Партсобрании Мария Викторовна, по поручению старших товарищей, высказалась в том смысле, что не дело это – дипломатам метлами махать. Что есть для этого штатные садовники. И что махание метлами здесь, на отдельной взятой территории, носит формальный и бессмысленный характер. А высококлассные специалисты и на своих рабочих местах найдут себе чем заняться в этот светлый день единения всех трудящихся.

Присутствующие на собрании одобрительно кивали. Это был свежий подход в духе времени, не вечно же всей страной тащить сакральное бревно. Машенька радовалась маленькой победе и мужскому вниманию, которое удалось отвоевать хотя бы на время собрания.

Все испортил голос из дальнего ряда приглашенных беспартийных товарищей. Вытянув шею, она пыталась отыскать ту змею, которая посмела напомнить о ее же прошлогоднем, в духе совсем еще другого времени, высказывании. Тогда ее попросили горячо поддержать идею «всесоюзного бревна». Змея отыскалась, и Мария Викторовна поняла, что в ее жизни одной неприятностью стало больше.

Глава IV ЯДОВИТАЯ ЗМЕЯ

Это была соседка по новому рабочему кабинету, куда Красногубый Вурдалак отсадил подальше от себя Машеньку. Теперь Вишневская, гогоча и потряхивая белокрысой чел-

кой, приходила в гости к ним обеим и, прищурив глаза, сочувственно расспрашивала Лелю Кипяткову о том, как же той удалось добиться такого карьерного взлета, чтобы в тридцать лет оказаться за пишущей машинкой на секретарской ставке. К тому же Вишневская уверяла, что, по данным разведки, на самом деле Кипяткова еще старше и все еще где-то учится. И в Москве у нее осталось дитя, уверенно входящее в пубертатный период.

– Я тебе, Лелечка, один секрет открою. У меня, видишь ли, мама – роскошная блондинка, за ней до сих пор мужики бегают. Очень за собой следит, сейчас вот в санаторий едет лечиться. Написала мне недавно, что с ног сбилась, белую юбку не может себе найти. А без нее ехать отказывается. Пришлось мне эту чертову юбку через папу передавать. Он сюда по своим делам заезжал недавно. Да, ну это я просто к слову.

Так вот, мама обычно шутит: «Ладусик вся в меня, тозе ущица не любит. И потому так сыкарно выглядит».

Она у нас щипящие не выговаривает, впрочем, ей это очень идет. Мама моя зря говорить не будет. Так что ты, Лелечка, выбирай: или ущица, или сыкарно выглядеть. В твоём возрасте совмещать то и другое вредно.

Кипяткова целыми днями ковырялась со своими бумагами, и пользы от нее Машеньке не было никакой. Единственное – с ней не чувствовалось того засасывающего вакуума, которым наполняла пространство вокруг себя Вишневская.

– Да у нее ничего и не получилось бы. Ей до Вишневской – плыть да плыть и все гэ, – солидарно радовалась Машенька.

Леля Кипяткова была нищей. Даже сумки у нее не было – вместо нее ходила она на работу с пластиковым пакетом. Деньги, как говорили знающие люди из бухгалтерии, копила на квартиру.

Шутки шутками, но жизнь упорно не хотела оправдывать ожиданий. Если раньше Машенька страдала от превосходства Вишневской, то теперь ей приходилось мучиться и оттого, что у этих страданий появился свидетель. И хотя Кипяткова обычно молчала, Машенька затылком чувствовала, что все флюиды зависти, обиды и унижения, бе-

шено носившиеся по кабинету, та улавливает.

Как-то Вишневская вместе с подругой собралась после работы за покупками. Вдруг, ласково улыбнувшись, она предложила Лелечке поехать четвертой на служебной Тойоте Петра Петровича.

Странное это было зрелище: Кипяткова – в стенах огромного царства дорогих магазинов, собранных под одной крышей. Машенька недоумевала: зачем Вишневская захватила с собой это чучело?

Кипяткова старалась держаться от Вишневской подальше. А Вишневская наоборот – к ней поближе. Дойдя до своего любимого бутика, она попросила зайти туда и Лелечку. Маша, стоя у входа, перебирала вешалки с блузками и прикидывала, что это Ладка задумала.

А невыносимо обаятельная в своей наглости Вишневская, как обычно, плюхнулась в кресло рядом с витриной и кротко попросила Лелечку оказать ей услугу: примерить те вещи, которые Вишневская облюбовала для себя.

Кипяткова замаялась, но было уже поздно. Вишневская показывала зажатой в пальцах сигаретой, какие именно вещи надо отнести в примерочную кабинку. Лелечка одевалась и выходила на свободную середину, а Вишневская оценивала. Машенька тоже пыталась что-то комментировать и даже давала рекомендации.

Сначала ничего не получалось. Кипяткова маялась в тисках каких-то своих комплексов: горбилась и не знала, что делать с руками. Но после третьей перемены дело пошло. Она быстро переодевалась и даже заглядывала в зеркала. Вишневская ее ободряла, давая советы, как лучше вернуться, чтобы вещь «показалась». Бестолковая Кипяткова послушно двигалась по подиуму, каждые пять минут появляясь в новом и расплываясь в улыбке, которую уже не могла сдержать.

Встала Вишневская неожиданно и так же неожиданно объявила, что дефиле окончено.

– Ты ведь устала? Можешь расслабиться, кисуля. Я по-

том сама сюда приду и все перемеряю.

– И я, наверное, тоже приду, – мечтательно завела глаза Кипяткова, еще не сняв узкое черное платье с высоким глухим воротом и открытой спиной.

– Господи, а тебе-то зачем? – удивилась Вишневская. – Здесь же для тебя все слишком дорого!

На выходе из бутика обнаружился Петр Петрович, прилипший к витрине.

– А на фига тебе это? – недоумевал он. Маша тоже ждала ответа.

– А чтобы место свое знала, – коротко объяснила Вишневская.

«Нет-нет, все не так просто, – думала Машенька. – Ну конечно, это она нам обеим по морде дала. Кипятковой – чтобы свое место знала, и мне, получается, тоже, чтобы свое место знала. Потому что опять здесь все длинное, и опять узкое, и опять на таких вот мерзавок пошитое».

И был еще один неприятный момент. Лелечку, как человека, попросили продемонстрировать вещи на себе, а она начала демонстрировать себя в разных красивых тряпках.

Судя по ласковому взгляду прищуренных глаз под четким каре, Вишневская была не в настроении. Она сильно жалела о затеянном, тем более что этот дурак Петр Петрович был в свидетелях. Заесть неприятность Вишневская решила в пиццерии. Остальных она не спрашивала. Кипяткова вернулась в свои джинсы то ли «Чебуршка», то ли «Ну, погоди!» и, ненатурально улыбаясь, идти есть пиццу отказалась.

– А сама жрать хочет, как собака, – с удовлетворением отметила Машенька.

Когда через час они встретились у машины, Лелечка держала в руках здоровенную коробку с роликами. Петр Петрович пошел проверенным путем и задал свой любимый вопрос: «А на фига тебе это?».

– Да так, в Москву...домой, – Кипяткова неопределенно дернула головой, как бы показывая, в какой стороне находится ее дом.

Глава У РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

С того дня Маша стала испытывать к соседке по кабинету более сложные чувства: презрение переросло в ненависть, а ненависть увеличивала интерес к своему предмету.

Полтора часа в московском метро до работы в один конец, денег нет, мужа нет, ребенок есть, будущее в тумане. Машеньку передергивало при мысли о том, что где-то есть унылые очереди на общих основаниях, чернильные номера на руках и продуктовые заказы со шпротами по жребью к Новому году. И казалось, что в кабинете уже пахло Туськиной кухней и котятками.

– А ты в Москве где живешь? – однажды, предчувствуя нехорошее, спросила она.

– В Лианозово, – в готовности ответила Кипяткова.

А тут еще Вишневская объяснила своей подруге, что амбиции есть у всех – с той лишь разницей что одни в этом признаются, а другие тщательно скрывают, как, например, Леля Кипяткова.

Напряжение в рабочей комнате нарастало, хотя внешне все шло по-старому. Машенька приходила на работу через день, Кипяткова лупила по клавишам машинки, Вишневская после своих уроков их навещала. Эпизод в магазине никогда не обсуждали, и Лелечку с собой больше никуда не брали.

Маша была на пределе сил – Вишневская съела ее целиком со всеми ручками и ножками и только довольно хмыкала, видя, как затравленно и восхищенно смотрит в ее сторону подруга. Нести свой груз второстепенности и малозначимости было уже не под силу, необходимо было рассказать хоть кому-нибудь о том, как тяжело дружить с Вишневской – капризной и наглой террористкой, как она устала от нее.

В конце концов Машенька рассказала Кипятковой все о своем заветном, но несбывшемся. О том, как жизнь оказалась к ней несправедлива и о том, как хотелось быть яркой, пленительной, неповторимой, а не бесплатным приложением к этой заразе.

Лелечка, как обычно, с остервенением стучала ко клавишам своего почти «Ундервуда». А Маша готова была до ночи просиживать на рабочем месте, лишь бы расплескать свои беды на Кипятковских территориальных водах. Когда рассказывать было уже практически нечего, в комнате повис вопрос: «Ну и что же мне делать?»

Лелька поначалу от ответа уклонялась, но однажды вдруг заговорила:

- Прежде всего снять очки.
- В каком это смысле? – оторопела Машенька.
- В прямом. Лучше всего нечаянно сесть на них, чтоб назад уже дороги не было. На крайний случай, просто носить их в сумке.
- Я же ничего не увижу! – ужаснулась Машенька.
- Увидишь. Привыкнешь и увидишь.

И очки переехали с носика на постоянное место жительства в сумку. Маша мучилась, но почему-то чувствовала, что так надо. Через неделю Кипяткова открыла еще один секрет: надо сменить прическу.

Прическу меняли вместе, запершись после работы в кабинете. Леля объяснила, почему Машеньке так противопоказано каре Вишневской. Стригла она же, притащив из дома острые ножницы. Выяснилось, что она этим делом давно занимается, даже терьеру однажды челку выстригла.

– Так ты меня ... под терьера? – осторожно улыбалась Машенька.

– Я тебя совершенно бесплатно. По-знакомству, так сказать.

– А ты что, деньги за это берешь?

– А ты что, думаешь, на мою зарплату прожить можно?

Получилось неожиданно хорошо, благо волосы у Машень-

ки были густые, глубокого медового оттенка. Появились небрежно поднятые упругие пряди, открытые ушки и стильно выстриженный затылок. Челка тоже ушла наверх, серые глаза и лоб мягко, но настойчиво, заявили о своем праве на существование, и зрительно прибавилось несколько сантиметров росту.

– Значит так, сережки свои золотые с камнями оставь до пенсии, а вместо них лучше клипсы купи – дорогие, но не очень крупные. И тащи сюда косметику, завтра краситься будем, – разошлась Кипяткова. Эх, мне бы твои возможности...

– Какие возможности? – Машеньке хотелось услышать приятное.

– Материальные, – честно созналась Леля.

Линию выбрали в соответствии с Машенькиной мастью: общий тон – золотистый, на щеках – спелый абрикос. Серебристо-голубые мазки на веках и черные ресницы. Подбородок высветлить – чтобы четко обозначить. И никакой губной помады, только блеск – влажный и прозрачный. В ушах и на шее – всегда фактурные украшения. Курс на стильную женственность.

Обе уже полностью втянулись в процесс. Сделали новую форму бровей, изменили цвет маникюра с бордового на прозрачно-бежевый, чтобы Машенькины пальчики казались длиннее. Дорогие солидные костюмы были упакованы для подарков бедным родственникам сразу после того, как Кипяткова вскользь заметила, что для полноты образа этим деловым туалетами не хватает ордена на лацкане.

Дело шло в глубокой тайне от Вишневской. Та на всякий случай пощипывала подругу, но понять, что происходит, не могла.

После некоторого колебания Кипяткова посоветовала Машеньке ходить по два часа перед сном. Возвращаясь, та, с непривычки, замертво падала в постель.

И с тех пор Машенька обрекла себя на вечную муку: нигде, никто и никогда не мог увидеть ее без высоких каблучков.

Завершающим этапом стала ее тайная поездка в модный бутик и покупка там запавшего в душу узкого черного платья с глухим воротом и открытой спиной.

Женщина женщине может простить многое, но только не советы, как ей выглядеть. Глупую Кипяткову Машенька с тех пор невзлюбила еще больше, но, правда, и стесняться перестала окончательно. Кипяткова злилась и просила в рабочее время ее не отвлекать. Поэтому Маша ждала свое доверенное лицо по вечерам, готовая тащиться вместе с этим самым лицом и за продуктами, и в химчистку, лишь бы иметь возможность высказаться.

Дамы, как всегда, оказались внимательнее своих мужей, и у Машеньки уже вскоре сладко заболели первые дружеские укусы. Но и мужчины заметили, что она теперь имеет свои неоспоримые достоинства и выглядит уж никак не хуже многих.

А Вишневская, тварь, конечно, все портила и пыталась отравить радости первых побед.

Глава VI ВКУС ПОБЕДЫ

Скоро пришла любовь. Была она родом из дружественной страны Болгарии, и работала эта любовь тоже по секретному ведомству, только болгарскому. Видно, такая уж была у Машеньки судьбина.

– И чего ты в нем нашла? У нас на Дорогомиловском рынке таких – жопой ешь! Стоят рядами, редиску продают, – сочувственно унижала Вишневская.

Илиан увидел Машеньку на приеме в выстрадавшем платье с вырезом на спине и на десятисантиметровых каблучках. Машенька была пикантна, а главное, ее переполняла неистраченная готовность к любовной интриге.

Его жена начала пить еще в студенческие годы, которые счастливо прошли в Москве. Привычка к спиртному осталась с молодости у обоих. Но Илиан себя контролиро-

вать мог, а Мила делать этого не умела. Через десять лет у них родился ребенок. Он был полностью глухим. Илиан дома бывать не любил: раздражали и всегда нетрезвая жена, и этот нездоровый ребенок.

Найти альтернативу Миле всегда было легче легкого. А Машенька была тем янтарным яблочком, которое само в руки падало. Грех было его не поймать. То, что и Илиан, и Юстас трудились в родственных организациях, делу не мешало. При желании всегда можно было все устроить.

По звонку Машенька быстро собиралась и спускалась на лифте навстречу своему личному счастью в подземный гараж соседнего дома, где Илиан парковал свою машину.

Там она осваивала разнообразные пути к вершинам любви внутри салона служебного автотранспортного средства с дипломатическими номерами страны Болгарии. Но иногда страсти выплескивались наружу, и тогда по-простому использовалось пространство между двумя соседними автомобилями.

Новые ощущения были сродни состоянию непреходящего алкогольного опьянения. Впервые Машенька имела дело с настоящим большим и волосатым мужиком. Ее ладони каждый раз недоверчиво замирали, ощущая неправдоподобную тяжесть драгоценных гениталий. Ради этого она была готова нестись в гараж и стоять на четвереньках на бетонном полу между машинами. Это было прекрасно. Опьянял Илиан и сама интрига: чужая жена, собственный муж, риск и неожиданность каждого свидания.

Вспоминая сложные сплетения тел, смелые фантазии Илиана, она с ненавистью теперь думала о скромных радостях семейного секса в целомудренной классической позе, избранной Юстасом раз и навсегда.

Она старалась не выходить из дома и худела теперь от напряженного ожидания у телефона с чашкой кофе в одной руке и сигаретой в другой. Ни о ребенке, ни о муже думать было практически некогда. Сына Веньку Машенька держала в детском садике, Юстаса кормила, как когда-

то выражалась Туська, «конёвим каком».

Энергия ненависти сосредоточилась теперь на Миле. Даже вечно навеселе, она оставалась женой Илиана, матерью его ребенка и по-южному яркой бабой. Машенька глубоким вырезом на спине любимого платья чувствовала спокойную уверенность, с которой Мила держала мужа возле себя на официальных и неофициальных мероприятиях. Самому Илиану и в голову не приходило, что можно свинтить от жены и от тестя – члена ЦК Болгарской Компартии.

...Новый год решили справлять смешанной компанией. Дружественная страна Болгария была в разрешенном списке. Вишневская за две недели начала переживать, что времени не хватает ни на что и надеть ей совершенно нечего.

– Хотя что я беспокоюсь, у нас же все будет по-домашнему, все будет только для своих, – ласково улыбалась она Кипятковой и по-лошадиному встряхивала светлой челкой. – А ты, Лелечка, куда надумала пойти?

Кипяткова бледно улыбалась и отвечала, что еще не определилась.

Под хлопанье пробок, звон бокалов и новогодние поздравления Машенька подарила жене Илиана свои жемчужные, отделанные бриллиантами, серьги, перекочевавшие к ней из министерского подарочного фонда свекра в день бракосочетания с Алексом-Юстасом.

– Пусть, сука, носит и всю жизнь меня помнит, – длинным светлым ногтем подбирая слезы с голубых век, шептала она, жалея серьги, в затылок Кипятковой.

Но поскольку та в рабочее время категорически отказывалась отвлекаться на разговоры, в дни наибольшего эмоционального напряжения Машеньке приходилось плакать молча.

Странную картину можно было застать в их рабочем кабинете: Кипяткову, строчащую на своем драндулете, и тихо рыдающую Машеньку. Красногубый Вурдалак сначала деликатничал, потом пошел жаловаться Юстасу.

Юстас спросил у Вишневской.

Вишневская деликатно поинтересовалась у Машеньки: рассказать или нет?

За личное счастье приходилось платить, и деликатные вопросы Вишневской стоили дорогого. Машенька поняла, что навечно стала заложницей в руках любимой подруги и что та в любой момент может покрыть мраком позора ее доброе имя.

«А виновата во всем эта дура Кипяткова со своей гуманитарной миссией», – к такому выводу приходила Машенька.

От ласковых расспросов Вишневской о том, как там пишется летопись преступной любви, она леденела и была готова купить молчание подруги любой ценой, хоть тапочки домашние в зубах за ней таскать.

Как-то вечером Машенька опять заговорила о том, что вот-вот все рухнет и тогда – конец заграникомандировке, семейному благополучию и личному счастью на бетонном полу гаража. Что играет с ней Вишневская, как Туськина кошка Дуська – сморщенной, в пыли и кошачьей шерсти вывалянной, сосиской перед тем как то ли сожрать ее, то ли оттащить под кровать и там как бы прикопать.

– Ну что же мне делать? – извечный вопрос опять повисал в воздухе.

– Ничего.

– Ничего? Тебе хорошо говорить!

– Да ничего не делай и не бойся. Ну расскажет все Вишневская, ну выпрут тебя, кого она тогда будет пугать и мучить? Здесь важен не результат, а процесс. Он ей гораздо интересней. Не съест она тебя. Даже не прикопает.

– Что?

Машенька прекратила лить слезы и задумалась. Мысль о том, что Вишневской можно не бояться, ее не посещала. Но все равно, страх до конца так и не ушел, хотя никто ее не выдал, потому что знали ее девичью тайну только двое: Вишневская и Кипяткова, и у каждой была своя причина молчать.

И все же ей пришлось досрочно покинуть страну пребывания, но совсем по другой причине. Юстас в борьбе со скрытыми врагами Отечества заработал язву. Кормить его по правилам и лечить Машеньке было совершенно некогда.

Язва росла-росла, а потом с ней что-то случилось, и Юстас, с невнятными прогнозами относительно своего будущего, был отправлен на Родину прямо на операционный стол. Машеньке пришлось выехать следом за мужем.

Вишневская, по привычке, еще долго заходила в кабинет, где теперь сидела одна Кипяткова. После отъезда подруги очень хотелось спокойно обсудить все наболевшее. Но Лелечка отмалчивалась, а сама выкладывает правду о Машеньке и болгарине Вишневская опасалась.

Глава VII ИМПЕРАТИВ ВРЕМЕНИ

Вернулась Маша совсем уже в другое время, прямехонько в конец перестройки. Вокруг было много нового и неприятного. Юстас после тяжелой операции и долгого лечения в спецсанатории все-таки приступил к работе в своей секретной организации в Москве.

Жизнь опять не оправдывала ожиданий. По утрам, когда муж уходил на работу, а ребенок в школу, Машенька садилась пить кофе, смотреть на большое коричневое пятно на белой стене кухни и тосковать по подземному гаражу.

Пятно появилось после того как Юстас однажды не позвал ее к телефону. И хотя звонила всего-навсего Мила, Машенька тогда прицельно метнула в мужа кофейную чашку, испытывая при этом четко оформленное желание навсегда разбить ту самую «лампочку», которая раздражала ее много лет. Юстас увернулся, голова его уцелела, чашка разлетелась на куски, кофе пролился на стенку, а Машенька пошла плакать в белую спальню «Людовик».

Вскоре, чтобы невестке не скучать дома, свекор нашел для нее достойное занятие. Начала она трудиться на должности в Дипломатической академии на административ-

ном посту. Зарплата приличная, в четыре часа уже дома. Вокруг много мужиков и нет Вишневской. Однажды, в тот самый момент, когда в вестибюле перед зеркалом она проверяла боевой раскрас, настигла ее вторая волна большого личного счастья.

Если бы лет пять назад ей сказали, что этот человек сможет стать предметом ее интереса, она бы посмеялась. Он не носил погон и не состоял на дипслужбе. Был он по натуре маргинал, по образованию историк, а по происхождению – правнук знаменитого русского философа N.

Меньше всего молодой N походил на болгарского товарища Машеньки. Не было у него ни Илиановской толстой красной шеи, ни черной шерсти по всему телу.

Фамилия прадедушки теперь, когда бурно расцвел запоздалый интерес к его трудам, помогала правнуку прилично устроить свою жизнь. На работу он ходил изредка, а занимался, в основном, своими антикварными штучками и не торопясь писал диссертацию.

Машенька, хорошо чувствующая «императив времени», сразу же оценила нового знакомого. Обаяние благородных теней предков делало его интересным.

Ей неудобно было рассказывать о своих социально здоровых корнях, о пожелтевших фотографиях в квартире у Туськи. Она честно призналась, что, несмотря на все зло, которое причинила ее семье Советская власть, отцу все же удалось пробиться. И самой ей тоже вечно приходилось идти «вперед и вверх» против течения: все было не «благодаря», а «вопреки». N был тронут Машенькиной солидарностью с ним и его жизненной позицией.

Она полюбила N и даже сама не знала, кого именно: молодого, или того, кто смотрел на нее с большого портрета на потрескавшейся стене древнего дома на Суворовском бульваре. Машенька теперь и сама отчасти верила в свою генетическую принадлежность к бывшим имущим классам.

На Измайловской толкучке она купила пару фотографий – одну для папиной стороны, другую – для маминой.

Для маминой линии Машенька выбрала дагерротип с золотыми буквами по нижнему полю: изящная дама в черном в большой шляпе с вуалью. Это было просто и изысканно. Папина линия в новой редакции была представлена супружеской четой – молодой офицер в аксельбантах с юной женой накануне первой мировой войны.

Пришлось там же докупить еще пару каких-то древних побрякушек, которые гроздьями лежали на расстеленных прямо на земле газетах.

Свидания с N были так же не похожи на любовь в гараже, как Илиан был не похож на ее нового друга. Машенька приезжала в гости к коллеге три раза в неделю. Муж возвращался поздно, ребенок гонял на улице с ключом на шее.

После мохнатых ручищ Илиана, которые раздирали изнутри ее тело, узкие ладони N с нежными веснушками умиляли Машеньку своим целомудрием. Она чувствовала себя бывалым капитаном на маленькой лодочке их тайной любви. Обрушится ли шквал, или установится штиль – решать было ей.

Однажды она поняла, что час пробил и что в ее жизни, как и в жизни ее страны, наступила пора больших перемен. Юстас, с его плебейским менталитетом и куриным кругозором, больше не мог ей дать ничего. А N еще станет звездой, не хуже, чем его тухлый прадед.

В пятницу вечером муж уехал играть в бильярд с разными нужными и интересными людьми. Машенька укладывала в чемоданы все самое необходимое и периодически, вспоминая Анну Каренину, со слезами бросалась целовать сына Веньку.

В субботу утром Машенька объявила Юстасу, что их совместная жизнь закончена и что не нужно рубить хвост по частям. Поэтому она уходит сейчас, а его и сына будет навещать. Юстас оторвался от своей вечной шпионской думы, и по его лицу язвенника прошла судорога боли – то ли от ее слов, то ли от язвы.

Машенька переживала разрыв очень тяжело и всю дорогу до своего нового дома плакала.

Вернулась она на следующий день, вернее, на следующее утро сразу после утреннего душа.

Когда, еще теплая и в капельках воды, она вышла из ванной, N тихим голосом сказал, что они, кажется, поторопились и что лучше, пока не началась рабочая неделя, вернуться ей к себе домой. N сам вызвал такси и вынес ее вещи. Он был очень воспитанным человеком и джентльменом во всем.

Юстас заговорил практически впервые, но сначала отправил Веньку на улицу. Потом запер за ним дверь и обозвал Машеньку безответственной сукой и гаражной бл#дью, из чего она с ужасом сделала вывод, что и про Илиана ему тоже известно.

Далее он сообщил, что на ее счастье, ввиду очередной грядущей командировки за рубеж, он не может отослать ее обратно к N, но потребовал, чтобы Машенька немедленно ушла с работы и наконец занялась ребенком.

Глава VIII ОБМАНУТЫЕ ОЖИДАНИЯ

Тут еще, по закону подлости, вернулась в Москву Вишневская. Машенька изо всех сил молчала, оберегая от наглых и веселых глаз подруги свою страшную тайну. Но Вишневская и так все знала. Ее старшая сестра преподавала в той же Академии и все уже выпросила у самого N, врожденная порядочность которого не позволила ему унижаться до лжи и притворства.

Вишневская особо мучить подругу не стала, рассказала только о том, что у Илиана в семейной жизни большие перемены. Сделали они с Милой второго ребенка – девочку, хорошенькую до невозможности, а главное – совершенно здоровую.

Кого Машенька ждала с нетерпением, так это свою бывшую соседку по рабочему кабинету. Дотерпеть не могла, поэтому писала ей письма, где в иносказательной форме

анализировала подробности своей личной жизни и спрашивала, что же теперь делать. Леся приехала, когда костер любви уже отгорел и дымились лишь головешки. Машенька плакала у нее на груди и рассказывала, как она несчастна.

Бессердечная Кипяткова сидела с отсутствующим видом и, вообще, была вся какая-то зеленая. То ли ребенок ее куда-то не поступил, то ли с квартирой ее прокатили. Машенька толком и не вникала.

«Даже на работу нормально устроиться не смогла, дура, – мимоходом сквозь слезы отметила она про себя. – За копейки вкалывает с девяти до девяти».

Так и не достучалась Машенька до нормального человеческого внимания к себе. Больше с Кипятковой она решила не встречаться.

Юстас вскоре напомнил, кто в доме хозяин. Явочным порядком он объявил, что Европу придется забыть и на время полюбить маленькую страну на далеком, но симпатичном острове. Машенька стойчески выдержала удар и опять начала собирать чемоданы.

Все правильно. Там Машенька полюбила глубоко и страстно. Она больше не хотела выдвигаться по партийной и прочим линиям, но выжала все возможное из белого шелковистого песка, моря и солнца этой дикой Мурлындии.

Она ходила по симпатичному острову, подсушенная жарой, играя бронзовым телом, с выгоревшими до золота волосами и большим жизненным опытом. Вишневская, Кипятковский ликбез, узкое черное платье – все это осталось далеко в прошлом. И слава богу.

Он был сотрудник Советского, а потом Российского Торгового представительства. Машенька уже вполне ориентировалась и знала, что надо и чего не надо по нынешним временам рассказывать любимому человеку.

Фотографии прабабушки по женской линии и дедушки по мужской стояли теперь в просторном доме на берегу Атлантического океана. Подробности о предыдущей командировке были правдивыми, Машенька только поменяла местами себя и Вишневскую. О Дипакадемии рассказыва-

ла нехотя, объясняя, что с работы пришлось уйти из-за домогательств одного отпрыска великого философа. Машенька много говорила с политизированным сотрудником о ГКЧП, защитниках Белого дома, о новом парламентаризме, о прогнившем советском режиме.

Там не было рядом любимой подруги и ее вечного вопроса в ласково прищуренных глазах: «Сказать или не сказать?». Потому что Машенька никому, ничего и никогда не рассказывала и подруг больше не заводила.

Но однажды вечером на отдыхе после рыбалки сотрудник Торгпредства не удержался и по-мужски доверительно нашептал своему приятелю и о вечерних купаниях с Машенькой, и о поисках как-то потерянных на берегу штанов, и о том, что Машенька принадлежит к той категории женщин, которые раздетые выглядят лучше, чем одетые.

Юстаса вызвали к руководству через четыре дня. Торгпредский друг занимался почти тем же, чем и он сам, но только проходил по другому родственному ведомству. А по какому – говорить ни в коем случае нельзя.

Руководство проинформировало Юстаса о том, что теперь конкурирующая фирма решила сделать из этой вот банальной случки исторический прецедент. И что в рамках сегодняшних, то есть непонятно каких реалий начала 90-х, для сохранения корпоративной чести придется ему срочно покинуть страну.

...Через два месяца, уже в Москве, синяки и ссадины практически исчезли, а вот сломанный нос заживал долго. Осталась небольшая горбинка на переносице, которая, впрочем, придавала Машеньке дополнительный шарм.

ЭПИЛОГ

По дороге от Храма по левой стороне Остоженки виден старинный дом со сложными окнами по срезанному углу здания. До революции в том доме жили богатые люди, по-

том были коммуналки. Теперь все квартиры в нем выкуплены, и там снова живут очень состоятельные господа.

Вечерами в одном из окон можно видеть, как с высокого потолка свешивается длинная люстра. Это благородный хрусталь от знаменитой фирмы «Сваровски». Люстра разноцветными таинственным бликами освещает огромную комнату, наполненную картинами и темной мебелью в лучших традициях русского ампира.

Хозяйка дома – жена нового русского. Александр Вениаминович владеет сетью магазинов элитного алкоголя и сейчас от партии власти идет в большую политику.

На стене в рамочке, на вишневом бархате, видны старинные ордена с имперскими орлами. Здесь же на высоком резном комодe стоят еще две семейные реликвии, чудом сохранившиеся после погромов и расстрелов Октябрьского переворота: фотография печальной дамы в черной шляпе с вуалью и молодого офицера царской армии с юной женой.

Мария Викторовна говорить об этом не любит и на частые вопросы гостей коротко отвечает, что на снимках изображены ее предки, а дама в вуали – любимая прабабушка, на которую она и похожа, особенно фамильной горбинкой на переносице.

В Красном углу, как и положено, висят деревенские образа и жестяная лампадка, оставшиеся от Туськи.

А под портретами благородных предков в глубоких ящиках резного комода лежит подзабытая советская символика из родительского дома: почетные грамоты, портреты вождей и бюстик Дзержинского. Говорят, очень скоро это будет опять актуально.

Сама Мария Викторовна к политике равнодушна, поскольку знает, что совершенно неважно, как их родная власть называется. Главное, что она в лепешку расшибется, а для своего народа все сделает. Так говорила баба Нюра.

Елена ДОЛЖЕНКО

ПРЕКРАСНОЕ НЕ ИСЧЕЗАЕТ В ЛЕТУ

НОЧЬ

Сверчка услышу после девяти.
Звезда появится немного позже.
Мы выпали из Млечного пути,
Но замираем перед миром Божьим.

Звезду к звезде, звезду к земле влечёт.
Звезде небезразличен мир мой малый.
Она к листве потянется лучом —
И дрогнет лист кленовый пятипалый.

Что в этот миг во мне произойдёт?
Как эту ясность удержать в сознание?
Я чувствую себя, как звездочёт,
Приблизивший разгадку Мироздания.

И разум, и душа переплелись,
В таинственную уводя безмерность.
Какую нынче мне покажут высь
Родные души, что ушли в бессмертье?

Все впечатленья ночи нанизать,
Себя и мир сомкнув нерасторжимо.
И снова попытаться всё назвать,
И вновь молчать
перед Непостижимым.

ЯНВАРЬ В ХАРЬКОВЕ

Свистят синицы на весну.
По лужам шлёпают мальчишки.
Заснула тучка на весу —
Болтается на телевышке.

Раздвинулся от света мир.
Порозовела зданий серость.
И старость вышла из квартир,
В саду на лавочках уселась.

Дерутся клёны — просто стыд:
Нашли достойное занятие!
(А впрочем, можно допустить,
Что это братские объятия.)

Бушует ветер день за днём —
То угрожает, то хохочет.
Дрожит наш выстуженный Дом,
В пространство улетать не хочет.

* * *

Наверное, Создатель спятил,
Когда решил сложить узор
Из безобразия узлов,
Шероховатостей и пятен.
Брал, что поближе, что попроще —
Уже и выдумать не мог.
А получилось — видит Бог —
Берёзовое чудо рощи.
К ветвям ли прикоснулся чем-то?
Лампаду изнутри зажжёт?
Откуда — за стежком стежок —
Сошло нездешнее свеченье?..
И в юности, и много позже,
Входя в светлейший этот храм,

УТРЕННЯЯ ДОРОГА

С ветвей слетает снежная пыльца —
Не Вечность ли роняет серебрянки?
Гуляет грач с глазами мудреца.
Друг другу уступаем мы тропинку.
Попеременно топчемся в снегу,
Хотя у каждого дела (по чину).
Ещё немного — и признать смогу,
Что птица человека приручила.
Дичились, но уже глядим в упор.
И только тополь старый подмечает,
Кто первым начинает разговор,
Кто лучше речь иную различает...
«Нездешняя? Пожалуй, хорошо...»
(Мне кажется, что грач слегка простужен).
Беседуем... Ну кто там подошёл?
Нам переводчик никакой не нужен.

ИЗ «ВЕНКА СОНЕТОВ»

V

И жизнь, и разум, и любовь воспеты.
Что в них плутаем — нет ничьей вины.
Их сутью мы одухотворены.
Прекрасное не исчезает в Лету.

Родители не сделали портрета.
Они не смотрят вместе со стены.
Нам с братом отношения их даны,
Любви благословенные заветы.

Что сделать мне? В моих ли это силах,
Чтоб не болела мама, не грустила?
Чтоб не старела — Время, задержись!

Дай счастья детского один глоток.
Как будто отворилась только жизнь,
Не подступает зрелости порог.

VI

И подступает зрелости порог, —
Запыхались, друзья? Враги, довольны?
Вы так же все пленительно крамольны?
О прошлом завязали узелок?

Кому достался избылья рог?
Кто выбился из сил в путях окольных?
Кто выстоял, хотя и был неволен,
Хотя от одиночества продрог?

Перед реальностью кто обезболен?
Кто променял на слабый свет настольный
Живую жизнь восторгов и тревог?

Что впереди? Итог или исток?
Мы тьму увидим или огонёк
Тогда ценой немислимых морок?

VII

Когда ценой немислимых морок,
Слова соединятся неделимо,
Опустошение невыносимо.
Ты был как Бог? Ну а теперь — убог.

В своём стихотворенье изнемог,
Сам для себя уже недостижимый.
Звезду схватил, но оказалась мнимой.
Писать не будешь больше — дай зарок.

Теперь пойдут тебе советы впрок.
Живи и будь — стрелок, ходок, игрок.
Но не пиши, не тронь, — чужой кусок —

Всё правильно. Но невозможно это.
Опять передо мной лежит листок.
Рождаются катрены и терцеты.

XIV

Огня животворящего искусства
Не погасить, не скрыть: он обожжёт.
В нём духа человеческого взлёт
И незнашиваемые чувства.

Как каждый жил из мастеров искусных!
Как первый в мире — несравненный — мот.
И все имели от Вселенной счёт.
И все мечтали о своей Тарусе.

Заворожила эта глубина.
Мне показалось, что сойду с ума,
Когда я не притронусь к ней сама.

Вот и конец. А облегченья нету.
Сорвав венок, я повторить должна:
«Меня страшила заданность сонета».

XV

Меня страшила заданность сонета,
Отточенность четырнадцати строк,
Раскованный и завершённый слог,
Живущий в канонических тенетах,

Где жизнь, и разум, и любовь воспеты,
И подступает зрелости порог,
Когда ценой немислимых морок
Рождаются катрены и терцеты.

В неистовом стремлении к вершине
Поэты невозможное вершили.
Почудилось на миг: и я б смогла.

Но неподатливы стихи искусу —
И я прикосновеньем не зажгла
Огня животворящего искусства.

Вадим МОЛОДЫЙ

ДОБРО И ЗЛО ОСТАВИВ ЗА ПОРОГОМ...

* * *

И вижу: тетушка Могила
Ткет желтый саван...

Н. Клюев

Что ты ткешь мне, тетушка Могила?
Желтый саван? Желтую петлю?

Женщина, которая любила,
женщина, которую люблю,

не пускает и не отпускает,
и к груди прижав, не отдает,

а в бездонном небе ангел тает,
и душа пускается в полет...

* * *

Грех первородный, первородный стыд
сменились первородностью обид...

Плач первородный, первородный смех
сменяются возмездием за грех.

.....

Ни зла не принимая, ни добра,
сегодня переходит во вчера,

но завтра переходит в навсегда,
в котором только мы и наше «да»...

НАТАШЕ

Ты зрел гиену с лютым зевом.
Степан Шевырёв

...смерти скучный церемониал,
и свое отжившего ребенка

тусклое лицо. Скребет гребенка
против шерсти. Яростный оскал

не пойму, какой свирепой твари,
злого пса, гиены лютой и —

злобных бесов мерзостные хари.

.....

Господи, спаси и сохрани...

* * *

«Есть ли, кроме «но», ещё союзы?»
Владислав Пеньков

Не перевернута страница,
и вот, по-прежнему греша,

в темнице прошлого томится
моя заблудшая душа.

И ей не вылететь на волю...
Ее грехи, ее вина...

Так своего оброка долю
она платить обречена,

не понимая, что спасенье
от одиночества и тьмы —

Надежда, Вера, Воскресенье
Того, в Кого не верим мы.

.....

Его защита и опека
в том, что сливаются, как ртуть,

два одиноких человека,
друг к другу проложивших путь...

* * *

Хочет шут, но хмурится король.
Взлетает кнут. Пронзает спину боль.

Рыдает шут, бубенчики звенят,
но за кнутом следит монарший взгляд.

Так чью же роль готовит мне судьба?
Мудак король, и роль его груба...

А шут читает шуточки с листа,
и эта роль понятна и проста...

* * *

Дрожит отраженье усталого Бога
и медленно тонет в зеркальных глубинах,
а в воздухе торная тает дорога,
чужая дорога, ведущая мимо.

Последняя тайна незрячего мира,
как лист, опускается плавно на землю,
и тихо уйдя с невеселого пира,
пророкам суровым я больше не внемлю.

Ведь снова ответил я силой на силу,
и вновь на удар я ответил ударом,
покуда по волнам забвенья носило
кораблик утрат, обернувшихся даром,

безгрешным грехом, добродетелью грешной,
свободой, распятой толпой обстоятельств,
бесплодной смоковницей, тенью кромешной,
веселой игрой шаловливых предательств.

Меня призывают неясные тени,
и ласковый шепот баюкает нежно,
тебе, головою уткнувшись в колени,
я прошлого морок отброшу небрежно.

Ах, как мне найти это самое слово?
Ах, как мне поймать этой мысли значенье?
Ах, как мне бежать от разгневанных взоров
неистовых демонов воображенья?

А Бог утомленный присел на скамейку,
покашлял, вздохнул и уткнулся в газету.
А там, за стеклом, голосит канарейка
и фикус испуганно тянется к свету.

Холодный уют нелюбимого дома,
где призраки бродят, друг друга не видя,
где все позабыто и все незнакомо,
дотла растворившись в случайной обиде.

О, где ты, мираж пасторального рая?
Под поступью тяжелой скрипят половицы,
и молча танцуют в огне, не стораая,
надменных пророков холодные лица.

Мы снова отведаем зрелищ и хлеба,
увядших цветов и ненужных объятий,
зарытых талантов и брошенных в небо,
бесплодных молитв и бессильных проклятий.

По улице сонной промчат колесницы,
угаснет закат, а восход не начнется,
и сами собой шевельнутся страницы,
и каменный воздух неслышно качнется.

А Бог, дочитав, разрывает газету,
и медленно буквы сползают на землю,
и вновь я ищу у пророков ответа,
и вновь я ответу пророков не внемлю.

Прекрасные дамы князей и маркизов
в несвежем белье по бульвару проходят,
и падают голуби с грязных карнизов,
и нищие нищих на паперть выводят.

Рыдает над пеной морской Афродита —
откормленной плоти холодная грудка,
и, молча на старое глядя корыто,
старуха сидит в ожидании чуда.

Под взглядом моим разлетаются скалы
и плавится воздух, стекая на землю.
Пророков на свете осталось немало,
но я, как и прежде, пророкам не внемлю.

Бездонное небо, пучина морская,
шуршат под ногами истлевшие кости,
но вечно бежит по песку Навсикая,
и вечно уходят спасенные гости.

А Бог пересел на другую скамейку,
ногой отодвинул пустую посуду,
движеньем бровей усмирил канарейку
и мирно уснул в ожидании чуда...

И пляшет иголка в невидимых пальцах,
мелькают обрывки разорванных нитей,
судьба вышивает на сломанных пальцах
невнятный узор непонятных событий.

Бессмысленной веры тоскливую скуку
со вздохом придавит безверия камень,
и, холодом смертным лизнув мою руку,
бушует в кусте несжигающий пламень.

А в небе проплыло горящее слово,
трамвай прогремел в никуда ниоткуда,
и смотрит на мир беспощадно сурово
гиены глава с Иоаннова блюда.

Течет надо мной непонятная сила,
танцуют вампиры под полной луною,
и, мордой уткнувшись в ночное светило,
я хвост подожму и негромко завою...

* * *

Мне еженощно эта сцена снится:
пророк упрям, рассудку вопреки.
Устало бессловесная ослица
ему речёт. Течение реки

уносит чёлн. Команда сушит вёсла.
В китовом чреве жарко и темно.
Веселый царь, прославивший ремёсла,
в Европу рубит тусклое окно.

Любая власть, как руки брадобрея,
противна нам. Верней, тебе и мне.
Девичий стан, в исподнем потном прея,
опять в туманном движется окне.

Слезятся пьяниц крохотные глазки,
растоптан венчик из белесых роз.
Толпа чудовищ, вырвавшись из сказки,
исходит гноем злобы и угроз...

* * *

Беспомощны земного языка
слова. Глядят усопшие поэты
на все потуги жалкие. Река
забвения течет. И вновь воспеты

все прелести иного бытия,
не видно ни луны, ни звёзд, ни солнца,
летает птица, ползает змея,
и входит смерть в убогого чухонца.

В приюте, бесконечно одинок,
рыдая от отчаянья и злобы,
страдает мастер. Барщину оброк
не заменяет. Рвется из утробы

земли на волю рыцарь. Не сражён-
ный в ратном поле – дланью командора,
повергнутый за всех неверных жён –
дурная жертва каменного вздора.

.....

А в призрачной, заплаканной дали,
в стране туманов, за краюху хлеба,
слепой старик считает корабли,
стекающие с выцветшего неба...

* * *

Добро и зло оставив за порогом,
я молча выбью запертую дверь,
и в добродетель, ставшую пороком,
вонзят клыки лежащий в склепе зверь.

Под мертвой лапой скрипнет половица,
расколет гром ночную тишину,
и взмоет в небо каменная птица,
неся в когтях безвинную вину.

Зашелестят страницы древней книги —
оживших букв возвышенная речь, —
и захрипит под тяжестью квадриги
нелепый шут, несущий миру меч.

Мне не дано ломать себя в поклоне,
но наяву, в бреду, в мечте, во сне,
я не Отцу, не Сыну, не Мадонне —
молюсь тебе, как ты молилась мне.

И с губ моих твое слетает имя,
но перед тем, как вызвать Смерть на бой,
добро и зло, и то, что между ними,
я на алтарь кладу перед тобой.

* * *

Я посланец чужих берегов,
вечный путник иных измерений,
сотрапезник забытых богов,
соучастник их бед и сомнений.

Кто меня пригласил в этот мир?
Почему я застыл над порогом,
чужестранцем на свадебный пир
проведенный по тайным дорогам?

Я поднялся к тебе из глубин
древней памяти, рвущей оковы,
в вечном поиске двух половин,
в изначальности вечной основы.

И раскрыв пред тобой эту глубь,
я тебя охраняю незримо.
Пожалей, приласкай, приголубь,
помяни проходящего мимо...

* * *

Прости меня. За все, что не сказал,
за все, что не сумел, не смог, не сделал.
Холодный ветер. Сумерки. Вокзал.
Перрон. Состава вздрогнувшее тело.

Лизнув колеса, лег на рельсы пар,
поникший дым к трубе прижался робко.
Угрюмый, красноглазый кочегар
куски моей души бросает в топку.

Туман промозглый, мокрая земля,
усталый Йорик дремлет, яму вырыв,
носильщики, губами шевеля,
разносят по вагонам пассажиров.

Редет провожающих поток,
подписаны свидетельства и справки,
зажав в зубах обкусанный свисток,
кондуктор подает сигнал к отправке.

Ревет огонь, бушуя под котлом,
стучат по рельсам ржавые колеса,
и вечный старец на воде веслом
выписывает вечные вопросы.

Плывет в потоке темного огня
душа моя – беспечная транжира.
Проводники, стаканами звеня,
разносят чай безмолвным пассажирам...

.....

Прости меня. За все, что говорил,
за нежных слов лукавую беспечность,
за то, что все на свете раздарил
и сел на поезд, уходящий в вечность.

* * *

Николаю Клюеву

Есть две страны: одна — больница,
другая — кладбище. Сквозь них
проходит тусклая граница
меж миром мертвых и живых.

Палата. Небо. Крематорий.
Холодный ветер. Черный дым.
Конец придуманных историй.
Дудинка. Вологда. Нарым.

Петля. Елабуга. Марина.
Икон угрюмых темный ряд,
свеча в потеках стеарина,
невесты траурный наряд.

Сметает звезды холод лютый,
и, лунным светом залита,
она встает в костер, раздутый
у опаленного креста.

Застенок. Дыба. Персть земная.
И как насмешка над судьбой,
врата распахнутые рая
в сиянье бездны голубой.

Взлетает к небу вопль беззвучный,
Фенрир грызет земную твердь,
и, поднимая меч двуручный,
в холодной мгле крадется смерть.

Но бредя, что-то шепчет миру,
раскинув веер горьких слов,
поэт, омывший кровью лиру,
под гул глухих колоколов.

* * *

Анне Александровне Барковой

Боги жаждут... Будем терпеливо
ждать, пока насытятся они.
Трут намок. Раскрошено огниво.
Вязнут в плоти зубья шестерни.

Рвется пряжа. Атропос зевает.
Энио таращится в окно.
Над пустыней солнце замирает,
покрывает пыль веретено.

Трубный рев обрушивает стены,
и плывет, угрюма и страшна,
раздвигая тушей клочья пены,
в низком небе мертвая луна.

Похоть душ взывает и взыскует,
похоть тел сиренами поет,
и Форкида смертная тоскует,
в безнадежный ринувшись полет.

В борозде, ползущей вслед за Кадмом, —
по иному нам не суждено, —
задыхаясь в мраке безотрадном,
прорастает мертвое зерно.

Боги жаждут... Так поднимем чаши
за судьбу, которая свела,
оболочки сброшенные наши —
в никуда бредущие тела...

Сергей СМИРНОВ
ПОДКОВНЫЙ ГВОЗДЬ

И сказал я в сердце своём:
«праведного и нечестивого будет судить Бог;
потому что время дал всякой вещи
и суд над всяким делом там».
ЕККА.3:17

И ублажил я мёртвых, которые давно умерли,
более живых, которые живут доселе.
ЕККА.4:2

А он во все дни свои ел впотьмах,
в большом раздражении,
в огорчении и досаде.
ЕККА.5:16

И узнал я: если война не убивает тело,
она уничтожает душу.
БЖТН.19:53

1

День девятого мая был, как обычно, солнечным и тёплым. Яков Кузьмич по случаю праздника надел свой ветеранский пиджак с наградами, жёлтую рубашку и шляпу-шестидесятницу с узкими полями. Так он себе вполне нравился. Какие брюки и ботинки – это было всё равно, а вот шляпа и рубашка именно для выходных и праздничных дней, в них он по субботам усаживался в старый зелёный УАЗ, отправляясь в ближнюю или дальнюю деревню к очередной вдовушке.

Увидев его в шляпе, местные сотинские старушки обязательно говорили, то ли с завистью к той, к кому он ехал, то ли с осуждением ветреного поведения немолодого человека, и к тому же ветерана Великой Отечественной:

— Ну, во-от, покати-ил!

А так как количество Кузьмичёвых зазноб точному счёту не поддавалось, то никто толком не знал, поехал ли он в Свояки, за реку, где располагался сельсовет, или в Красино, знаменитое красно-кирпичной церковью архангела Михаила с ослепительно горящими даже в непогоду куполами, а может, остался и в самом пчеловодческом Сотино, в домике недавно объявившейся московской дачницы, щеголявшей по деревне в неприличном виде: в обтягивающих ягодицы джинсах.

Такие моменты сотинские сплетницы обсуждали в открытую и громогласно, не стесняясь.

— И как тока не стыдно!?

— Чтой-то этой-то надо от деревенского мужика!

— Чего-чего! Был бы омут, а черти сами наскочут!

— Точна, сила в ём, значит, мужская!

— И-ии, кака сила! Ему, похабнику, сто лет в обед, а он...

— А она-то, она! И на шестьдесят не тянет!

— Конне-ешно, на свежанинку потянуло! Жена у его с фронта и тоже фронтовичка. Хоть и орденов, как у самого, а годы-то своё берут.

— Да-да, он иё, говорят, в психические записал, чтоб не мешала!

— Да уж, настрадалася Аня! Он же, говорят, директором молочного завода на Кавказе работал! А там сплошь доярки да разведёнки.

— Ага, и коньячного тоже!

— А как одно без другого?

— Да ладно, вы ещё скажете, что и в Красной Армии служил!

— А что, не служил?

— Да ты посмотри, Катя, у него ж глаза бешеные, как у фашиста!

— Точно-точно, с ним и в проулке-то встречаться страшно! Как зыркнет, душа в пятки!

Слухи о сотинском фронтовике ходили разные, вплоть до невозможного, что воевать-то он воевал, но вот на чьей стороне – неизвестно. Доказать никто, конечно, ничего не мог, но в деревне его побаивались и мысли такие высказывали только шёпотом, друг другу на ухо. А вдруг,

правда, дверь подопрёт и запалит, за длинный-то язык...

И действительно, хитрован-ветеран Яков Кузьмич ухитрился определить свою жену недееспособной и поставить на учёт в психоневрологическом диспансере, и на вопрос, почему она, Анна Петровна, даже в наш главный военный праздник на улицу не выходит, имея столько боевых орденов и медалей, легко отвечал:

— Буйная потому что!

Никого это заявление не убеждало, — как это, только что была не буйная, а после того, как Кузьмич оприходовал председателю Александровского сельсовета, стала вдруг буйная?

Что-то тут не то. А кое-кто всё-таки догадывался, что выходить Анна Петровна перестала, потому что какой жене и женщине не будет стыдно наблюдать кобелизм этот бесконечный!

«Ведь мы же, Яша, смерти в глаза глядели и не боялись, — говорила она ему, — а как теперь соседям будем в глаза смотреть, а? Хоть ты и начальник большой у нас в деревне, но людям это всё равно, они начальников и так не уважают. За что? За чванство и вороватость, так и ты ещё добавляешь, на работе женщинам проходу не даёшь...».

Чистая фронтовая душа Анны Петровны так думала и говорила. И раньше ловила Анна Петровна своего мужа на том Кавказе и на доярках с молокозавода, и на мойщицах коньячных бутылок, — Кузьмича социальный статус подшефных женщин не интересовал, если не надо было что-нибудь через них достать. А уж если надо было, — тут башня танковая и вовсе крутилась на все триста шестьдесят, и траки лязгали и землю рыли...

Пока Аня помоложе была, кое-как справлялась, а потом — как против такого упёртого?

И здесь, в Сотино, Яков Кузьмич, став начальником, заведующим ведомственным пансионатом, ничуть не изменился, да ещё Анну Петровну в «психические» записал, чтоб не мешала, ни во что её не ставил.

Убить же была готова, но нет, с таким чудищем не справишься, последние зубы потеряешь...

2

Пансионат построили в конце семидесятых годов, построили чуть не посреди деревни, на голом склоне, соединив две деревенские слободки, верхняя из которых была заплотной, довоенной, а в нижней жили те, кто работал во время и после войны в местных колхозах «Первомайский» и «Красный партизан», ещё одна деревенская улица уходила к Егорову оврагу. Впечатление было такое, что деревенские жилища разбегались в разные стороны от городского красавца-пансионата, имевшего два спальных корпуса, столовую на сто мест, гараж, спортивную площадку и два одноэтажных дома для obsługi. В одном, построенном по проекту сельской школы, проживали в двухкомнатной служебной квартире Яков Кузьмич с Анной Петровной.

От пансионата вся деревня и кормилась, нужны были и водители и рабочие, посудомойки и уборщицы, а кое-кто, из приближённых, и поросят держали в надежде прокормить их с кухонных остатков.

Так это ещё что! И скважина водяная, и канализация, и сооружения очистные, — и это всё тоже принадлежало пансионату. Потому и заведующий пансионатом был здесь царь и бог.

Поругался, скажем, с Кузьмичём кто-нибудь из верхней слободки, Кузьмич ему – р-раз! – и воду в колонке перекрыл. Смотри у меня, крыса тыловая!

А вместе со слободчанином и соседи его страдают. Кузьмич руками разводит: автоматика на скважине сломалась! И сходы деревенские совсем фронтовика не пугали.

Со времени постройки прошло двадцать шесть лет, пансионат без ремонта обветшал, половина комнат стали нежилыми, но Яков Кузьмич стойчески боролся с засорившейся канализацией, с протекающим водопроводом, с прогоревшими пробками и проводами, но кардинально, на ухналь, ничего, конечно, решить не мог.

И персонал теперь стал небольшой: двое мужиков, сантехник и электрик, и три женщины, две молодые, и

Зинаида Ивановна, она наиболее подходила Кузьмичу по возрасту, но моложе, во время войны девчонкой немцы угнали её в Латвию, потом в Германию, так сидела она в трёх немецких концлагерях.

Кузьмич-то в те начальные военные годы уже вовсю, литрами и вёдрами, проливал кровь фашистскую, стрелял, резал и кромсал поганых захватчиков, как хотел.

И Зинаиду он, как женщину, конечно, стороной не обошёл, — своя же деревенская да ещё подчинённая, — ну-ка, ну-ка! А она мечтала: эх, был бы жив муж её, тракторист Коленька, он бы кобелю этому, Кузьмичу, показал бы небо с овчинку, да помер Коля, пьяного в борозде трактор задавил. Но старому-то коню Якову на всё наплевать, ничего и никого ему не жаль, душа у него на фронте сгорела, — надо ж, какая-то Зинка, босячка и под немцем бывшая, — и не даётся на ухналь её взять!

«Вот дура-то старая», — думал он, не догадываясь, однако, что отталкивала её всего лишь фронтовая его хватка, как он с людьми обращается, в том числе и с бабами.

«Вот дурак-то старый», — думала она, и тоже не догадывалась, что целью его приставаний была не лично она, Зинаида Ивановна, не красавица и пострадавшая за жизнь колхозница, а вещевой склад, которым она, Зина, командовала как материально ответственное лицо.

Сантехник и электрик, мужики деревенские, пьющие, воровать Якову Кузьмичу не мешали, но что с них возьмёшь, если они всё с Зинаидинового склада получают.

Ко-неч-но, в закрома родины надо руку запускать! Она же, Родина, своих спасителей забыла? Забыла! Вот ему и хотелось хорошо там пошарить, в закромах-то! Ха, а там Зинка, будь она неладна, как будто ей самой ничего не надо.

Подкрадывался к закромам Кузьмич незаметно, «попластунски», и рука у него была железной. Если что-то и пропадало в пансионате, так пока хватятся, все уже позабудут, где оно лежало, и кто «это» последний раз брал или видел. А Кузьмич всё прекрасно помнил, и сам же о пропажах и воровстве смело говорил и ругал за бесхозяйственность, бил на опережение, обличал, смотрел на всех, ну точно как на врагов народа. А Зинаида

нисколько не сомневалась: пропажа по вине Кузьмича.

Улыбается он, а синие глаза его, как площадки пустые, смотреть в них страшно, так холодом и обдаёт. Да, приходил и брал. Например, запчасти для казённого УАЗика, Кузьмич ставил их на свой, — пансионатская машина ездила на проволочках да верёвочках.

Вся посуда, от сковородок и кастрюль до последней гнутой ложки, была у него из столовой. Инструмент — из гаража. Одежда — телогрейка, плащ, х\б, сапоги, валенки, — со склада, даже подштанники у него были сшиты из казённого байкового одеяла, такого в красно-белую шашечку, а охотничий маскхалат из списанного пододеяльника.

С приезжей поварской командой Кузьмич тоже нашёл точки соприкосновения. Пойдёт, ножи, топор мясной поточит, они ему и дадут подхарчиться, навалят с горкой в солдатский котелок.

Была, была в Якове Кузьмиче военно-хозяйственная настоящая жилка, сметка и хватка. Истинный каптенармус, и последнему салажонку чего-нибудь, да не додаст. Как будто назавтра последний бой смертельный, — он выживет, а большинство — нет.

Казался он, и был на самом деле бронированным и непобедимым, как танк «ИС» — «Иосиф Сталин», и таким же, кстати, опасным, и не попало ему на войне ничего, что остановило бы, повернуло вспять. Любая высотка, любая деревушка, любой поиск, — вела к ним не одна дорожка, и не две, он всегда находил самую верную и оставался в живых. Любимая поговорка: из самого безнадёжного положения есть минимум два выхода, — никогда его не подводила.

Как и положено было в СССР, в фойе того оборонного заводика, предприятия «Серп и молот», к которому относился пансионат, был стенд с фотографиями участников Великой Отечественной войны, где можно было найти и Якова Кузьмича, молодого, зятянутого в ремни старшего лейтенанта.

У других фронтовых, понятно, тоже взгляд непростой, зацепят, так и будешь в нём барахтаться, сколько сил хватит,

пока не дойдёт до тебя смысл Великой Победы, не дойдёт понимание: сколько страха и смертельного пота, скольких усилий, нервов, боли и запредельных по силе сердечных сокращений стоила жизнь каждого дожившего до неё, а не дойдёт, так и останешься слабаком, так в этих глазах и утонешь, потому что узнаешь ты о себе страшную правду последним, — что убили бы тебя в первом же бою или ещё на подходе, а может быть, и свои бы подставили, если оказался ты сильно честный да открытый, но сути войны не понявший.

А у Кузьмича вообще взгляд из-под пилотки такой, что ты и проникнуть в него не можешь, не можешь понять: что там? Холодный взгляд, безумный, он просто убивал на месте, навывлет и насмерть, как крупнокалиберный пулемёт; мучительно убивал, как сапёрная лопатка, или же заточенная под бритву финка. Удар точный и сильный — единственный!

Уф... От такого взгляда ладони потеют и лошади шарахаются.

Верующая Зинаида сказала бы: «демон это, смерть!», и перекрестилась бы. Она, правда, так и сделала, когда фотографию эту увидела. Ничего человеческого в том взгляде не было.

И это она, Зинаида, слух по деревне пустила, что Кузьмич за фашистов воевал...

Уж она-то их достаточно повидала, но ни одного не убила, вот что жалко. Думала, пусть хоть этот помучается, Кузьмич-то, может, и соответствующие органы на него внимание обратят, потому что он настоящий фашист, не по должности, а по душе.

«Надо, надо бы ряды почистить, ведь при оборонном же предприятии работаем», — ответственно думала она.

Вот так.

3

...Зима на сорок второй год в тех местах выдалась снежная. В котле под Вязьмой исчезла 33-я армия, как будто её и не было, все семнадцать тысяч человек, с танками, обозами и артиллерией, растворилась в снегах.

К лету готовилось следующее наступление, разведка хватала «языков», где только можно, вот и эти трое из батальонной разведки оседлали лесную дорогу и стали ждать немецкого транспорта. Перед этим один залез на высокую сосну и внимательно всё вокруг рассмотрел. Сутки сидели в кустах, пока не попалась подходящая грузовая машина.

Водителя разведчики сразу в расход пустили, а офицера сопровождения захватили живым.

Смотрят, а он пьяный, как три пары стелек, лыка не вяжет.

— Вот хорошо, — один говорит, — его и сторожить не надо, никуда не убежит.

Грузовик хотели сжечь, заглянули в кузов, а там...спиртное в ящиках, под брезент: французский коньяк, испанское вино, ликёры. Количество невероятное.

— Неужели уничтожать будем?— другой спрашивает, а голос аж дрожит. Такого никто из них никогда не видел и не пробовал. И не поднимается рука, чтоб гранату в кузов кинуть.

— Вот что, — третий говорит, который на сосну лазил, — пока немцы не хватились, разгружаем пойло в лес. Только... вот на эту сторону дороги. Ничего не пробовать, не пить. И быстро!

Разгрузили, грузовик укатили на сто метров вперёд, стали ящики вглубь леса таскать. Захваченный немец очнулся, стал слова какие-то бормотать, ему тоже ящик в руки — тащи! Потом приказали яму рыть. Немца хмель покинул, он решил, для него яма.

— Дура ты нерусская, ты себе уже жизнь заработал, тем, что ты немец. Понял? На, похмелись, веселей копать будет.

Немец и повеселел, шинелишку, китель даже скинул, и давай окапываться в человеческий рост. Сел перекурить, ещё отхлебнул и объяснил на ломаном русском, что везли это всё в офицерский бордель.

И захихикал, немчура.

Ну что, советский солдат — настоящий солдат:

— Ах, в борде-ель?! — старший спрашивает. — А какие в том борделе девочки, русские?

Немец вовремя смекнул, что и как говорить:

— Найн, найн! Нихтс русски! Польска унд... польска!

— Две, что ли, всего? А ты сам пробовал, фрица кусок?

— Я, я! – фриц отвечает.

— Ну, пошли, поподробней всё расскажешь...

Основной груз они закопали, повезло немцу, — там песок оказался. Но кое-что и с собой прихватили.

На выполнение задания им была отпущена неделя, поэтому они перетащили всю «горючку» на несколько километров в чащу, следы замели, — ни бутылки, ни пробки, ни спички не оставили, — разведка!

Одно попробовали, второе, не понравилось, — сладко, приторно.

Наконец, нашли, что больше русской душе подходит, навалились дружно. И день пробуют, и два, и три...

Фрица тоже поили, чтоб не сбежал. А он им про офицерский бордель рассказывал.

Но вот, наконец, пришла пора возвращаться. Недопитое бросать богатство — жалко. Опять нагрузились, немца тоже навьючили, и потащились, двинулись в обратный путь, к своим.

Идут и пьют, пьют и идут, — силы на исходе, и к сроку не успевают, штрафной уже пахнет. Нет, один снова на лесину сел, не удержался, язык заплетается, совсем разум потерял:

— Есть у меня мысля одна, надо бы за неё выпить. Если мы ещё двое суток здесь прохороводимся, может и проживём подольше. А, как вам?

— Я же сказал, на марше не пить, опоздаем или немца потеряем, всем Хана Марковна. Ферштеен?

— А ты что же, старшой, серьёзно до победы хочешь дожить, — третий спрашивает.

— На ухналь, хочу!

Остатки опять в лесу закопали, метки сделали на деревьях.

...Тогда, на переходе, они наткнулись на минное поле, и он первый раз рыцаря того серебряного увидал. Испугался, думал, уже всё, «белочка» от дармового шнапса началась...

А рыцарь поднял коня на дыбы, мечом махнул, и лёг прямой путь к своим через то страшное поле.

...Из поиска возвратился только старшой, лейтенант, и

немца раненого притащил. Вёл он себя странно, на небо показывал и звал какого-то кавалериста. Решили, что контузило его при переходе. В вещмешке у него оказалось четыре бутылки нерусского коньяку, которые приобщили к сопроводительной бумаге, и вместе с пленным отправили комбату.

Лейтенант получил орден и две недели санбата на лечение.

После войны приезжал он в те места три раза, ходил по лесам, искал те винные клады, не нашёл. И спросить не у кого, погибли же все...

4

В общем, жил фронтовик и орденоносец неплохо: и зарплата на две с половиной ставки, и одеться было во что, и закусить, и выпить, — с коньячного завода много ему коньяку перепало: роте пьяниц на десять лет хватит! Если крепко задуматься, Кузьмич, может, потому и поменял молочный завод на коньячный, что молоко-то портится быстро, а коньяк только крепчает со временем — и цвет, и силу набирает.

Он же, когда приехал с Кавказа, многие дела свои по устройству в сотинский пансионат с помощью «магарыча» решил, вплоть до заводского начальства. Тогда ведь руководили «Серпом и молотом» совсем другие люди, кто войну помнил, кто сладость ту европейскую ощутил и узнал, как люди там живут. Коньячок им, конечно, кое-что напомнил, но большинство насчет страны производителя согласилось сразу, — ко-неч-но, наш, советский! — «Серп и молот» всё-таки механизмы для подводных лодок выпускал, тут не забалуешь, сразу сдадут, если какая связь с иностранщиной.

Но никто гэбэшнику или парторгу ветерана-фронтовика не сдал, — коньяк-француз и вправду был хорош.

Только вот этикеток с тех коньячных бутылок увидеть никому не привелось. Понятно, кроме самого Кузьмича.

А теперешнее, «неподмазанное», Кузьмичёво начальство с завода «Серп и молот», конечно же, обо всех проделках

его сначала не догадывалось, но Зинаида Ивановна не плошала, «стучала» и «подстукивала», как ансамбль ложечников, по два раза на неделе.

Однако, и новое заводское начальство заслуженного человека опускать совершенно не хотело, — отдел кадров настоящий был, закалённый в боях против врагов народа, — не зря и фотография на стенде висела, и не зря каждый год перед девятым мая вручался ему от коллектива ценный подарок, а от начальства — конверт с деньгами.

Всё-таки память избирательна: хорошее народ всегда помнит, а отдел кадров остального не забывает.

...Нет, не отпускало Кузьмича начальство, не отпускало, но и реконструкцию никакую в захудавшем пансионате тоже поручать ему не хотело. Дескать, разойдётся строительная инвестиция по Кузьмичёвым родственникам, — две дочки, два зятя, двое внуков великовозрастных, — правнуков Якову Бог не дал, внуки были больно занятые, особенно Руслан, — а у семейных дочек по домику на земле калужской, у одной в самом Сотине. Земельные участки тот же Яков Кузьмич выбивал из советской ещё власти, крутился, как сучка в мешке, не зря же с Александровской председательшей роман закрутил. И ещё кое с кем, председательша не знала, бабе — не положено.

Да и у Зинаиды Ивановны, материально ответственной, родова в большом количестве, — дети и внуки, — не в Латвии и не в Германии запропастилась, а здесь, под боком, в российской глубинке жизнь мыкала.

Только в отличие от Кузьмича, жила баба Зинаида не в городском проекте, а в деревенской избе с обыкновенной дровяной печкой, и на другом от пансионата берегу реки, куда дойти можно было только через подвесной, ржаво скрипучий и раскачивающийся на тросах мост, — ни один трактор или танк по заснеженным урочищам туда не доберётся. Но была, была тропа по снежной целине, баба Зина пробивала и натаптывала, — на своей земле всегда легче, ни метель, ни мороз не страшны после неметчины.

И зачем туда, к бабе Зине, вообще власти нашей добираться, когда в той деревне живут зимой три человека и одна корова, — лампочка есть в двадцать свечей, и то

хорошо.

А Зинаида тоже ветеран Великой, имеет статус «узника», и обязательно внимания и ремонта в избе попросит. Попросят! А не дадим, думает начальство, сами возьмут. За всем не углядишь. Такие они, в войне победившие и войну пережившие граждане.

Н-да, задачка... Но не для «серп и молотовского» начальства. Оно почти на тридцать лет о пансионате забыло и за все годы всего-то полтора рубля в него вложило. На самотёк всё пустило! А не подумало, что рядовым, ни в чём не повинным заводским работникам, которые работали себе тихонько на основном производстве и тихую славу «Серпа и молота» создавали, отдыхать негде, и что не могут они, получается, ездить на отдых так часто, как им хотелось бы...

И всё-таки, всё-таки многое, очень многое было сделано, и главное было в том, что Яков Кузьмич, Анна Петровна и Зинаида Ивановна, и другие жители деревни Сотино живы, мало-мальски здоровы, имеют кров, работу и воду из колонки, кусок хлеба, и молодое поколение за эти годы выросло и народило новых советских и российских жителей, — и над всеми над ними голубое мирное небо, а если печаль и есть, так только в душе... но у каждого своя, что не возбраняется...

5

И вот, как-то, заторопились в России времена, полетела над лесами, горами и реками, над городами и весями, колхозами и фабриками гоголевская птица-тройка, полетела, не разбирая дороги, и пыль подняла до небес. Каждая из трёх лошадок в свой цвет покрашена и в свою сторону тянет. Не всякий седок в коляске удержится, хоть и хватается за всех и вся подряд, — а нет бы, за собственную голову схватиться да подумать, куда править и на какую лошадку ставить, пока все три не запалились...

Куда там! Колёса потеряли, до сих пор на осях мчимся... и кто-то в той тройке сидит, понимаешь. И штурвал крутит.

Ладно. Как только подвернулся им, начальнику и главному инженеру предприятия «Серп и молот», подходящий человек

со строительным образованием, они тут же и решили поставить его заведующим на место Якова Кузьмича, а ветерану оставить полторы полноценных ставки и казённую квартиру, но от руководства отстранить, и провести, наконец, полную реконструкцию зданий и коммуникаций, доверяя полностью новому человеку, так как ни при каких обстоятельствах не мог этот новый украсть столько, сколько смог Кузьмич за двадцать шесть лет. Что там говорить, достал их, конечно, Кузьмич.

Главный бухгалтер, правда, стала сразу наводить справки насчёт нового (но могла и так ляпнуть, для острастки руководства):

— Так он же вор!

Но начальство на истеричные женские домыслы отреагировало спокойно:

— Ну что вы, Марь Иванна, это однофамилец.

Действительно, чему ужасаться, если у нас треть населения Кузнецовых, треть Смирновых и ещё треть Ивановых, — просто нет свежих фамилий, а для Марь Ивановны они все воры.

Да и что там, в замшелом этом пансионате, можно украсть? Вот то-то! Нечего там красть! А что привезут для строительства и ремонта, то всегда можно проверить поштучно и пообъёмно.

И, кстати, Зинаида, подчёркивая малоценность своих материальных, в основном моющих, средств, всегда ворчала, не боясь ни большого начальства, ни Кузьмича:

— Понавезут всякой мух?були, а мне отвечай!

Но бабу Зину и так с её материальным складом начальники, конечно же, в расчёт по хищениям никак не брали, — там же одна «мухобуль».

Ну и приезжает новый зав, Андрей Владимирович, селится в две складские комнаты, — баба Зина освободила к приезду, — с другого торца здания, в котором проживали и Яков Кузьмич с Анной Петровной. Получился, так сказать, командирский корпус.

Удобства для нового начальника в коридоре, но он же строить приехал, а для строителя этот вопрос — просто лишняя пыль, детский вопрос. Обошёл всё, посмотрел.

Кузьмич с ним, всё толково объясняет и тут же советы даёт, в каком бы виде ему хотелось видеть пансионат в дальнейшем.

Новый внимательно слушает, задаёт вопросы, и каверзные в том числе, — ему же «серпомолотовцы» в уши напели, что здесь творится и что на него вся надежда.

— А это что за провод, — спрашивает Андрей Владимирович у Якова Кузьмича, — почему он на соседний участок уходит?

Ну, по мнению Кузьмича, провод этот приходит, а не уходит, потому Кузьмич чуть и замялся, попытался вильнуть:

— А это знаешь, Андрюша, в деревне часто свет отключают, а на пансионат есть вторая линия из города, постоянная, вот и переключаем...

— Кто же тут проживает, за забором? — задумчиво спросил новый.

Если бы копнул Андрей Владимирович чуть дальше, прижал бы ветерана, как вошь, к ногтю, то в лучшем случае успел бы отбежать всего метров на десять, и то только потому, что у ветерана в тот день суставы разнылись, а в худшем умер бы сразу на месте, от одного только Кузьмичёвского холодного взгляда. Нельзя у нас ветерана-фронтовика такими вопросами мучить.

6

...Из окружения выходили тяжело, в кромешной тьме, панически кидались из стороны в сторону, не знали, есть ли проходы в немецких порядках, тр?сили от этого незнания, говорили шёпотом, боялись ветку качнуть или сушняком хрустнуть... и в конце концов растерялись в лесу, а кричать нельзя, везде фигуры в касках мерещились.

Вылез, наконец, месяц, ночь засеребрилась. Трое лежали, ждали на краю леса. Чего ждали? Чего лежали? Идти нужно было, теперь попробуй, перейди поле. Один не выдержал, сначала полз, потом побежал, пригнувшись, нырнул в воронку.

Тихо по-прежнему, рыцарь серебряный по небу шагает, мать его так, к себе в гости приглашает...

Второй побежал, ссыпался в ту же яму.

Под рыцарем конь, грива его и хвост развеваются, плывут они в дымчатых облаках, на землю не смотрят.

Третий собрался с духом, полы шинели заткнул за ремень и побежал, что есть силы. Тут конь небесный споткнулся, шлем с рыцаря слетел, покатился вниз, этому третьему ноги перебил, кое-как его двое в воронку втащили, да рыцарь успел заметить, осветил горящим взором.

— Где моя шапка? — спрашивает громовым голосом.

— Молчи, молчи, — один из перебежчиков шипит третьему, — молччи, куррва... Не то...

Не выдержал третий, с перебитыми ногами, заорал, что было мочи: — Вот она-а, на-а, на-а-а! — Обломки костей сквозь обмотки торчали.

Финка один раз блеснула, и крик оборвался. Конь под всадником топчется, всадник вниз смотрит, словно ждёт чего-то.

В яме двое осталось. Один другого спрашивает, отползая в ужасе:

— Ты зачем это Ваньку, дружка моего, грохнул, сука?!

Конь небесный копытом бьёт, торопит...

Второй раз финка сверкнула, да так быстро, никто и не заметил: ха и ха, на ухналь!

Рыцарь шлем свой поднял и дальше в чёрном небе поплыл. Оглянулся с усмешкой:

— Вот и побратались мы с тобой, синеокий.

7

...За тем забором — ни для кого из деревенских не секрет — находилась дача дочери Кузьмича, муж которой работал в столице главным инженером какой-то крупной и престижной гостиницы, то ли «Россия», то ли «Украина», то ли «Рэдисон-Славянская», — но не «Узбекистан», нет, — и, естественно, сбрасывал тестю всяческие столичные неликвиды, — в деревне всё пригодится.

А Руслан, сын его и внук Кузьмича, отстал от папашкиного сверкающего экспресса, пошёл пешком по

тенистой дорожке и до гостиничных кущ не добрался, мускулами стал играть, по молодости не осудили, но поставили на учёт в милиции, так что брал, где что придётся и в «цветмет» сносил всё исправно.

Кузьмич на зятя, конечно, опирался, и своему начальству объяснял, что знает тайные ходы в пещеру Али-бабы, и может достать для пансионата всё, что угодно, чуть-чуть нужно только ручку позолотить. Понятно, намекал на свою незаменимость, а дирекция «Серпа и молота» придерживалась, по-прежнему, проверенного сталинского принципа, что незаменимых людей у нас нет, а Али-баба — багдадский вор, всё сам сносил, а потом в пещере мухобуль эту бросил...

Но другое начальство — у незаменимого, успешного и сияющего, как надраенная медяшка, зятка — придерживалось своих, несталинских принципов, потому гостиничный вор показывал-таки путь боевой машине, маслица ей куда надо подливал, чтоб буксы не горели и чтоб летела она, понимаешь, всех обгоняла, к обоюдному благополучию.

Яков-то Кузьмич, в данной ситуации, очень подивился: как же за столько лет дочерин муженёк не попался-то ни разу?! Не сходил в народ, возле параши не посидел, не подумал?! В тридцать седьмом его бы быстро упаковали.

И ещё одно, тёмное и мутное, сокровенное, военное-фронтовое выползло на свет Божий вёрткой многоножкой из глубин, тщательно охраняемых: мы воевали, а что получили? Если какой-то хлыщ, грубо говоря, порошу не нюхавший и Европу солдатским сапогом не топтавший, Родину ценою жизни не спасавший, — тако-ой имеет доступ к благам и средствам!!!

От благоговения перед этой свертхайной и абсолютно антисоветской мыслью осёкся Яков Кузьмич и огляделся по-волчьи вокруг себя, как делал это не раз в рейдах полковой разведки. Привычно за тётю Финку схватился, а её нет, дома ждёт, волнуется.

Но строчка продолжалась, стих печатался дальше: «А кому лучше и легче всех на Руси живётся? — подумал Кузьмич, стоя у того забора, где провод, и сам же ответил, — Дуракам

и пьяницам!».

Так он и выдал вполне убеждённо эту мысль новому заведующему на вопрос, кто же там живёт, за забором:

— Та-а, дурак один!

Андрей Владимирович ответ в пользу Якова Кузьмича не защитил, так как был убеждён, что «за забором» в России должен не один дурак проживать, а много, и наивно подумал, что бывший заведующий, а теперь его помощник, — человек не совсем потерянный для общества, и вместе с ним они это заржавевшее колесо-то провернут-прокрутят.

А Кузьмич прикинул, что даже если его в гестапо пытаться будут, свои материальные цепочки, что наработывались годами, он не отдаст. Поговорка про безвыходную ситуацию себя давно оправдала, и потом — начальство приходит и уходит, а мы всегда тут, на переднем крае...

Походили, походили, проголодались и замёрзли чуть, по поздней осени, — тут сам Бог велел перейти к торжественной части знакомства.

Кузьмич к себе не пригласил, сославшись на больную жену, выпили в складском помещении.

8

Про войну разговор сам по себе зашёл. Андрей Владимирович сразу после войны родился, но помнил похороны Сталина, рассказал, как пытались повернуть толпу с Бульварного кольца в какую-то улицу, узкую и длинную, на которой находился Колонный зал с гробом генералиссимуса, — Кузьмич это плохо всё представлял, но головой кивал понимающе, — отгородили улицу Горького грузовиками, солдаты туда никого не пропускали. Маленький Андрюша потерялся в неразберихе, кто-то взрослый поднял его над головами, — иначе раздавили бы! — посадил на катушки с бумагой, там на углу типография была. А народ всё напирал и напирал с бульвара. Тогда оцеплению, молодым зелёным солдатикам, был, видимо, дан приказ толпу-то поджечь. Оно, оцепление, и пошло в атаку, да не тут-то было, сразу же и откатилось, потому что наткнулось на умелое сопротивление фронтовиков, которых

в толпе, естественно, было большинство. Кричали орденосцы: «Куда лезете, салаги! Мы проститься пришли с Отцом нашим, а вы на нас, безоружных! Смотрите, холку намылим вам, желторотые! Бойтесь нас, пока Он сам из гроба не встал».

— Вот, Кузьмич, это я и хотел тебе рассказать, — Андрей Владимирович, не стесняясь, смахнул со щеки слезу. Он же понимал, что такое победа и кто её сотворил, в той слезе уважение сквозило.

«Этому, — подумал Кузьмич, — хорошо живётся, дураку, плачет по упырю Сталину умильными слезами. Не-ет, милый, гораздо лучше, если смершевцу или НКВДэшнику рожу раскровянить, и чтобы в толпе твою рожу никто не запомнил... Вот это на ухналь!».

— Вот послушай, — сказал он, глядя на нового с превосходством и сожалением, — я никогда «за родину — за Сталина» не кричал, в бою некогда кричать, там думать надо очень хорошо и быстро, и дышалку держать... А это всё... эти, замполиты придумали, и в воспоминаниях наврали. Я на его похороны не ходил, что я, мертвяков, что ли, не видел...

Помолчали, выпили Кузьмичёвой самогонки.

— Я их, знаешь, в сортире резал, — вдруг сказал Кузьмич, — на ухналь.

Андрей Владимирович вздрогнул от неожиданности:

— Кого?! — подумал, что сталинистов.

— Фрицев этих. Прямо, знаешь, в очко.

Ничто в лице Кузьмича не дрогнуло, будто говорил он о каких-нибудь железках или кроликах, но лицо побледнело, и левый глаз стал набухать кровью и уже обнажил своё багровое веко. Бледностью своей Кузьмич стал похож на злую мелованную маску.

Такой жути Андрей Владимирович за свою не короткую жизнь ещё не испытывал: синие, со старческой поволокой глаза фронтовика на мгновение очистились, разъяснились, и он увидел молодого лихого Яшку, в пилотке ли, в кубанке, в фуражке ли, — он не понял, — ползущего, вихляющегося, как ящерица, в сухом снегу. Взмах, короткий тычок, мучительный мык и утробный стон уходящих жизней,

бросок, скользящий неслышимый удар отточенного лезвия... с ели тихо-тихо посыпался снег, — это ангел смерти задел ветку крылом, потом тишина, ни звука... человеческие души невидимо и бесшумно поднимались вверх, струились между деревьями...

— Ааааа!

— Ты чего, Андрюша? – спросил Кузьмич. – Какой впечатлительный. Спать тебе пора...

Анна Петровна ждала Кузьмича на кухне.

— Ты что же, мать, дверь не запираешь?

— У меня врагов нет, Яша, и у тебя не было, ты их всех... на ухналь, перевёл.

— Новые появились, — прошипел Яков Кузьмич и налил полстакана самогона. – Спать иди, надоела!

Анна Петровна заплакала, зашаркала в комнату, запричитала сквозь слёзы:

— О-ой, боженьки мои-и...боженьки-и...его хоть не трогай...что он тебе сдела-ал...

Кузьмич хлопнул кухонной дверью, потушил свет, сел у окна перед наполненным стаканом, в руке его ниоткуда возник нож. Финка то исчезала, то появлялась, меняла очертания, изгибалась, превращалась то в змейку, то в ящерицу, заползала в рукава и появлялась из-за ворота жёлтой рубашки...

Лицо Якова Кузьмича по-прежнему было белым, как снег, ледяные щёки стекли вниз, искривив рот и вывалив наружу набухшее нутро век. Левый глаз сам собой закрылся...

За окном под ветром шумели голые деревья. Размытый облаками, обломанный диск луны напоминал рыцарский шлем, качался над деревенскими домами и отражался в безумных глазах бывшего разведчика...

9

Вскоре появились в Сотино строители, завезли материалы, и работа закипела: кровли заново стелят, плесень и грибок выводят, канализацию и водопровод чинят, кабели с проводами меняют, штукатурят, красят, — красота!

На склоне строят деревянные домики для отдыхающих,

что будут летом приезжать. Домики брусовые, крыши у них утеплённые, чтобы летом нежарко было. Вдоль асфальтированных дорожек кусты сажают и деревья.

Все радуются. Один Яков Кузьмич, понятное дело, недоволен: следы всей его двадцатилетней деятельности убирают, заштукатуривают, закрашивают, — замазывают! И ведь понимает он, что так и должно быть, что лучше будет всем, а ему самому ещё лучше и легче, чем другим, станет, освободится он, но...неймётся ему, душит и гложет его обида и злость на весь мир.

После войны рай обещали? Обещали! И где он?

Тогда он рай создал в отдельно взятом пансионате, брал, что и кого хотел, запчасты, сковородки, мужиков, баб. Пусть не райский рай, а свой, заслуженный, справедливый...

Теперь рая лишился...

А другие скажут: и это справедливо, рай-то у него — одноместный.

Забыл уже Кузьмич, что никто ему ничего не обещал. Вернее, обещали, но не рай. Это народ сам придумал, что вот уж после такой-то бойни кровавой придут времена счастливые, потому что войны не будет. Оказалось, мало этого для полного счастья.

Да ну, не такое уж человек ненасытное до счастья животное. Счастье, справедливость, — общие это слова. Даёшь жратву, тёплый барак! Даёшь кабак и баб побольше! Кому что нужно, или по заслугам?

Запомните, товарищи, справедливости для всех и одновременно не бывает.

Ведь вот только что всё было хорошо, — и должность, и простор, и ездят на своём танке, как и куда хочешь! А теперь что? Прислали, понимаешь, какого-то сопляка-слюнтя, выскочку, денег ему дали — на, строй! А что же мне-то не давали, заставляли проволоочки и «жучки» мастырить?! Я бы тоже сейчас руки в брюки ходил да попявывал.

Вот молчал-молчал Кузьмич, и всё же не выдержал, высказал новому заву:

— Послушай, Андрей! Ты, как Ельцин, только разрушать умеешь!

И так он это сказал прочувствованно, что Андрей

Владимирович только рот открыл, а сказать-то и нечего. Нет, сказать-то можно, но сказать надо столько, столько всего объяснить, чтобы ответить на такую короткую фразу! Что и начинать не стоит.

Да, нанёс Яков Кузьмич точный и сильный удар, — единственный! Но словесный, это не в счёт. Вот если бы финкой... чтоб последнее дыхание ощутить и муть в тех уходящих глазах увидеть... с ненавистью к умирающему... а так... это разведка боем... с целью выявить направление будущего наступления, пощупать противника.

Пора, зима впереди. Но это — фронтовику решать, когда красную ракету в чёрное небо пускать, а для непонимающих коротко: будет зимнее наступление. И точка... Дальше — военная тайна.

А зимнее наступление – это готовиться надо серьёзно.

Кузьмич между делом спрашивает у Андрея Владимировича: ты как, охотой не балуешься?

Тот вначале согласие дал, а потом уже подумал, что, может, это всё неспроста, про охоту-то. В лесах здешних до сих пор то танк времён войны найдут, то самолёт, а из реки катер немецкий подняли, — так что человека в чащобах здешних спрятать запросто можно, искать будут специально – не найдут. И грибники не помогут.

И стало новому заведующему тревожно и неудобно от этого предложения, и он давай себе потихоньку слова и дела Якова Кузьмича в одну цепочку выстраивать и себя же уговаривать: ну, зачем меня убивать и в лесу закапывать, ну, нет ему никакого резона, потому что Кузьмича на заведение пансионата не вернут, и Кузьмич это понимает, отправили его на заслуженный отдых, всё! Ну, в деньгах чуть потерял, но ведь и забот стало в десять раз меньше, и пенсия немаленькая. А если он меня... это... на охоте, так... это... ха-ха! – по следам же найдут сразу! Даже если несчастный случай, — всё равно найдут, только у Кузьмича мотив-то есть.

Что ж, Кузьмич, дурак, что ли? Не-ет, не дурак. Не посмотрят, что ветеран, всё равно сидеть будет. Это зять у него дурак, и наглый какой, это точно: чтобы я воровской этот провод к его домишке да не увидел!

В общем, понял Андрей Владимирович, что относиться к Якову Кузьмичу надо очень серьёзно, это не дедок с пасеки, уж угостит медком, так угостит, но всё же постепенно успокоился, — никто к нему в окна и двери не лез, не беспокоил.

И Андрей Владимирович и лёг спать, чтобы утром идти с Кузьмичём и всей охотничьей бригадой на охоту, ехать на машинах по лесам и сугробам, стрелять кабанов, лосей и зайцев, потом шурпу на костре варить, водку заедать. В бригаде этой и глава района, и начальник милиции, и главный пожарник, и весь районный управленческий корпус тоже там. Пригодятся знакомства...

10

...Нейтральная полоса ещё не была тронута огнём и железом, трава зеленела по-весеннему, жёлтые, только что раскрывшиеся одуванчики, тянули к солнцу крохотные ладошки, полные росы. Ему хотелось пить, он всю ночь пролежал под кустом можжевельника, накрывшись плащ-палаткой, но пошевелиться боялся, знал, что тот, за кем он вышел на охоту, уже здесь, выбрал себе новую позицию и внимательно рассматривает сейчас передний край окопавшегося русского батальона.

«Пехтура немытая! – ругался он про себя. – Сидят, ждут, мать их, пока кто-нибудь придёт и снимет этого чёртова снайпера. А если не придёт? Что ж, целому батальону, что ли, хана?! Да и ладно бы, таких не жалко».

Когда узнал про снайпера, сразу решил потрогать его за вымя, повоевать, спокойно, даже ярости не было, знал, что возьмёт его на ухналь. Сорок третий год уже шёл, уже война всему научила, — так он размышлял, — а ему-то, полковому разведчику, сам Бог велел. Скольких немцев он к праотцам отправил, никто не считал, да, наверное, со счёту сбился бы, если что...

«Комбата выследил, гад, — продолжал он, разглядывая нейтралку и немецкие брустверы, — хорошо, не убил, но комбат нескоро в строй вернётся... да, спасать надо ребят, спасать...».

Лежал под накидкой, холод от земли до суставов

добрался, и сам осознал, — такую силу в себе почувствовал, лютовать начал. Уже гора трупов за спиной его выросла, а ему мало, не мог никак крови досыта напиться.

Наконец, утром, увидел то, что искал. Почему-то думал, что именно такое надо искать среди того, что появиться на нейтралке за ночь. И теперь ясно видел в прицел свежую щербину на трухлявом пне, стоявшем от него метрах в ста пятидесяти. Он рассматривал пень ещё около часа, пока не понял, что пень выдолблен изнутри, и в нём кто-то находится, — крохотное, еле видимое отверстие, то появлялось в виде светлой точки, то пропадало. Бойница там тоже была, но устроена ниже, у самой поверхности земли, и прикрыта свежей травой.

Винтовку не разглядел, но чувствовал, что она там, поэтому решил стрелять, не дожидаясь, когда солнце хорошо осветит немецкие позиции, и, главное, уберёт тень у основания пня... Знал он, чёрт возьми, что амбразура там!

Свой выстрел он, конечно, слышал, а ответного уже нет. Очнулся через несколько часов, с трудом разлепил глаза.

Вечерело, и тень можжевельового куста так удачно прикрывала его от солнца. Страшно хотелось пить, язык распух до невероятных размеров и не помещался во рту. Трава перед глазами была залита его кровью и уже успела почернеть. Хотел тронуть себя за лицо, и ему показалось, что лица у него нет, остались одни глаза на тонких ниточках сосудов и нервов...

Ночью за ним приползли двое. Он был в сознании и видел, как из-за леса парадной поступью скачет рыцарский конь, а на нём серебряный рыцарь, и плюмаж на его шлеме занимает полнеба и струится, как живая вода.

Раненый хотел окликнуть всадника, но голос его был слаб, неразличим среди шелеста трав и листьев, а копыта грохотали с такой силой, что даже пушечная канонада не смогла бы пробиться сквозь этот грохот...

— Я ведь не хотел, — сказал он, обращаясь к несущемуся над ним рыцарю, — я не хотел их убивать, ни тогда в окружении, ни на минном поле, прости меня, но иначе мы погибли бы все, а я — два раза...

Всадник не ответил ему, лишь сильнее застучали копыта,

и порыв ветра охолодил взмокший лоб раненого.

— Кто ты? – спросил он вслед улетающему рыцарю.

— Что, не признал сержанта Сидорова! – ответили ему из темноты.

— Глянь, прощения просит, помирать собрался, что ли, — сказал ещё один голос.

— Ага... Ну, если разговаривает, значит, — поживёт ещё!

11

Охотников оказалось, вместе с Андреем, одиннадцать человек. Они с полчаса балагурили под окнами у Кузьмича, выпили самогона, дожидаясь скупого, утреннего, зимнего света, и загрузились в два внедорожника.

К часу дня сделали четыре загона, Андрей Владимирович ходил во все четыре, один был длинный, около километра, как не заблудился. Кричал, чистил хвойным воздухом лёгкие, — гау, гау, потом хэй, хэй, скучно стало, придумал диковинный крик нездешней птицы, — продирался сквозь заснеженные кусты и еловые посадки, следы смотрел. Следы были, и свежие, а зверя не было.

Каким-то непонятным чутьём добыча заранее чужала охотников и уходила.

Взмокший и покрасневшийся, загребал валенками снег, думал тепло об охотниках, что стояли на номерах, ждали зверя и загонщиков, почувствовал себя человеком охотничьей команды.

Три раза Андрей Владимирович выходил из загона точно на Якова Кузьмича. Первый раз он испугался, когда увидел в просвете неподвижную фигуру в белой маскировке, и перестал кричать. Кузьмич, не отрываясь, смотрел в чашу, прямо на загонщика, и не посвистывал, как принято на охоте, двустволка его, пристреленная на зверя, лежала на берёзовой рогулине. Что-то неживое, пьедестально-каменное было в его позе.

Заведующему так захотелось стать прозрачным или невидимым, Кузьмич потом скажет: я его за кабана принял.

Нехотя выбрался из леса на опушку.

К четвёртому разу он уже знал, с какой стороны загона

ни пойти, он выйдет опять на Кузьмича.

«Чёрт, да он играет со мной, как кошка с мышкой!».

Но в четвёртый раз на номерной просеке было пусто. Когда загонщики и номера вышли к машинам, кто-то спросил:

— А где Кузьмич?

Кузьмича нигде не было. Сбежали, посмотрели следы, они уходили за линию номеров, от загона.

— Опять дед правила нарушает! – сказал бригадир начальственным голосом. – Пора уже ему дома сидеть!

Андрей Владимирович начал боязливо оглядываться.

Все позубоскалили, поругали Кузьмича, припомнили ему все косяки и промахи. Ещё раз обсудили, что уходить за номерную линию нельзя, потому что если зверь пробегает за линию номеров, все палят-стреляют ему вдогон, зная, что охотников там нет, а там... оказывается, сбрендивший Кузьмич заячьи следочки разглядывает... Но это первое, что в голову всем придёт, да и чушь это полнейшая.

Заведующий-то сразу сообразил, зачем Кузьмич свой номер покинул, — чтобы новичок-загонщик сам за линию номеров прошёл, и его за кабана приняли, он ведь уже на подходе кричать-то побаивался.

— Да, ни «Москвича», ни Кузьмича! – хохотнул чернявый в лисьей шапке.

— Ладно вам! – прекратил спор крупный мужик в полушубке и собачьей шапке колпаком. – Его немцы убить не смогли, а мы тут со своими пукалками, тем более. Да придёт он минут через двадцать.

В лесу раздался недалёкий выстрел.

Андрей Владимирович вздрогнул.

— Во, видали, кого-то выследил!

— Ну так, старая гвардия!

Пока ставили на капот бутылки, доставали закуску, мужик в собачьей шапке, звали его Сашка, рассказал, как Кузьмич решил потягаться с немецким снайпером, все охотники эту историю знали.

— Снайпер его, конечно, обманул, — рассказывал Сашка, — слишком уж Кузьмич зазнался, что смерть, понимаешь, его не берёт, вот немец пулю-то в лоб ему и всадил. А

дальше чертовщина, — мы все в армии служили, и стреляли, и чего только не было! – пуля немецкая попала в край каски, пробила её, потом как-то хитро срикошетила, ушла Кузьмичу под левый глаз, зубы выбила, сломала челюсть и в груди застряла...

— Ого! – сказал Андрей. Ему стало стыдно, что так боялся Кузьмича.

— Ну, за Якова! Досталось ему!

— Так вот, он ещё ночь там, на нейтралке этой, пролежал. Как кровью не истёк? Ваты и бинтов насовал... И наши его ночью только вытащили.

Появился из леса Кузьмич, принёс лису-огнёвку. Выпил самогонки, порозовел, и начал тонким голосом рассказывать, как её скрадывал и стрелял.

— Брось ты её, Кузьмич, — сказал бригадир, — сейчас лисы все сплошь бешеные. Эпидемию ещё у нас устроишь в районе.

— Да какая она бешеная! – ответил Кузьмич. – Я её обдеру, выделаю!

— Вот жмот, — шёпотом сказал чернявый.

12

И Кузьмич, действительно, чуть не устроил в районе эпидемию, о нём написала местная газета «N-ские известия», без упоминаний, конечно, о ветеранских регалиях. Кошки, собаки, птицы, крысы бешеную отраву по округе возле пансионата растащили. Бешеных птиц что-то никто никогда не видел, а вот бешеные лисы на автомобильные фары в темноте бросались, дети боялись в школу ходить.

Кузьмича заставили остатки той лисички и шкурку сжечь на костре, а самому ветерану вкололи сорок уколов, от бешенства. Деревенские перешёптывались: «так ему, фашисту, и надо».

Черета же следующих событий, страшных и малообъяснимых, затмила и сотинскую стройку, и эпидемию бешенства.

Умерла Анна Петровна... Вчера ещё выходила во двор, кур кормила, а сегодня пришла труповозка и увезла тело

фронтовички... Да быстро так, «скорая помощь» бы так приезжала.

Злые деревенские языки прошлись и по этому поводу... Судачили, не приложил ли к этому руку сам ветеран, с него станется, а то, что ходит мрачный и молчит, ни о чём не говорит, он любой спектакль разыграть может, или вакцина подействовала?

Появился в деревне внук Руслан, с которым Кузьмич цветные металлы на приёмные пункты сдавал.

Но поминок широких не было, Кузьмич из квартиры не выходил. Андрей Владимирович хотел поддержать старика, звонил и стучал в дверь, но ему не открыли...

И тут в газетах объявили, что работающим пенсионерам будет существенно уменьшена пенсия. Яков Кузьмич забеспокоился, съездил на завод «Серп и молот», походил по начальству, но договориться о работе «в чёрную», без трудовой книжки, ему не удалось, а директор, и особенно главный инженер, порадовались, что замена заведующего в пансионате произошла вовремя, у них просто гора с плеч свалилась, потому что не могли они ничего с вредным стариканом поделать, а уж в казённой квартире пусть живёт, не вечный же он, глядишь, скоро и тёплую квартиру освободит, на холодную поменяет.

Прошёл месяц или больше, никто не считал, а Яков Кузьмич пришёл к Андрею Владимировичу:

— Послушай, Андрюша, может, примешь меня обратно на работу, — слух это про пенсию оказался, государственная дума всё по-прежнему оставила.

Андрей Владимирович тогда-то так обрадовался, что Кузьмич ушёл с работы по своей воле, не пришлось никаких козней ему строить, и негласный приказ заводского начальства как бы сам исполнился, легко и бескровно. И сейчас же сказал старику-пенсионеру:

— Да как же я тебя обратно возьму, мы же ставку твою убрали.

Кузьмич за Андрея мысль додумал: «...и между собой её поделили, тебе, старому, места здесь больше нет, и не ходи и не проси...».

— Да и потом, Кузьмич, на работу не я беру, а директор

завода приказ подписывает, с ним и разговаривай.

Хотел Кузьмич сказать, что когда ты, Андрюша, под стол пешком ещё не ходил, у меня китель уже на гвозде висел, но промолчал, бесполезно говорить.

Что делать, сам же он, Кузьмич, с работы ушёл, сам маху дал, а денег-то всё равно жалко. Стал названивать директору завода, аудиенции хотел попросить, а секретарша отвечает, что занят директор, и когда освободится, — неизвестно.

Поводил Кузьмич своими синими очами, они у него совсем в ледышки превратились, пожевал побелевшими губами, пошёл к себе в опустевшую квартиру, самогону налил и присел к столу, опустив руки... И промелькнула перед ним вся бесконечная его жизнь, так же быстро, как он прожил её, не заметив...

Снаружи вдоль окна рыцарский конь лениво прошагал, хвостом помахивая, а всадник, сидя в седле, покачивался спокойно, и твёрдо сжимал в руке древко копья...

Тут и тётка-финка из-под стола вылезла, ластится и так, и сяк, просится в дело, — один Яков Кузьмич остался, ей теперь и бояться некого. А внук Руслан свой, родной, сидит тут же за столом, пиво пьёт, с ним очень ей поиграть хотелось, как бывало. Как бывало...

С ней, с финкой, дед внука давно познакомил.

— Дед, — сказал Руслан, — ты же знаешь, ты дал мне всё, научил всему, что сам умеешь, дороже нет у меня человека.

Усмехнулся дед:

— Может, тебе и ножик дать?

— Не надо, своя девочка финская имеется.

13

Рано утром Андрей Владимирович проснулся от телефонного звонка. Зинаида Ивановна прокричала ему в ухо:

— Гостевые домики горят! Я пожарных вызвала! Надо рукава от пожарных гидрантов тянуть! Ой-ёй, как домишки-то жалко, такие хорошенькие были!

Заведующий побежал на склад, детище своё спасти, Зинаида уже дверь открыла, сантехник раскатывал серые рукава, соединял их, — рядом с домиками гидранта не было.

Приехали пожарные. Да что там, два куба воды в той пожарной машине, а пламя разгорается, рядовые бойцы в огонь не лезут, — офицер их туда не пускает, он под присягой, а они-то гражданские.

Домики на двух террасах стоят, горит на нижней. Если не потушить, весь новый комплекс сгорит.

Наконец, старший наряда забрался на верхнюю секцию по приставной лестнице, ему подали брандспойт, и он начал бить струёй в охваченную огнём крышу. Шапка его куда-то улетела, а телогрейку трепал непредсказуемый поток горячего воздуха, поднимавшийся от пламени.

Полчаса понадобилось, чтоб пламя сбить, и офицер отдал шланг бойцам, которые окончательно залили возгорание, а сам подошёл к Андрею Владимировичу:

— Огоньку не найдётся? — спросил он.

Заведующий протянул ему коробок со спичками, засмеялся:

— Сапожник без сапог?

— Нет, примета дурная, — посмотрел внимательно.

Подошёл Кузьмич с длинной палкой, на руках и лице сажа с пожарища.

— Похоже, поджог это, — сказал он. — В углу матрас обгорелый лежит, в него же достаточно горящую сигарету сунуть, он всю ночь тлеть будет, а утром полыхнёт.

Отважный офицер долго смотрел на Кузьмича, ничего не сказал, докурил и пошёл командовать своими тухами-бойцами.

В это время из-за угла командирского корпуса показался хорь, обыкновенный хорёк, вор и поедатель цыплят и куриных яиц, — видимо, запах дыма встревожил его, — он, не таясь, бежал посередине дорожки.

Яков Кузьмич, глянув только, сделал стремительный выпад в сторону хорька и ткнул его палкой точно в нос, убив наповал.

Андрей Владимирович видел такой аттракцион впервые.

— Повадились, понимаешь, курей таскать, совсем осмелел.

Кузьмич подобрал хорька за хвост.

— Вот, варешки из него сошью... Ты это, Андрюша, — добавил он, — пожарнику премию-то выдай, и бутылку водки, он ведь жизнью рисковал... А ты ему даже спасибо не сказал.

...Андрей Владимирович съездил на завод, к начальству, чтоб узнать насчёт премии пожарным, но там вместо этого пришлось писать объяснительную записку.

— Поджог, говоришь, — спросил его главный инженер, — интересно, кто это тебя выжигает? Что ты с кем не поделил?

«Это вы, — подумал Андрей Владимирович, — с Кузьмичём пансионат поделить не можете. Он без средств с вашей стороны его содержал, из канализации не вылезал, а вы и обрадовались, на пенсию его сразу, а теперь мечтаете, чтоб и квартиру освободил.

Мне уже всё с вами понятно. Игру в прятки затеяли?

Только вот разбираться он будет не с вами, дорогие мои начальнички, а со мной. Мне куда прятаться? А вы, думаете, хорошо спрятались?

Не надейтесь, он и до вас доберётся!».

— Да бомжи, бродяги, наверно, залезли, — ответил заведующий, что ещё он мог сказать.

— В следующий раз, — сказал главный инженер, — бумажкой не отделаешься.

И стало Андрею Владимировичу от этих слов тоскливо и муторно, так, что он и про премию пожарникам забыл, и про то, как стихи в школе на девятое мая читал: «мы были высоки, русоволосы, вы в сказках прочитаете, как миф, о людях, что ушли, не долюбив...», — совсем забыл, а потом страшно стало, когда вспомнил из запрещённого: «и выковыривал ножом из-под ногтей я кровь чужую...», и мгновенную смерть нашкодившего хорька, — какова у Кузьмича реакция, не скажешь, что за восемьдесят! — и слова деревенских товарок вспомнил: «Дверь подопрёт и запалит!».

«Чёрт, и правда, за кого Кузьмич воевал, — думал Андрей Владимирович, — в зондеркоманде, факельщиком?! А если он «коктейль Молотова» применит, что тогда?».

...Но получилось не так, как думал новый заведующий.

Что-то у Якова Кузьмича не сработало, и он сам попал в беду.

Через пару дней, когда Андрей Владимирович вернулся в пансионат, Зинаида Ивановна рассказала ему, что Кузьмич без спроса взял ключи от трансформаторной подстанции и что-то долго там делал, никто не видел.

— Он же фронтовик, он же, как призрак, ходит, — оглядываясь по сторонам, говорила она. — Потом раздался взрыв, ну, может, не взрыв, хлопок. Свет погас. А из подстанции вывалилась фигура в горящей телогрейке... да, и шапка на нём тоже горела!

— А что ты шёпотом говоришь, Ивановна, — спросил заведующий, — он-то сам где сейчас?

— Боюсь я его, — округлив глаза, ответила Зинаида и перекрестилась. — Где, в больнице! Лицо у него сторело, одни глаза остались, он их еле разлепил, веки запеклись. Ещё домой ходил, возвращается, я здесь, говорит, инструмент забыл. Вот дурак-то, ты бы тут лучше голову свою забыл, чем улики такие оставлять!

— Он же трансформаторы между собой замкнул, — продолжала она, сжимая в кулачке мокрый носовой платок, — вырубил полгорода и пол района, представляешь? Это что он там, на фронте, творил! — закончила она.

«Жил, и до сих пор там остался», — подумал Андрей Владимирович, а вслух сказал:

— Надо бы его проведать, да узнать, что он там ещё против нас удумал. Зачем он вообще туда полез, дурак старый! Сгорел бы, как в танке.

На этот вопрос, только без «дурака», Кузьмич, лежа на койке в шестиместной палате, ответил слабым, жалобным голосом:

— Хотел, видишь, фазы поменять, чтобы наждак, как положено, крутился, да ключ гаечный уронил, он две линии трансформаторные между собой и замкнул.

— А что же ты на наждаке фазы не поменял, а в подстанцию полез, так можно было и в районные сети с гаечным ключом залезть.

Как мальчишку Кузьмича отругал.

— Не-е, я точно знаю, я же всё здесь своими руками

делал, знаю...

Но Андрей Владимирович Кузьмичу не поверил, потому что сам кое-что в электричестве понимал, — детская у Кузьмича оказалась отговорка.

Какую же смерть готовил для него Кузьмич?

14

Месяца полтора после больницы Яков Кузьмич не брился, — кожа на лице была тонкой, боялась лезвия и холода, попросту мёрзла, Кузьмич ходил, прикрываясь шерстяным шарфом.

А в деревню пришло несколько новостей. Из Германии, из сам?й Германии пришла хорошая: Зинаиде Ивановне немцы собирались выплатить пять тысяч немецких то ли марок, то ли «евров» как узнице фашистских концлагерей. Зинаида рада была безмерно, так как долго хлопотала насчёт этой выплаты, не могла никак найти свидетелей своего перемещения в Латвию, не говоря уж о Германии.

«Лучше бы марок, — думала она. — Что это за «евры» такие, чёрт их знает».

И вот надо же, немцы чуть ли не на слово поверили. Но деньги дали и тем, кого в сорок первом году перегнали немецкие солдаты из одной деревни в другую, а через месяц вернули обратно домой. Они тоже узники оказались.

Ну что ж, решила баба Зина, что ни делается, а к лучшему, нечего завидовать, сколько народу покаяния этого немецкого не дождалось, сколько патриотов, доверчивых советских людей, добровольных мучеников, от Родины такую награду за мужество и стойкость получило, — в наших же, страшных лагерях после войны незаслуженно сгнуло. Зинаиде повезло, что девчонкой была в сорок первом, а потом жила в такой глухомани, что не только танк добраться не мог, но и «чёрный воронок»...

А Катю, Зинаидину подружку, наградили медалью за доблестный труд в тылу, поскольку работала она в колхозе «Первомайский» с сорок третьего года. Пустяк ведь медалька эта, а как сияет, как горит и переливается.

Взяли бабушки самой хорошей водки, какая была в

деревенском магазине, и отправились к новому заведующему отпраздновать эти события.

Яков Кузьмич их не поздравил, потому что задело его, так закусило то, что Зинка за свои концлагеря получила гешефт от тех, кого он так усердно, не жалея мышц своих, ума и самой жизни, сводил на нет... что мысль ядовитая сама вползла в его голову: ведь, правда, не ту сторону фронта, видимо, выбрал, ведь Зинка теперь в победителях, а не он, офицер Красной армии, — и чтоб не встречаться с бабушками (глаз уже начал наливаться багровым), сделал большой круг по пансионату и юркнул в своё жилище.

А на девятое мая снова надел праздничную жёлтую рубашку и шляпу-шестидесятницу, ветеранский пиджак с наградами, только наград теперь было в два раза больше, как заметили сотинские старушки.

— Ну, ты глянь, Катя, это что, Анна Петровна ему ордена в наследство, что ль, оставила?

— Да ну ево, Зина! Горбатого только могила исправит! А вот Аню-то жалко. Смотрит, небось, на него с небес и думает, зачем я столько лет с этаким к?злицем прожила, а?

— Ну во-от, опя-ать покати-ил!

А куда покатыл Кузьмич, может, в Красино грехи замаливать в церкви архангела Михаила, у неё золотые купола ближе всего до Бога достают, в Свояки ли, где располагалась нынешняя власть, а может, в кустах где притаился, никто же за ним не следил. Поехал себе ветеран, восьмидесятипятилетний одуванчик, по своим делам. Какое деревне до него дело в выходной день. И ему всё равно, что там о нём судачат, в чём подозревают, в каких таких зондеркомандах он служил, кого убивал: немцев ли, русских, фашистов или коммунистов.

И рассуждал он очень просто, потому что видел это всё и испытал на своей шкуре: думали, война кончится, вот заживём! Не получилось, не зажили, всё больше темно и неярко было. Думали, Сталин умрёт, — вот заживём! Не зажили, другие убийцы власть к рукам прибрали.

Фронтвики-то в чём виноваты?

Да ни в чём! Признать надо, что есть их личная заслуга в том, что они в живых остались, что научились воевать, перестали ходить в лобовую на пулемёты, хотя им и приказывали командиры скороспелые. Где они, те,

послушные? А где непослушные? Все они в одной яме, в одном и том же рву или траншее, чуть присыпаны землёй своей горькой. И уж не получают ни медальки, ни компенсации за ратный труд.

А те, кто в живых остались, такие умения обрели, сражаясь с врагом, и убивать, и маневрировать, и маскироваться, и обманные финты крутить научились, такими стали умелыми и хитрыми, как владеющие лукавым «русским боем», — отвлекай и бей, дураком притворись, не убудет, — такое осознали в себе понимание и искусство войны.

Куда уж до них тупому чудищу бронированному, неповоротливому, танку «Иосиф Сталин».

В любом танке, между прочим, экипаж есть, и все жить хотят...

...броня крепка, и бьётся под бронёю живое сердце, и тверда ладонь, глаза в прицел, и на медалях солнце, горит в груди отмщения огонь...

«Да, время такое было. Кто врагом был, того и убивал, кого врагом считал, тоже убивал, — думал Кузьмич, — пойди, вспомни сейчас, когда и как, и сколько их было».

Помнит только, что ха и ха, и всё, на ухналь! И как тех двоих, с кем пили, впереди себя на минное поле послал, — так карта легла.

И никакой суд или следствие ничего не раскопает, потому что ни тел, ни улик нет, остался один преступный мотив — выжить! А жить хотели все. Так что он, Яков Кузьмич, — неподсуден, и жизнь, и всё это заслужил, от синего неба до Анютиных цацок, он, герой своего времени, истинный и настоящий хозяин Победы, к нему не придерёшься. Да никто и не придерается, знают, — у нас страху нет!

И всё потому, что он не погиб, и может слово сказать и действие произвести. И сколько нас, таких, осталось? Погибли почти все, а оставшиеся должны были умереть после войны... от ран и несправедливости.

Подчистую. На ухналь. И концы в воду.

Внук Руслан, уж ему двадцать лет было, как-то спросил деда, что это такое — на ухналь? Что-то по-немецки?

Дед, поигрывая финкой, и говорит:

— Ухналь — это очень просто. Ухналь — это подковный гвоздь, которым прибивают подкову к лошадиному копыту.

Сам он плоский, и шляпка плоская, и должна чётко и плотно войти в прорезь на подкове. Был у нас конюх, обозник, он лошадей ковал, и хорошо, я тебе скажу, это делал. Вот после него все и стали говорить: хорошо ты подковал, на ухналь, носа не подточишь. Судьба с ним тоже на ухналь разобралась, до осени сорок первого не дожил...

«И Руслан уже не маленький, — продолжал Кузьмич, — тоже кое-чему научился».

Руслан справится, в этом даже сомнений никаких нет. Тётка Финка поможет ему, или дядька Петухов, чтоб новые эти, выскочки и разрушители, не захватили власть и мир, который так тщательно и всю жизнь строил он, фронтовик, доживший до двадцать первого века...

А сейчас ехал себе Яков Кузьмич к своей председательше, и размышлял, что хоть она и не воевала, но искусство драться за своё и выжить при любых маршалах или президентах хорошо освоила, и не было для Кузьмича во всей колхозной окрестности человека родней и надёжней.

Мелькали мимо кусты и деревья, заросшие чапыжником поля, церкви, погосты и братские могилы, пёстро одетые люди, празднующие Великую Победу, к которой не имели ни малейшего отношения.

Но Якову Кузьмичу по самому большому счёту было уже всё равно, потому что для него не была она ни великой, ни победой.

И было ему спокойно и легко, потому что он знал, — где-то рядом, невидимый при дневном свете, скачет серебристый гривастый конь, а на нём всадник с разящим мечом. И гулкий стук подкованных копыт колотится, не переставая, ему в виски, вторя ударам сердца, чётко и ровно, на ухналь.

То скачет, не отставая и не обгоняя, его, Яшкина, судьба...

Медали на пиджаке звенели, стучаясь друг об друга, как у того глазастого двадцатитрёхлетнего лейтенанта в одна тысяча девятьсот сорок пятом году.

декабрь 2015

Сергей АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

ЖИЗНЬЮ ПОЗАБЫТЫЕ АККОРДЫ

* * *

Тускнеют угли...

Фет

Ни уголька, ни уголка,
Ни стебелька, ни мотылька,
Ни всплеска крылышек на маке...

Не вспоминай. Не сожалей.

Ни гаваней, ни кораблей,
Ни Пенелопы на Итаке,
Ни плача подле Царских Врат.

Ни медных лиц, ни медных лат...
Ни царь, ни раб, ни зол, ни рад —
Ни слог не изберешь, ни тему.

Неужто дальше — тишина?

Ни аргонавтов, ни руна,
Ни винограда, ни вина,
Ни древка в око Полифему.

Гекзаметр мертв, хорей охрип, —
Ни гордый стих, ни горький всхлип;
Ни лицеиста, ни Лицея...

Не постигаю. Не могу.

Прими пловца на берегу,
Змеиноглазая Цирцея!

О нет, не принимай, отринь,
Отыди прочь и сгинь. Аминь!

Я вижу: выбор был худым.
Я вижу путеводный дым
Отечества! Цирцея, впредь мы
С тобою — врозь! Я — недруг ведьмы,
И враг несмысленных свиней.

А дым клубится все черней...
Спеши, воспрянувший пловец,
Поскольку дым речет: конец
Настал Содому и Гоморре!

Спеши! Теперь Улисса ждут,
И стольный град, и вольный люд,
И девушка в церковном хоре.

* * *

Лилии Александровской

Искатель тихих мест, укромных троп,
Усталый, поседельй мизантроп!

Не унывай: невзгоды — гиль и вздор.
Лишь час езды — и вот: безлюдный бор.

Заглохший парк — всего лишь час ходьбы!
Есть место, где укрыться от судьбы.

А вот: единый шаг, единый миг —
И тут они, ряды любимых книг!

И тут же друг любимейший — жена,
Без коей жизнь пуста и ненужна.

Земля стенает, бытие трещит —
Но Бог твоё прибежище, твой щит.

Гляди спокойно вдаль, бесстрастно вширь;
На сон грядущий раскрывай Псалтирь.

С презрением вниз гляди, с надеждой — ввысь,
И от хандры хронической лечись —

И твердо помни, что свинья не съест...
А сколь на свете заповедных мест!

Заглохший парк — всего лишь час ходьбы!
Есть место, где укрыться от судьбы.

И, ежели в кармане держишь нож,
Пройдешь по парку. Может быть, пройдешь...

ДУБИНУШКА

Надежде Елизаровне Мальцевой

О, кривда силу исстари копила!
И властвовать ей ныне суждено:
Былая правда канула на дно,
И бесы не пугаются кропила.

Увы: явила правда столько пыла,
Что с плевелами спутала зерно...
В пустых амбарах, за бревном бревно,
Свергаются ненужные стропила.

Артель крушит!.. О Боже, укажи:
Как можно жить над пропастью во лжи,
Куда бежать, коль целый мир — чужбина?

Ни колоса в полях. В полях метель...
И ухаёт безмозглая артель,
И бухает бессмертная дубина.

CUM GRANO SALIS

Андрею Кроткову
На Святой Руси петухи поют...
Н. Берг

Нет, радио горланит на Руси! —
Вседневно, ежечасно и повсюду:
Везде почет назойливому чуду
Техническому, Господи спаси...

Что ж, громкоговоритель, голоси —
Дай волю горлодеру, словоблуду!
И я внимать, скрипя зубами, буду
В автобусе, в троллейбусе, в такси...

А прежде, молвят, нас возили кони;
И, говорят, не только в глухомани
Возможно слушать было тишину...

Клянущи всяк час Попова и Маркони,
Клянущи всяк день Кулона и Гальвани —
И век пропащий всячески клянущи.

ЭТЮД

Ларе Леггатт

Из окна второго этажа,
Сквозь листву заржавевшего клена,
Выплыла мелодия, дрожа,
В серый мир асфальта и бетона.

Трепетали пальцы скрипача,
Быстры, безошибочны и тверды;
И лились, застенчиво звуча,
Жизнью позабытые аккорды.

И витали звуки, и вились,
И ныряли в уличные дали,
И взмывали в меркнувшую высь,
И, мелькнув, немедля пропадали:

Тронув паутину сентября
Нежными легато и стаккато,
Улетали в алые моря
Празднично-прощального заката...

С ИСПАНСКОГО

Мануэль-Хусто де Рубалькава
(1769 - 1806)

* * *

Мне снилось: я великий государь —
Властитель на блистательном престоле...
Моей суровой августейшей воле
Двуногая покорствовала тварь.

Меня обожествляли: мой алтарь
Благоговейно содержали в холе,
И мне вседневно жертвовали боле,
Чем даже Зевсу жертвовали встарь!

Служили мне смиренные цари,
Плененные моею ратью бравой...
Но луч нещадной утренней зари

Покончил вмиг со всей моей державой!..
Я хмыкнул и сказал себе: «Смотри,
Не обольщайся впредь мирскою славой...»

Мигель де Унамуно
(1864 – 1936)

КРОВЬ ДУХА МОЕГО

Кровь духа моего — родной язык,
А сам я — гордый сын любого края,
Куда литой глагол его проник,
Чтоб воцариться, блеска не теряя.

Он зрел, еще не будучи рожден,
В латинском слоге, стройном и суровом;
Кастилию возвысил в мире он,
Колумб удвоил мир кастильским словом.

Язык мой! Ты — ковчег, плывущий вдаль,
И ты вмещаешь всяческую плоть —
Твоим народам несть числа и счета:

Впитали и Хуарес и Рисаль*
Язык, на коем даровал Господь
Сервантесу скрижали «Дон-Кихота».

* **Бенито-Пабло Хуарес** (1806 – 1872) – мексиканский национальный герой, президент Мексики с 1867 по 1872 гг., был индейцем из племени сапотексов, **Хосе Рисаль** (1861 – 1896) – народный герой Филиппин, поэт, писатель, художник и полиглот, расстрелянный испанцами за подготовку восстания, принадлежал к малайской расе. Оба носили чисто испанские имена. – *Примечание переводчика*

Александр ПЕТРУША
**ОБЗОР КОНКУРСА
«ТВОРЧЕСКАЯ УКРАИНА - 2015»
В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»**

Человек, пишущий стихи и прозу, в наше время является уникальным явлением, героем и бессребреником одновременно. Конечно, можно зарабатывать на создании «контента» для политико-идеологически-пропагандистских сайтов, или работать в команде литературных рабов, создавая бестселлеры-однодневки для раскрученных плодовитых авторов детективов, любовных романов, сборников фэнтези, альтернативной истории и экшена. Но наш автор, обитающий на литературных сайтах, участвующий в конкурсах, издающий книги за свой счет – настоящий герой нашего времени. Скромный, застенчивый юноша-поэт и познавший жизнь, вкусивший всепоглощающего огня вдохновения, отрезвляющей воды критики и звуки медных труб признания, маститый графоман. Они объединены одним общим желанием познать, отобразить и запечатлеть ауру времени – вот коллективный портрет участника конкурсов. Не только для того участвуют, чтобы победить и помериться талантом и умением, а для того, чтобы узнать мнение о своем творчестве от товарищей по призванию, получить квалифицированный совет, тонизирующую дозу критики и доброжелательный отзыв.

Очень хотелось написать обзор поэтических произведений конкурса по горячим следам, по первым впечатлениям. Однако, кроме первого взгляда, должно было также предаться зрелым размышлениям, попробовать понять не только авторов, но и свое отношение к их творчеству. Конкурс не соревнование амбиций, а руководство к действию по исправлению ошибок и расширению творческих вдохновений.

Однако, доброе и справедливое слово не должно быть запоздалым, несвоевременным. Поэтому, несмотря на занятость, плохое настроение, болезни, авралы на работе, усталость и т.п., обзор должен быть написан и все произведения всех конкурсантов должны были быть

прорецензированы. Я писал обзор с позиций члена жюри, обычного читателя и любителя поэтического слова.

Обзор является итоговым, индивидуально-сводным, по двум этапам конкурса «Творческая Украина – 2015» в номинации «Поэзия». При подготовке и написании использовались отдельные материалы работы жюри, особо яркие избранные места и цитаты из отзывов членов жюри Натальи Троицкой (НТ), Святослава Огненного (СО), Ирины Горбань (ИГ). Особая и глубокая благодарность им за большую и творческую работу по оценке и рецензированию произведений!

В связи с тем, что конкурс в обновленном виде проводится впервые, творческая команда судей жюри в обеих номинациях только набирала опыт и специальные знания, судьи поддержали конкурс личным участием, предоставив свои произведения. Как жаль, что по Положению, «жюристы» могут выступать только вне конкурса! Их отличные произведения задали тон и уровень мастерства, получили отличные отзывы читателей и болельщиков. Спасибо за поддержку личным примером!

Теперь, коротко о главном.

1) Система критериев. Основной критерий, конечно, талант, способности к развитию, общая и поэтическая грамотность. По этим простым и не совсем четким признакам проводилась оценка произведений первого этапа. Первым этапом и его оценками был определен достаточно высокий уровень, выявились лидеры и «многоборцы».

2) На второй этап авторы представили на достаточно сложные и сильные произведения. Будем считать, что второй этап – соревнование квалификаций и вдохновений. Также, априори, считаю, что на втором этапе слабых бойцов нет. Поэтому постараюсь быть объективным, насколько смогу, так как отношусь ко всем авторам с одинаковой симпатией. Основной критерий оценки – талант и вложенный в произведение поэтический труд.

... Стоило гроши и вдруг алтын.
Ложная растет дороговизна.
Ценность измеряется одним –
единицей вложенности жизни!

...

Мера неизменная – талант,
он дается щедрым и беспечным,

что однажды жажду утолят
самым золотым обеспечением!
(А.Вознесенский, ЕВЖ)

3) Кроме безусловного владения стихотворной формой, размером, композицией, буду считать обязательным необходимость соблюдения автором меры в применении обоснованной лексики, стиля и типа поэтической речи. Если коротко, система критериев: талант, ЕВЖ, чувство меры.

Надеюсь, что такая система координат поможет структурировать и объяснить оценки. Здесь я поддерживаю мнение Натальи Троицкой о том, что «...на представлены довольно сильные и качественные стихотворения, почти каждое из которых, достойно высшего балла... В связи с этим, приходится обращать особое внимание на пунктуацию, несмотря на практически идеальные по образности и ритмике стихотворные тексты. Пунктуация для предложения – это такой же способ выражения эмоций, как, скажем, улыбка или нахмуренные брови для лица. :) Отсутствующая запятая – и смысл текста меняется. К тому же, пункт о грамотности входит в оценочные критерии...».

4) О рецензиях и критике в отзывах. Рецензии писались, как мнение товарища, коллеги и читателя о произведении. Критические замечания просьба воспринимать, как попытку помощи и совета. Критике в отзывах я старался придать объективный, конструктивный и, если удавалось, креативный характер. С этим были трудности, потому, что я сторонник критики комплиментарной. Поэтому, просьба воспринимать критику не как повод для обид, а как призыв к совершенствованию и развитию.

1. ЕЛЕНА БОРОДИНА (ЭТАПЫ 1 И 2)

***Сентябрьский этюд (тема 2 - «Этюд»)**

Автор: Елена Бородина

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=346795&pid=231&nom_id=643

Хорошие стихотворения разбирать приятно, но трудно. Гораздо легче назвать и определить, что не нравится, чем объяснить светлую ауру души стихотворения. В общей оценке этюда Елены Бородиной я почти полностью согласен с

мнением Натальи Троицкой (НТ): «Глубокое, сильное произведение, каждое слово выверено и к месту. Создается ощущение покоя и умиротворенности, мудрого осмысления осеннего состояния души, созвучного с природой. И – ожидание чего-то нового, грядущего – после того, как стечет по стеклу печать молчания».

Читая внимательно несколько раз, так и не удастся разделить компоновку, структуру и сюжет стихотворения на элементы, а это говорит о том, что текст написан на одном дыхании, вдохе-выдохе, несколькими точными движениями пера (или кисти?) – этюд! Неопределенно-личное, обобщенно-личное начало первой строчки неожиданно переходит в личностное «Тишина -/ удавкой недовязанного свитера...» Подлежащее – сказуемо изображением литер на запотевшем стекле, но это уже недостаточно даже для эскизно-этюдного полотна, поэтому возникает звук молчания: «...иллюзия недавней болтовни», «... безмолвные вороны», «...пустующая «Чайная». И финальная нота, слеза – «...стекает по стеклу/ печать молчания...»

Трудно писать рецензию, будучи членом жюри, не поддаваясь эмоциям, стараясь быть объективным. Этюд написан пером, не все мелкие штрихи «легли в строку».

«...и пальчиком написанная литера
стекает по стеклу, но лишь она –
иллюзией недавней болтовни,
плескавшейся в прохладе влажной комнаты...»

Красивая лирическая строфа, и все же почему «но»? Почему «но лишь она»? Конечно, здесь «но» – не вставки для ритма, может быть – знак инверсии, чтобы читая «но лишь она», понимать «она лишь»? Или повторение семантического приема с петлей недовязанного свитера: «...но лишь она – иллюзией недавней болтовни»?

***Поддевятого («Разбитое сердце»)**

Автор: Елена Бородина

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=349147&pid=233&nom_id=652

Стихотворение второго этапа более резкое, четкое, жесткое, ведь тема – «Разбитое сердце» :-). Хлесткие, натуралистические образы «...осколки вчерашних истерик...», «...волоком что-то вроде тебя – из холодной постели тащит...». Оно и понятно – «Не стихает обида...». Впечатляющая вязь

слов, настроение выражено и размер выдержан. Однако, не совсем внятные строки: «...что-то вроде тебя – из холодной постели /тащит снова...» Все-таки, непонятно, кто (что) и кого тащит, не помешали бы запятые или абзацы, лесенки...

Спорное словосочетание: «... отпечатками лба чье-то небо запятнано – протираешь рукой...» возвращает читательский взгляд «...от стены до окна...» и далее, к образам запотевший окон стихотворения первого этапа. Но не слишком ли это большое расстояние в метрике стихотворений и долгий путь, что «...сыплет минутами» к невидимому и неназываемому, но незримо здесь присутствующему-отсутствующему? Вероятно, поэтому и

...Проклинаешь Его.
Ненавидишь.
И любишь....

Слово вещь обладает силой. Даже если вы не придерживаетесь бытующей в мистической литературе точке зрения о сверхчувственных и магических способностях поэзии и поэтов, не проклинайте Его, кем бы он ни был...

2. КРИВОНОС СЕРГЕЙ (ЭТАПЫ 1 И 2)

*** «Была листва. Осыпалась от ветра...» (Тема «Сокровище в руках»)**

Автор - Кривонос Сергей

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=234960&pid=231&nom_id=643

Казалось бы, банальный сюжет, обыгранный в сотнях стихов, рассказов много раз. «Один, глядя в лужу, видит в ней грязь, а другой — отражающиеся в ней звезды» – сказал философ Эммануил Кант почти 250 лет назад. Что можно добавить или оспорить? «Кто хочет самообольщаться, пусть обольщается!», «Лужа есть лужа, грязь есть грязь, дворник есть дворник» – это тоже философия, философия от лукавого, от сытого мещанства. Однако, вчитавшись, понимаешь, что в стихотворении дворник – не совсем и не столько дворник, сколько автор, поэт, добывающий, создающий красоту, чтобы поделиться ею, и есть истина,

... нужно для того работать,
Чтоб звезды, облака, кусочки солнца,
Хоть изредка, но все же находить...

Философскую направленность отметили все члены жюри,

каждый по-своему, но все оценили образность, лиричность, светлую грусть и жизнеутверждающую идею стихотворения.

Несколько выпадают из добротного поэтического повествования не совсем удачно подобранные словосочетания «незатейливо ступая», «замызганный асфальт», «тусклый взгляд». И пунктуацию бы выверить, несколько запятых потерялись....

Сегодня выпал третий снег... (разбитое сердце)

Автор: Кривонос Сергей

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=346025&pid=233&nom_id=652

Повествовательность, неспешность, как в старой, доброй сказке «жил-был», постепенное развертывание сюжета, светлую грусть, отмечают в конкурсных стихотворениях автора все члены жюри.

Я бы еще заметил умение автора все это выразить в форме монолога-диалога с незримой собеседницей и, с еще более неощутимой, но присутствующей памятью сердца и души. В стихотворении есть редкое сочетание, по крайней мере, трех тем – источников творчества: сожаления

- об ушедшем времени;
- об упущенных возможностях;
- об утерянном рае.

Это дорогого стоит!

И хочется перечитывать, со-чувствовать, со-переживать вместе с автором его жизненные истории...

Прекрасное выступление, по сумме двух этапов конкурса – 1 место. Поздравляем!

3. МАРК ЛУЦКИЙ (ЭТАП 1)

Зимнее письмо из Михайловского (Тема «Сокровище в руках»)

Автор: Марк Луцкий

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=346807&pid=231&nom_id=643

Разделяя радость и удивление автора на получение обычного, не электронного письма с необычными, значащими штемпелями, радость и гордость тем, что книги стихов издаются и читаются, хочется добавить, что и Михайловское – тема благодатная, сокровище в руках! Нужно ли для обрамления красивых, прекрасно обработанных строк автора

применять бриллиантовые строки классика? Риск!

Автор, все же, вводит цитаты из Пушкина, при этом «загулял» размер в четвертом и пятом катренах, что особенно заметно в четвертом. Увы, классические строки в данном случае не улучшают ритмику. Возможно, бессмертные строки прекрасны сами по себе, но в данном случае, что и кто кого оттеняет и обрамляет?

Хорошие стихи хорошо декламируются и поются. Читайте свои стихи вслух, пойте их! Ищите свою мелодию и ритм...

4. ВАЛЕЕВ РАВИЛЬ (ЭТАПЫ 1 И 2)

***Убежав из сумки чёрта (тема 1 – украинский гопак) ***

Автор: Валеев Равиль

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=346826&pid=231&nom_id=643

Украинский гопак – тема интересная и трудная. Приятно, что автору близки украинские фольклорные мотивы, еще приятнее, что автор предлагает свое поэтическое видение фантастической рождественской сказки Н.В.Гоголя и делает это здорово!

...Гопака не спляшет мёртвый.
В танце светится веселье.
Он – от бед и горя зелье,
Украины волшебство....

Ну что еще сказать, добавить? Наверное, стоит добавить мнения членов жюри, они интересны, поучительны и полезны разностью точек зрения.

НТ: Интересно и удачно применение сквозной рифмы. Яркая образность и эмоциональность прибавляют красок стихотворной истории. Вполне по-гоголевски, только в стихах. Все-таки выбивается из народного фольклорного стиля слово «уперто», так как оно принадлежит к нынешнему модному сленгу и во времена Гоголя явно не использовалось. Но к описанию летящих Солох очень даже подходит...:)

СО: Тема 1 – интересная. Спасибо автору, что он решил за неё взяться, но о гопаке только упоминание. Но, прочитывая этот стих, я чувствовал дух Украины. Что и хорошо.

ИГ: Понравилась сквозная рифма. Картина яркая. Впечатлило всё. Вроде, всё давно известно, но как по-новому заиграли краски!

*** Я поплачу, с любимой прощаясь (тема «Разбитое сердце»)**

Автор: Валеев Равиль

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=348809&pid=233&nom_id=652

НТ: Суровая, трагическая правда жизни в точных, жестких и отчаянных образах.

ИГ: Сколько тихой внутренней боли. Здесь всё в тему.

АП: 1) Чувства безнадежности, невозвратности, потери... Понимаю автора. Однако, слишком много анатомических подробностей и больничного реализма. Не уверен, что именно так и надо;

2) «Забитый», «дряпает», «безнадёжности ворох», «как ослик» – не есть правильные формы слов, нужна ли в данной ситуации мера в применении? Не знаю. ...

Несмотря на неоднозначность оценок, но сумме двух этапов – очень достойное выступление Равиля в конкурсе!

5. НИКОЛАЙ КОТЕНЕВ (ЭТАПЫ 1 И 2)

***Не слушай доводов рассудка (Автор доопределил тему - Сокровище в руках) ***

Автор: Николай Котенёв

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=346889&pid=231&nom_id=643

Первое впечатление после прочтения стихотворения – броско, звучно, и даже хлестко. Привлекает искреннее желание автора поделиться выстраданными истинами и предостеречь читателя от возможных ошибок. Но при попытке анализа, что именно и почему понравилось, возникают вопросы. Понравилась вязь слов – скрижали с плюрализмом, дьявол с механизмом и молниеносные решения, когда жизнь на волоске. Каждое поэтическое произведение имеет цель, сверхзадачу, которые определяют вид, структуру, фабулу и форму. Стихотворение можно отнести к дидактической поэзии, поучению, попыткой поделиться не только настроением, но и жизненным знанием, сообщить некие правила и алгоритмы поведения в критических ситуациях, требующих обязательного своевременного приятия решений. Благая цель! Однако данная форма произведения требует предельной четкости мысли, оточенности фраз, тщательного выбора терминологии и подбора слов. Иначе, при любой неточности, натяжке,

читатель мгновенно обнаруживает декларацию, риторику, агитацию и теряет интерес к предмету стихотворения. И в этом случае никак не выполнить специфическую установку дидактической поэтики – «miscere utile dulci» (соединять приятное с полезным, рекомендованную Горацием в «Науке поэзии»...

Суммируем впечатления, замечания и пожелания членов жюри.

НТ: Стихотворный призыв к умению «все на карту бросить» довольно эмоционален и искренен. Но, на мой взгляд, исполнение несколько простовато и декларативно.

«Забудь, что писано в скрижалях,
В беде излишен плюрализм»...

Обычно в скрижалях писаны непреложные истины и правила, а плюрализм – множество мнений и истин... Где логика?

От молниеносного решенья,
От рук и мыслей быстроты,
Зависит наше настроенье
На грани света, темноты...

Первая строка нарушает ритм.

ИГ: Тема интересная. Но. Начинается, как поучение к действию, а заканчивается обобщением «мы».

Рифма: «рассудка – шляпку» не звучит, рифма всего стихотворения простая, словно автору некогда было думать о серьезной рифме.

«Ведь дьявол» – читается ВЕ ДЬЯВОЛ

«Ведь жизнь на волоске» – ведь ЖИЗЬНА волоске

«Потом расставишь, после – точки...»

Потом, после – повторение, ослабевающее мысль автора, а никак не усиливающее.

О последнем катрене – сбой ритма.

АП:

2. В первой строке последнего катрена сбой в размере.

(10) От молниеносного решенья,

(08) От рук и мыслей быстроты,

(09) Зависит наше настроенье

(08) На грани света, темноты... – Невнятная фраза, невнятная мысль, отсюда и сбои. От «рукимыслей»???

4. «...дуло на виске...» – почему не у виска? Приставить дуло к виску можно, а вот «положить» дуло на висок никак нельзя, на виске нет полочек и крючков. Я так думаю.

Одинокий поэт (тема: одиночество)

Автор: Николай Котенёв

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=349431&pid=233&nom_id=652

Хорошо передано настроение, запоминающаяся ритмика, замечательно передана тема одиночества. Поэт всегда одинок, если он поэт, таково жизненное наблюдение. Стихотворение подтверждает эту максиму.

Широко применяемая, гуляющая из стихотворения в стихотворение уже лет 50, рифма «одиночество/ имя-отчество», буквально режет глаз, хотя в данном контексте выглядит обоснованной;

«...Ускользает перо, с цепких пальцев на стол опьянённого...» – невнятная фраза, грамматически правильно бы было «выскальзывает перо из цепких пальцев...»

«...ИзлишнЕ подробности», может, все-таки «...излишнИ подробности»? Пожелание автору – поработать над пунктуацией.

6. ВЛАДИМИР КОЛОДКИН (ЭТАПЫ 1 И 2)

***Ночь (Тема - Этюд) ***

Автор: Владимир Колодкин

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=245749&pid=231&nom_id=643

Этюд, показывающий благоговение и трепет автора перед величием мира и бесконечностью вселенной.

И по форме, и по содержанию – безупречно. И даже мелкие недочеты в пунктуации работают на основную тему. Такой этюд имеет право на самостоятельное существование, как состоявшийся факт поэзии. Какой же мощности и красоты должно быть развернутое полотно, законченное произведение, созданное на основе и в развитие такой зарисовки?

Не устаю удивляться и радоваться, до чего же хорошие стихи поданы на конкурс!

*** Безысходность (тема «Одиночество»)***

Автор: Владимир Колодкин

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=263245&pid=233&nom_id=652

Форма стихотворения – исповедь-жалоба, требует отточенного мастерства, чтобы не впасть в ту или другую

крайность. Автор смело берется за сложную инструментовку. Уважаемая ИГ проницательно заметила, что «...В стихотворении видится не простое одиночество души. Здесь серьезная ностальгия по земле родной, по душевному покою среди своих...». Для меня (АП), как читателя, дорого также то, что, вместе с темами – источниками творчества (сожалениями об утраченных времени, возможностях, счастье) звучит основная тема – ностальгия, тоска по родине, грусть о временах и событиях, прошедших и не наступивших, о прошлом, о Должном быть, о несостоявшемся. И скрытая, но всепоглощающая надежда на лучшее будущее. Прекрасное стихотворение!

Рискуя остаться в меньшинстве и быть не понятым коллективом жюри, тем не менее, замечу некоторые незначительные погрешности: «...И заветные не сбылись слова/ В одиночестве моего креста...» – красиво, но непонятно; спорные словосочетания и архаизмы «...До родной земли не рукой подать...» «...А душа мозжит...», «... норов мой тщетно входит в раж...» – выглядят искусственными вставками, «не в такт» примененное *crescendo*, *imho*.

Однако, все же, нельзя не признать – блестящее выступление в конкурсе. Поздравляем!

7. ВАСИЛИЙ ЮДОВ (ЭТАП 1)

***ВЕЧОРИ (Тема - Сокровище в руках) ***

Автор: Василий Юдов

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=346903&pid=231&nom_id=643

Стихотворение написано по-украински, замечательные напевные строки, мелодия слышится даже при чтении с листа. Автор также представил прекрасный эквиметрический перевод на русский язык, сохраняющий размер, стиль и ритм стихотворения, так, что можно спеть песню на ту же мелодию. Несколько замечаний жюри можно отнести к трудностям перевода. Да не обидится читатель и уважаемые члены жюри НТ, СО, ИГ и АП за попытку суммировать отзывы синтезировать виртуальную дискуссию об этом.

НТ: Удачная зарисовка с гармонично сочетающейся пейзажной и любовной лирикой.

Несколько смущает неправильное использование падежа в строке (возможно, это произошло только в русскоязычном

варианте):

«Вот солнце уже спрятало все зайчики свои» («...зайчиков своих»).

Также в строке: «А звездочки на небе плела сова-луна» – плела?

Образное сравнение луны с совой очень понравилось.

СО: Вот солнце уже спрятало все зайчики свои», – только в одной строке три слова-паразита «вот, уже, все».

«В сиянии лунном тешиться край родины моей», сбой ритма.

ИГ: Интересно было прочитать песню в двух вариантах. Русский вариант:

«Вот солнце Уже спрятало...» – ударная «У».

«К пыланью фонаря» – меня немного удивила эта фраза. Может, не «пыланью», а что-то другое? Но это дело автора.

Последний катрен, вторая строка:

«В сиянии» – выбивается из ритма.

АП: «...Вот солнце уже спрятало все зайчики свои» («...зайчиков своих»)» – сравните «...лучики свои...», а также «...берегите друзей своих...» и «...экономьте свои силы...», здесь дело в одушевленности или неодушевленности. Конечно, жалко, что солнце не считает зайчиков своими детьми, но, если исправить на «зайчиков своих», то размер и ритм не пострадают. Однако, право автора...

«...В сиянии лунном тешится край родины моей...» – конечно же, правильнее «... В сияньи ...»

По поводу слов-паразитов, вставок – естественно, однозначно, вполне, вроде, таки, согласен :) Можно предложить почти правильный вариант, сохраняющий мелодию и шарм оригинала «...Под вечер солнце спрятало всех зайчиков своих...». В украинском варианте прекрасная строка «... Ген, сонце закотилося за дальній гаї...». Почему в переводе изменен текст оригинала? Есть абсолютно непередаваемые оттенки фраз и строк, сказанных на близких и родственных языках, в чем заключается их особая прелесть. Попробуйте адекватно перевести строки гениального стихотворения Т.Г.Шевченко ставшего народной песней, «Рече та стогне Дніпр широкий»:

Ще треті півні не співали,
Ніхто ніде не гомонів,
Сичі в гаю перекликались,
Та ясен раз у раз скрипів.

Последнюю строчку аутентично перевести на русский язык, насколько мне известно, не смог ни один профессиональный поэт-переводчик. Признаюсь, что мне это также не удалось! А ведь строка интуитивно, фонетически и образно понятна даже читателю, не знающему украинского языка! Лучшим современным переводом стихотворения Википедия считает перевод Антона Морозова (<http://stihi.ru/2011/05/29/8171>):

И петухи в селе молчали,
И гомонить никто не смел.
Сычи друг друга окликали,
Да ясень сучьями скрипел...

...Не будем упрекать автора в попытке подменить прекрасную оригинальную песенную строчку стихотворным контентом перевода.

Так что, наша благодарность В.Юдову, плюс за українськомовний и русскоязычный варианты песни, + за то, что это авторская песня, + за то, что песня хорошая, лирическая, про любовь.

8. КСЕНИЯ ГОРОХОВА (ЭТАП 1)

***Ух, ты! (Тема - Этюд) ***

Автор: Ксения Горохова

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=332356&pid=231&nom_id=643

Этюд понравился. Лихо! Учтывая, что этюд, как правило, пишется крупными мазками, возможно, не стоит придирается к неоднозначностям «каблук гремит в прогулке», «арбузы затмевают фрукты», к объему стихотворения.

Хотя, с другой стороны, в стихотворении такого объема, каждое слово, образ, интонация имеют особое значение, помните «...Тучки небесные, вечные странники...»?

Слово жюри:

НТ: Увлекательно, незаурядно подана извечная тема осени. Образы оригинальные. «Прохладный водяной горошек» – интересная находка. Не совсем удачным показался образ «гремящего каблука» в прогулке.

ИГ: Этюд соответствует теме, или тема – этюду. Есть взаимосвязь.

«Каблук гремит» – как-то грубовато...

«Деревья головой качают» – Если деревья, тогда головами, а дерево – головой. Здесь маленькое несоответствие.

В последнем катрене инверсия.

А предпоследняя строка – ушла в сторону ударная:

Читается «радостЯм».

АП: Не знаю, дорабатываются, корректируются ли живописные и музыкальные этюды? Уверен, что поэтические этюды, зарисовки, конечно, могут быть дополнены и улучшены более точным штрихом, образы отточены, оттенены или высветлены автором. Тем более, такой выразительный и красочный этюд, как «Ух, ты!».

9. ВЕЛАНА АСВА (ЭТАПЫ 1 И 2)

***Счастье... Пусть повторится... (Тема – Этюд) ***

Автор: Велана Асва

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=346960&pid=231&nom_id=643

Этюд, я бы добавил, что еще и сокровище.

Из отзывов членов жюри, поэтического и прозаического:

«...Мне нравится эта жизнеутверждающая мелодия! Когда ж ещё, если не в молодости?...» (Израиль Рубинштейн);

«Пусть он повторится...

Новый день их счастья...

Их новый день...

Новый день...

Вот он - новый день...»

Доброе утро! Как красиво он начался сегодня. Спасибо!» (Эд Гемадзе);

«... Солнечное произведение. Импонирует необычность подачи, образность, эмоциональность, красочность текста...» (Наталья Троицкая);

«... Текст заслуживает внимания. Хороший сюжет...» (Станислав Огненный);

«... Белый стих заворожил, увлѣк сюжетом, игрой света и любви...» (Ирина Горбань).

Поддерживаю все добрые отзывы, присоединяюсь к общему благоприятному мнению, а также и особенно к доброжелательным советам Натальи Троицкой еще «... немного поработать над текстом, чтобы исключить частые повторы слова «их»... Допускаю, что автором специально использован частый повтор слова «их», но, на мой взгляд, слишком частый... А вот слово «это» в повторах смотрится вполне гармонично, усиливая смысл предложения...»

... А все-таки здорово, что автор свободно и смело применяет

поэтические приемы – анафоры, эпифоры, редифы, создавая новое, пронзительное и привлекательное звучание стиха :)

Новые знакомства нас обновляют... (тема – одиночество)

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=344919&pid=233&nom_id=652

Стихотворение одной строки «Новые знакомства нас обновляют...», конечно, смело, оригинально, броско. Стихотворение оставляет достаточно благоприятное ощущение, есть глубина, философия и опыт, переживания души. Но ритмика в достаточно длинном стихотворении (38 строк), все-таки, несколько утомляет. Удачные приемы предыдущего стихотворения здесь играют некоторую дезорганизующую роль – «она, они, ее», постоянно повторяясь, могут запутать читателя в следовании действующих лиц. Олицетворение персонажей Одиночества, Интриги, Веры, Любви создает эффект мелькания, впечатление отрешенности, академичности, литературности.

Современный читатель не особо стремится расшифровывать, распутывать, распознавать сюжеты, ситуации, скрытые конфликты. Если удалось привлечь и остановить его внимание, заставить задуматься – в этом есть удача автора. А вдохновить к со-чувствию, со-переживанию, со-трудничеству души – его задача. Уверен, что такому сильному автору, как Велана Асва, эта задача по плечу.

10. ВЯЧЕСЛАВ АНЧУГИН (ЭТАП 1)

***В Михайловском (Тема - Сокровище в руках) ***

Автор: Вячеслав Анчугин

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=346963&pid=231&nom_id=643

Тема стихотворения благодатная, все, что связано с Пушкиным, с пушкинскими местами – сокровище. Читается легко, на одном дыхании. Впечатляет необычное образное сравнение рощ с «клеткой без замка» и описание «неистового декабрьского заката», рвущего душу, а также приятно удивил образ «вселенной на кончике пера» (НТ).

К сожалению, недочеты:

(08) Здесь рощи золотистые

(06) Как клетка без замка,

(08) И душу рвет неистовый

(05) Декабрьский закат....

В последней строке этой строфы сбой размера (везде 08/06/08/06). Впрочем, некоторые слова произносятся не так, как пишутся, читая «декабрьский», с количеством слогов будет все нормально (ИГ).

– непонятное согласование времен и скрытое ненавязчивое присутствие субъектов стихотворения, сначала автор (наш современник) жалеет о том, что добираться в Бахчисарай приходится подводой, а не такси, потом, постепенно, вводится персонаж «он», (ясно, кто), у кого вселенная на кончике пера. Возможно, в этом есть свой смысл и прелесть хорошего стихотворения :)

11. ЭД ГЕМАДЗЕ (ЭТАП 1)

***Там, где она. (Тема - Сокровище в руках) ***

Автор: Эд Гемадзе

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=346968&pid=231&nom_id=643

Пересказывать и объяснять прекрасные стихотворения – дело сложное, неблагодарное, а мы и не будем. Автор уже все сказал сам, лирично, элегично, глубоко, поучительно, мудро. Попробую синтезировать общее мнение жюри

«...Напомнило гамлетовское: «Быть или не быть?» :) Стихотворение-рассуждение, итог которого (рассуждения) заранее предрешен:

...Пусть будет всё, как есть...

Я остаюсь с тобой...

– всепобеждающая сила любви.

Очень понравился образ «двойного отрицания».

Стихотворение пронизано печалью, болью, надеждой.

Текст хорошо сложен, автор отлично передал настроение.

Прекрасное посвящение!»

12. МУСА ТУЛЯКОВ (1 ЭТАП)

***Гопак (Тема - Украинский гопак) ***

Автор: Муса Туляков

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=346979&pid=231&nom_id=643

Порадовали эмоциональность и полное соответствие теме. Энергичное «Есть в танце и воля, и сила,/И клич боевой, эй

гоп!», оптимистичное «Хоть сердце трепещет в угаре,/ Эй, гоп! Продолжает Гопак» и мудрое «...горечь и радость побед...» увлекают, привлекают и, вместе с тем, заставляют задуматься...

Мелодика и ритм стихотворения звучат, даже, несмотря на сбои в размере, неточные рифмы и нечеткую пунктуацию. В первой и третьей строфе вторая строчка выбивается из размера, не хватает одного слога.

Легко исправить, например:

...

(09) В истории все происходит,

(08) Как надо, ИЛЬ КАК-ТО, не так...

...

(09) Есть в танце и воля, и сила

(08) И клич боевой, ХОП, эй гоп!

Летающие шаровары, тугая мчащая энергия – неоднозначные, задерживающие внимание, но, в общем-то, неплохие находки. Стихотворение запомнилось.

13. ЯН КАУФМАН (ЭТАП 1)

***ГРЕХОПАДЕНЬЕ (Тема - Сокровище в руках) ***

Автор: Ян Кауфман

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=288061&pid=231&nom_id=643

Тема святого и грешного, возвышенного и плотского, размышление о том, что есть земная любовь, отвага и безрассудство влюбленных... Хочется подойти к произведению (в варианте, представленном на конкурс) комплексно, и эмоционально, и рационально, но постараюсь быть краток.

Эмоционально – нравится, сюжет актуальный во все времена, грехопаденье всегда вызывает сонм эмоций, а с возрастом, бывает, понимаешь, что держал сокровище в руках...

Вопросы вызывают некоторые моменты:

– что такое в данном контексте «...желанье рук...»? Неоднозначно. Можно понимать по-разному. И, если понимать по-разному, то почему «...вдруг...»?

– ... постричься, сбросить сутану... – может быть, все-таки «расстричься», то есть лишиться сана, выйти из духовного звания? Совершить действие, обратное постригу?

– «...постричься, сбросить сутанУ,

Молясь на грешную лунУ...» – во всех падежах слова «сутАна», ударение падает на второй слог (см. <http://udarenieru.ru/index.php?doc=818382B0BDB0>);

– ... во искупление при всех... = по-моему, недостает запятой после «во искупление».

Но, и до, и после представления на конкурс, стихотворение собралось на сайте множество разнообразных отзывов. Остается согласиться с мнением уважаемого Израиля Рубинштейна: «Аплодирую автору! Аплодирую оппонентам и сторонникам! Вон сколько выступлений! Значит, достучался автор, задел за живое!»

14. ИЗРАИЛЬ РУБИНШТЕЙН (ЭТАП 1 И 2)

***Гибель Атлантиды (Тема - Сокровище в руках) ***

Автор: Израиль Рубинштейн

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=273997&pid=231&nom_id=643

Стихотворение практически классическое. Ассоциируется с мандельштамовским

...Бессонница. Гомер. Тугие паруса.

Я список кораблей прочел до середины...

Глубоко, блестяще, познавательно, иронично и с тонким юмором.

Ностальгия (Тема «Одиночество»)

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=273588&pid=233&nom_id=652

Стихотворение практически безупречно по форме и содержанию. Особое значение имеет указание времени и места действия: Кергелен, 1971. Это значит, что образы не умозрительные, а взятые из жизни, сурового морского бытия, мораль, метафоры и образ мыслей не риторические, не официально-героические, как принято было писать в то время, а простые и понятные человеку.

Замечательно написано, для участников и читателей конкурса есть чему удивиться и поучиться!

15. ВЕРА СОКОЛОВА (ЭТАПЫ 1 И 2)

***Суббота. Вечер. Середина мая (Тема – Этюд) ***

Автор: Вера Соколова

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=337970&pid=231&nom_id=643

«Этюд, действительно этюд. По-настоящему! Эмоционально точное попадание!» (АП); «Вот так просто – о вечном: доброте, драматизме ускользящего момента, быстротечности брэнного существования и возможности хоть немного изменить ход событий в лучшую сторону: «Пойду-ка я, куплю тебе цветы» (НТ); «Великолепно! Автор поработала на славу. Какие образы! Какие чувства! (ИГ)

Далее – снова АП. Техника:

– будем считать, что вторая и третья строфа написаны ритмопрозой, нет желания определять размер, да и нужно ли?;

– третья строфа и четвертая строфа. Смелый, блестяще примененный прием, когда автор, женщина, ведет повествование от лица мужчины. Учитесь, литераторы!

Мнение всех членов жюри однозначно, высший балл, победитель этапа!

Шут (Тема - Одиночество разбитого сердца)

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=348481&pid=233&nom_id=652

Победитель, «удачник», находящийся на гребне успеха, всегда привлекает особое внимание, окружающие возлагают на него особые надежды и особые требования. Интересная тема и всегда неординарный сюжет... А в данном случае – «...драматичный, даже трагичный сюжет. Хотелось бы более развернутого обоснования гибели шута. Понятно – и «лицо печальное», и «на руке любимой кольцо обручальное», но можно было бы усилить личную драму дополнительным катреном для большей эмоциональности. А так – впечатление, что что-то осталось за кадром...» (НТ); «...мне немного не хватило сюжета. Так интересно началось, и вдруг обрывается тема. Хотелось бы более яркой рифмы. Но в целом – интересно...» (ИГ).

Так все-таки тема «Одиночество» или «Разбитое сердце»? Автор определяет «Одиночество разбитого сердца», возможно, так для стихотворения точнее. Взволнованность и экспрессию автор пытается передать с помощью рваных строк и ритма (неплохо), а вот неопределенный, гуляющий размер создает

эффект диссонанса (imho). Лексика спорная: «зубьями в небо поднятый»? Не лучше ли «зубцами»? Искусственность оборотов речи вызывают вопросы и снижают впечатление от, в общем-то, неплохо задуманного стихотворения.

«...Бывали здесь и принцессы,
и Золушка,
и все говорили шёпотом:
«Вот уж как?!»

Трудно советовать заменить сладкую парочку почти запрещенных в поэзии «УЖей и КАК» на одинокое «КАК», на более удобозвучащее «Как же так?!», но логика развития темы, вероятно, это позволяет.

Я долго искал аналогичные сюжеты с более оптимистичным развитием и итогом. Безысходность ситуации есть ли безвыходность? Перебирая простейшие и виртуозно «закрученные» варианты, начиная с блатного персонажа, который «...по проспекту с Манькой гулял...», в гениальном исполнении барда Аркадия Северного, продолжая историей Эдмона Дантеса, графа Монте-Кристо, заканчивая драмой Леона Плошовского (Г.Сенкевич, «Без догмата»)... но это казалось малоубедительным и нежизненным. А все вспоминалось:

«Я любил...
Не стоит в старом рыться.
Больно?
Пусть...
Живешь и болью дорожась...»

В.Маяковский, «Про это»

Сюжет практически тот же, исход такой же. Увы...

Очень, очень хорошее, сильное впечатление от стихотворений Веры Соколовой в конкурсе!

16. ШАРГОРОДСКИЙ АНДРЕЙ ВАДИМОВИЧ (ЭТАП 1)

***Я не писал картины маслом (Тема - «Сокровище в руках» ***

Автор: Шаргородский Андрей Вадимович

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=346878&pid=231&nom_id=643

Воспоминания о жизни, память рода, ностальгия – хорошо описано, все по теме, настоящее сокровище. Да еще с темой «Этюд» замечательно перекликается. Эмоциональная, простая история, попытка подведения итогов. Однако, сбой размера в

первом катрене сразу понижает впечатление о прекрасных намерениях:

- (09) Я не писал картины маслом,
 (09) Я не писал вообще картин,
 (09) Все мысли были о прекрасном,
 (08) Но вот пришла пора седин.

Вообще-то, слово «вообще» является очень коварным для стихосложения, потому, что произносится, как «вобще», звучит, как «абще» и тем самым, непреднамеренно нарушает ритм, вносит замешательство при чтении текста (выглядит и произносится по-разному). Пишущему об этом нужно знать и учитывать.

Второй катрен, безличное «... и побежало, как субтитры...» (что побежало? все побежало?)

– ...И то, что проносилось мимо,

Сбивая с роз моих росу... – не очень внятная фраза, если уж что-то мощное проносится мимо, сбивая (!) с роз росу, так это очень высокоточное оружие, потому, что, проносящееся мимо, как правило, росу сдувает.

Все стихотворение (например, три последние катрена). Сначала автор говорит о себе, пишет от первого лица. Потом обращается к читателю на «Вы». Затем, завершающей строкой, призывая читателя не забыть обо всем этом, вдруг переходит на «ты».

Есть еще несколько стилистических ошибок и менее заметных поमारок, снижающих впечатление. Стихотворение, конечно, можно доработать, отполировать. Благородные побуждения, замечательная идея нуждаются в достойном и добротном воплощении.

17. ВАЛЕРИЙ РЫБАЛКИН (ЭТАПЫ 1 И 2)

***Украина моя (Тема – украинский гопак) ***

Автор – Валерий Рыбалкин

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=325302&pid=231&nom_id=643

Боль души, трепет и память сердца в этом стихотворении. Общее мнение жюри:

... Гопака нет здесь, но есть Украина. Сильное, искреннее, эмоциональное, наполненное душевными переживаниями автора произведение, к тому же профессионально исполненное. Не накаляет страстей, не обличает – просто и

мудро выражает утонченную и глубокую печаль. «Мои раны саднят, чуть присыпаны перцем», «чуть» – не совсем удачно и точно здесь. Вся боль проблем военных в этом произведении...»

Очень достойное произведение.

Бомж (Одиночество)

Автор: Валерий Рыбалкин

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=349138&pid=233&nom_id=652

В стихотворении есть боль, понимание ситуации и безысходности, искреннее сочувствие. Интересны удачные попытки внутренней рифмы.

Имитация блатной песни или бардовской песни должна быть безупречной. Это только кажется простым. В этом рецензент совершенно твердо уверен. Обидно, когда такая имитация сделана непрофессионально, представляет собой вторую или третью копию.

Увы и ах, в данном тексте много прямых и не прямых цитат и заимствований:

«Окунувшись в простор голубой», «и разбилась о быт/ Моя с первого взгляда любовь!», «И ушёл Одиссей от жены, от детей», «И носило меня, как лихого коня/ По стране от весны до весны»;

Очень длинно для стандартной жалобы на лихую судьбу: «От тоски одиночеством душу свело», «Ну, а в зоне, понятно, там волчий закон», «Лучше было б себя, как Иисуса распять»; конструирование строк в размере «кровь-любовь».

Уважаемые поэты! Изучайте и анализируйте жанровые, блатные, дворовые песни! В них много интересного, полезного и поучительного!

18. ОЛЕГ БЕСКРОВНЫЙ (ЭТАП 1)

Там, вдали

Автор - Олег Бескровный

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=345456&pid=231&nom_id=643

Этюд, этюд осенний... волшебная вязь из слов ... бесчисленные кружева, что плетет Любовь..., цепочка иных путей... – не могу объяснить себе, почему нравится... Карма и Душа – с большой буквы? Автор их одушевляет (извините за тавтологию)? В этом что-то есть...

19. СЕРГЕЙ БАЛИЕВ (ЭТАПЫ 1 И 2)

***Черные липы на белом снегу (тема 2) ***

Автор: Сергей Балиев

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=301819&pid=231&nom_id=643

Четкие карандашные этюды всегда нравятся. Предполагается, что линии выверены, неоднозначные полутона исключены: «Черные липы на белом снегу – /графика зимнего дня». Размерность (10)(7)(10)(7) редкая, оригинальная, строго соблюдается. Однако, видятся и неуверенные штрихи, неоднозначная, нечеткая лексика:

... Мир холодеет, застыв на бегу,

жар до весны схороня (?)...– деепричастие несовершенного вида, какое-то скользкое, в значении то ли «похоронив», то ли «сохранив, спрятав»;

... словно бы одолено... (читается, как «быдолено» (быдлолено), или «обдолено», согласен с Ефимом Морозом, взгляд спотыкается, язык не поворачивается произнести написанное);

...грезя (?) в плену ледяном... деепричастие настоящего времени, хотя и допустимо, но звучит не по-русски, одна из версий значения слова грезить – грешить (от старославянского гр?хъ). Загадка для читателя, шарада для юриста;

... лишь ты один вскроешь в сердце нарыв... нечто неудобочитаемое и непредставимое, вероятно, в этом случае даже Светлый не поможет;

– «склеивание» слов, различная «инерционность» слов, приводящая к столкновениям,

... Зимний мой РАЙВШИрь и ввысь...

... ИЛЬЭТО ангел крыла распростёр...

Общее впечатление благоприятно, есть удачные находки, например, душа, запевшая навзрыд...

Сны мои разгадай (тема: одиночество)

Автор: Сергей Балиев

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=335979&pid=233&nom_id=652

Тема стихотворения скорее откровение-исповедь, чем «Одиночество». Беспокойство сердца, тревога души.

Эмоционально, сильно, внятно.

Лексика вызывает вопросы и внутреннее сопротивление у читателя: архаизмы с неологизмами, смесь «французского с нижегородским». Такой набор слов не кажется логически обоснованным содержанием: «... мне дано не понять», «... в ком прожект обгоняет прожект», «...тенёт кракелюр», «... жил искони», «... скорлупа – хоть в коростах – прочна, как на грех». Возможно, это поиски автором своего стиля. И верится, что философская триада: «количество переходит в качество через меру», сработает.

20. ОЛЬГА КОРОЛЕВА (ЭТАПЫ 1 И 2)

***Ораниенбаум. Китайский дворец (этюд) ***

Автор: Ольга Королева

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=347218&pid=231&nom_id=643

Не будет преувеличением сказать, что стихотворение произвело на жюри глубокое впечатление. Необычные образы, живые символы дворцово-парковых ансамблей... Одухотворенная история о наяде... Разговор с утопленником – это что-то! Безглагольность! Классицизм и серебряный век... Отличная работа!

Еще полчаса... (Разбитое сердце)

Автор: Ольга Королева

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=349144&pid=233&nom_id=652

И второе стихотворение впечатлило жюри, расставание и прощание – близкая тема для каждого. Основные претензии к автору – стихотворение слишком короткое. Перечитал несколько раз, тем не менее, не могу согласиться с предлагаемыми словесными конструкциями:

«Вдруг заметил он голосом тихим», «стойкой мукой/ Отводил от меня десять бед»?

«Кроме преданности в раю ...» – это о чем?

Конечно, этюд, набросок, зарисовка... А как же тогда классическое: «Я целый год писал экспромт...»?

21. СЕМЕН ГУБНИЦКИЙ (ЭТАПЫ 1 И 2)

***Бредя тропой классического текста: «Лошади шли шагом...» [тема 2] (эюд к повести в стихах «Капитанский сынок») ***

Автор: Семен Губницкий

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=347243&pid=231&nom_id=643

НТ: Интересно. Попытка переделки повести «Капитанская дочка» под поэму «Капитанский сынок», несомненно, блестяще удалась, за что «браво» автору :). Финальную иронию, несколько смахивающую на сатиру, и как член жюри, и как читатель, принимаю за благополучный прогноз, обещанный автором. Особенно греют душу глобальные обещания:)

Единственное, на чем я споткнулась в тексте: «Садилось солнце, все покрыто снегом». То ли солнце «все покрыто снегом», то ли «ВСЕ покрыто снегом»...

ИГ: Вот и добралась до последних строк и остановилась.

Такое яркое повествование завершилось нашими будничными проблемами – конкурсом. С юмором подошел автор к заданию.

АП: Я долго искал, к чему придраться, не нашел. Иронический прикол в последней октаве вызвал в моей измученной душе даже понимание. Семен, це зворушливо!

Вокзал — Базар [тема-маршрут 1 (713)]

Автор: Семен Губницкий

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=349263&pid=233&nom_id=652

ИГ: Какая-то историческая дорожка получилась. Мне не понравилось слово «мешочники» Приходилось выживать, но это так режет слух (ИМХО)

НТ: Экскурсия по Харькову в виде поэтического произведения – интересна и весьма познавательна. Особенно впечатлили комментарии в прозе. Несколько неудобным при чтении оказалось периодически обращаться к сноскам – теряется впечатление от прочтения самого стихотворения.

АП: Немного не согласен. Знаю по собственному опыту, что, порой, а иногда и, как правило, затекстовые примечания и комментарии бывают гораздо интереснее основного произведения и читаются с большим интересом :)

Базарная тема – в поэзии очень сложная. Я ждал подобного стихотворения, вдохновленный примером:

На Перовском на базаре шум и тарарам,
Продается все, что надо, барахло и хлам.
Бабы, тряпки и корзины, толпами народ.
Бабы, тряпки и корзины заняли проход.

Есть газеты, семечки каленые,
Сигареты, а кому лимон?
Есть вода, холодная вода,
Пейте воду, воду, господа!

(В.Высоцкий, На Перовском на базаре..., Исполнялась в спектакле «10 дней, которые потрясли мир», послушать: <https://www.youtube.com/watch?v=mqe7j8V3tYY>).

Для знатоков и ценителей, в исполнении А.Северного «На Николаевском базаре» <http://zv.fm/artist/32006?page=14>

В связи с ошибкой в Положении – стихотворение принято и участвует в конкурсе.

Порадовал Семен Губницкий, ну, молодец! И блеснул мастерством, и посмешил, и покритиковал, и поиронизировал. И, ведь, напомнил:

...
Вон Емелюшка Шуку мнет в руке –
Шуке быть ухой, вкусным варевом.
Черномор Кота продает в мешке –
Слишком много Кот разговаривал.

Говорил он без тычка,
Без задорины –
Все мы сказками слегка
Объгорены.
Не скупись, не стой, народ
За ценою:
Продается с цепью Кот
Золотою!

И еще:

...
Мы беду-напасть подожжем огнем,
Распрявим хребты втрое сложенным,

Меду хмельного до краев нальем
 Всем скучающим и скукоженным!

Много тыщ имеет кто –
 Тратьте тыщи те!
 Даже то – не знаю что –
 Здесь отыщете!
 Коль на ярмарку пришли –
 Так гуляйте, –
 Неразменные рубли
 Разменяйте!

(В.Высоцкий, Скоморохи на ярмарке, песня из к/ф Иван да Марья, послушать – <https://www.youtube.com/watch?v=knXenIzJncU>)

22. АЛЕКСАНДР СОРОКОВИК (ЭТАПЫ 1 И 2)

***Жизнь (тема 3: Сокровище в руках) ***

Автор: Александр Сороковик

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=343792&pid=231&nom_id=643

Замечательное, сильное, спокойное, мудрое произведение, посвященное извечному протеканию жизни. Жизнь – сокровище в руках. Об этом стихотворение. Размер, ритм, такт, мелодия – безупречны.

Рифмы, в общем, без замечаний, кроме сильной/рубины. Логико-смысловые построения, метафоры – на хорошем уровне, особенно понравилось:

... Следуя пчелиною тропюю...

... Только ветви становились круче,

Уходя от устремленья лестниц... (кто собирал плоды и ягоды с высоких деревьев, поймет и оценит:)

Но тут же, сразу:

... Потемнело небо гроздью тучек –

Хмурых запустения предвестниц... (ну почему гроздь тучек – предвестница именно «запустения»? Ведь до поздней осени еще далеко! И дальше:

... А в вершине сморщенную кистью

Горсть засохших ягод стынет в муке... (со словом мУка у людей моего поколения связаны стойкие ассоциации с революционными партийными песнями конца 19-начала 20

века. В принципе, по смыслу, интонации, слово вроде бы, к месту, а вот, некое внутреннее противодействие и неприятие в душе вызывает).

Запятые и ударения! Не будем перечислять, надеюсь, автор увидит и исправит.

В конце масленицы... (тема: Одиночество)

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=339944&pid=233&nom_id=652

Светлое, красивое, душевное стихотворение. Так же, как у автора, в душе наступает умиротворение, несмотря на то, что я тоже не люблю бесснежный февраль. Стихотворение – настроение, как правило, пишется на одном дыхании, не отрывая пера от бумаги и не снимая рук с клавиатуры...

Тем не менее – «остановиться, оглянуться», лишнее вычеркнуть, недостающее добавить, невнятное поправить... И тогда бы неустойчивые словосочетания «... Не плещет в душе веселье...», «... Взлелею молитвы крохи...», «... Вплетён в непогасший вечер...» заменились бы на более запоминающиеся, крепкие строки.

Однако, очень достойное выступление автора в обоих этапах и конкурсе в целом.

23. ЛЯХОВЕЦКИЙ АРКАДИЙ (ЭТАПЫ 1 И 2)

Солнышко-небушко. (Тема 3 «Сокровище в руках»)

Автор: Ляховецкий Аркадий

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=293150&pid=231&nom_id=643

Стихотворение очень удачно соответствует теме «Сокровище в руках». Лирично, образно, философично, со связью времен, читается легко, воспринимается без вопросов, в памяти остается. Чуть навязчиво – речитатив, скороговорка репера не совсем вяжется с лирическим настроением сожаления, присущим теме. Однако, детские пионерские песенки в речитативе запоминаются надолго.

Неточная рифма считается богатой, будящей подсознательную фантазию читателя в рамках его чувства необходимости разнообразия. Однако, не настолько неточную, как:

лаком/галактики, крылья/отрыва, горном/угодник.

Ошибки в размере, строчки 7, 10 имеют лишний слог. Сбой

в порядке чередования ударений (на мой слух), строчки 15, 17, 21.

ОТЕЛЬ / Тема: «Одиночество»

Автор: Ляховецкий Аркадий

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=348776&pid=233&nom_id=652

Запоминающаяся образность, светлая грусть, жизненная мудрость, смирение с приговором судьбы...

«...Светлые и темные начала,
Горечь слов и остроту потерь –
Все смешал и уголил печали
Деревенский маленький отель...»

...

«... Помолчим. Будить не будем лиха,
Примем очищенье тишиной.
Женщина и ночь равновелики,
Навсегда прощаются со мной...»

Женщина и ночь равновелики – прекрасная строка, но контекст следующей строки «Навсегда прощаются со мной» логически в согласии с предыдущей, а поэтически – нет.

Однако, лирический заряд стихотворения такой, что хочется снова и снова перечитывать и цитировать, видеть такие знакомые и неожиданные картинки, где «... деревенской улицы пространство/ плотно заштриховано дождем...», и даже труднопроизносимый «... клин домов фахверковой постройки»...

Сильное стихотворение победителя второго этапа.

24. ПАВЕЛ МУХИН (ЭТАПЫ 1 И 2)

***В канун Рождества (этюд) ***

Автор: Павел Мухин

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=297050&pid=231&nom_id=643

Образно, красочно, запоминается и оставляет впечатление. Этюд, больше похожий на зарисовку, набросок. Образы быстрые, неразработанные, «нанесенные» на бумагу одним инструментом, я бы сказал, карандашом, хотя автор пытался изобразить что-то мелом.

Понравилось, что автор пытался передать настроение, местами, как бы, задыхаясь, останавливая и убыстряя ритм. К сожалению, imho, по моему, это ему не совсем удалось. Читатель, конечно, может ничего не знать о дольниках,

паузниках, тонической и силлабо-тонической системах стихосложения, но имеет право на «простой и прочный русский стих».

Пример. 3-я строка стихотворения:

«... Может, не было в ней на людей обид...»

Может, все-таки «... не было у нее...»?

Если вспомнить, что во 2-й строке речь идет о принцессе, сошедшей в серебре на землю, то, как-то удивительно, что она может являть собой сосуд для сбора обид, сожалений, жалоб, и т.п. Я не утрирую и не вредничаю - так написано.

Скажете, что не совсем по-русски, а по-украински, так почти что понятно? Хоть у нас конкурс и украинский, но, считаю, что писать нужно, либо по-русски, либо по-украински. Суржики – интересны и допустимы, конечно, но только, как прием, характеризующий персонажа, или в виде иронии.

Кстати, 4-я строчка, с точки зрения внутреннего содержания (насчет дремлющих внутри бурь) отторжения не вызывает :)

Возвращаясь к размерам и ритмам. Дольник, тактовик, знак разделителя-заполнителя «эт» (или «эс»), давайте оставим теоретикам стихосложения. Что на практике? Немного преобразуем внешний вид стихотворения и посчитаем, все-таки, слоги:

(10) У зимы сегодня чудесный вид –

(12) Как принцесса сошла в серебре на землю.

(11) Может, не было в ней на людей обид,

(12) Или бури и вьюги в ней только дремлют?

(11) Может, праздник хотела она встречать,

(12) И расправила белые в небе крылья...

(11) Блеском инея ставила нам печать,

(09) Подпись черкала снежной пылью?

(11) Может, очень любила она леса,

(12) Их дубравы, поляны, тропинки, гати?

(11) Стройных сосен ее увлекла краса...

(11) И зима для каждой пошила платье?

(11) Может, нежно несла всем благую весть

(12) /очень веские были на то причины/?

(11) Или тайное что-то в обрядах есть,

(11) Когда снег идет и горит лучина?*

- (11) Может, в грезах хотела затмить весну,
 (12) Всех в канун Рождества удивить нарядом?
 (10) Поглядишь в окно – ну и как уснуть,
 (11) Если столь прекрасное видишь рядом?!

Если это дольник (вероятно, 11-12-11-11), то строчки 1, 4, 8, 19, все же, «хромают». И тоника здесь ни при чем (как говорят в армии – «пусть безобразно, но единообразно»), присутствующие в жюри барды со мной согласятся.

Этюды пишутся для памяти, для совершенствования мастерства, для дальнейшего развертывания в большое полотно. В стихотворение автор вложил хороший ритмический и образный потенциал, надеюсь, что сможет реализовать его возможности.

Несостоявшаяся встреча (Разбитое сердце)

Автор: Павел Мухин

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=349323&pid=233&nom_id=652

Интересные образы, рифмы. Хорошо передано прерывистое дыхание, запыхавшегося в метаниях по перрону юноши, его отчаяние от не сбывающихся надежд и трагического восприятие неудач... «Жизнь молодая досрочно загублена...» Стихотворение, безусловно, запоминается именно юношеским максимализмом, проявляющимся в строе неожиданных образов «... Рыщет глазами, хватается важного/ Связь в сердце рвется нехлопкобумажная/ Пульс учащен до значения красного...», «... Щелкни же, Бог, наконец, выключателем! ...»

Фактически это два стихотворения, с разным размером. Возможно, нужно было бы поставить 1), 2), или двоеточие и прямую речь после строчки «...Вязь нежных слов – стихотворца оружие...»

Лексика спорная и поэтому неоднозначная: «... разно – голосица», «... против людотечения», «... Облик ее в его правом предсердии...», «Слово любовь здесь разбилось о камень!».

25. АЛЕКСАНДР АБРАМОВ (ЭТАП 2)

Наташа (тема «Разбитое сердце»)

Автор: Александр Абрамов

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=326275&pid=233&nom_id=652

Симпатичное стихотворение, сценка, притягивающая взгляд, ненавязчивые философские обобщения о природе памяти, времени, воспоминаний... Интересна предложенная авторам система отсчета времени

... Пусть эпизод совсем неброско
В архивы памяти течет,
Порой по сдобе из киоска
Ведется времени отсчет...

Не уверен, что выбранная автором тема соответствует содержанию стихотворения. Ну, разве что, «Разбитое сердце» автора... Оригинальные образы, стилистика, лексика порой вызывают вопросы

«...Как та пейзажка у корытца
Тех, что гадя и вереща...
Виднелись крепкие копытца
Из-под короткого плаща...»

Интересно, почему именно копытца, и чьи копытца в кадре? Мне строфа очень понравилась!

«...На чудо меньше двадцати», «...Внутри пернатых едоков»!?

Стихотворение на удивление оптимистичное и жизнеутверждающее. Немного бы доработать...

26. ИВАН ГАБОВ (ЭТАП 2)

Один-ночество

Автор: Иван Габов

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=258989&pid=233&nom_id=652

Оригинальное стихотворение, название, интересная форма, четко оформленные образы. Ночное бессонное чередование мыслей... Вуузелы – слово локально-болельщицкое-спортивно-репортажное. Но, может быть, применено обоснованно, как дополнительный источник бессонницы, из-за неприятно-тревожных звуков.

Жаль, форма стихотворения не предполагает знаков препинания, поэтому возникают вопросы про «бра» и «читать»: «туалетный столик белый_

Бра_шуршащие страницы
и считать пустое дело»

«один-ночество», «единением стаканным» – словоформы-
образы, взятые из глубины, от основ языка.

Один-ночество... Точное попадание!

27. АЛЕКСАНДР ДИВЕЕВ (ЭТАП 2)

Звёздные колокольчики (Одиночество)

Автор: Александр Дивеев

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=295574&pid=233&nom_id=652

Музыка присутствует в стихотворении не только от звучания звездных душ-колокольчиков, но и как мощная гармония небесных сфер, и как отзвук, резонанс в душе читателя. И даже музыкальная фраза из другой реальности «... поезд жизни земной всё стоит на запАсном пути?». Но авторская мелодия звучит созвучно, общим аккордом, пусть в гармоническом миноре, но с мажорной доминантой:

...Станут звёзды вокруг потихонечку блёкнуть и падать.
Колокольчиков звон... он Божественной лире сродни...
Переполнит к утру души звёздные светлая радость:
Как же! – вспомнили их, если в окнах проснулись огни...

Прекрасное выступление во втором этапе конкурса!

28. ВЛАДИМИР ШИШКОВ (ЭТАП 2)

Впустую... (одиночество)

Автор: Владимир Шишков

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=348747&pid=233&nom_id=652

Экспрессивно, с душой, стремление противостоять неизбежности, пустоте жизни, с верой в лучшее.

Некоторые обороты речи, расстановка ударений и пунктуация вызывают вопросы:

«... Никогда не вернутся потери
Из далёких и близких могил...»

...

«... Но в избытке на сердце снега...»

«... осталась в надгробьях семья...»

...

Не спешно!!? Может быть «неспешно»?

...

ПрожИта? ПрожитА!

...

Жизнеутверждающая, дающая надежду строчка:

«...Лишь в любви не встречается смерть!...»

Хорошая, правильная мысль, но над исполнением необходимо поработать.

29. ЕГОР КОВАЛЕНКО (2 ЭТАП)

Я верный /Тема «Одиночество»/

Автор: Егор Коваленко

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=348817&pid=233&nom_id=652

Собачья верность, бескорыстная любовь к хозяину, ожидание – извечные темы литературы. Белый Бим Черное Ухо, Мухтар, Белый Клык, Лесси, пудель Арто – можно продолжать и продолжать. Написать о верности четырехлапого друга и его готовности отдать жизнь за хозяина – благородное, но трудное дело для писателя. А это благородное дело стоит усилий по работе над ошибками и шлифовке произведения.

(04) Я верный пес

(07) Со шрамами над ухом

(08) Я службу очень долго нес

(07) Не упавая духом

(04) Я верный пес

(07) Пусть шерсть моя седеет.

(10) Я защищу тебя и в мире грез

(07) Душа-то не истлеет

(04) Я верный пес

(07) Что любит лишь хозяйку

(08) И пусть давно не чует нос

(11) Но в запахе твоём найду лазейку

(04) Я верный пес
 (06) Что глотку грыз не раз
 (08) Ведь я щенком с волками рос
 (06) И остр мой старый глаз

(04) Я верный пес
 (06) Я видел этот свет
 (10) Я рад, что к вам меня сей мир принес
 (08) Я прослужил немало лет

(04) Я верный пес...
 (06) И скор уже мой час...
 (08) Морфей уж жизнь мою унес....
 (06) Но я не бросил вас!

Размер гуляет, нужно определится с дыханием и ритмом строк, стихотворение приобретет стройность.

Слова – ритмические вставки: очень, упавая, душа-то, уже, ведь – попробовать заменить, фраза очистится, зазвучит.

«...Морфей уж жизнь мою унес....» – невнятно, Морфей – бог сновидений, сын бога сна Гипноса. Жизнь унести он никак не может. Жизнь могут унести либо сама Смерть, либо ангелы смерти, либо любой из богов смерти (а их в мифологии разных народов очень много). И, конечно, голод, болезни, война и другие бедствия.

Уж!!! Повторю знаменитое правило написания стихов: «ужи», «вши» и «каки» – враги поэзии!

У собак своя служба, у поэтов – своя. Надеюсь, поэты меня поймут правильно.

30. СВЕТЛАНА ИЛЛАРИОНОВА (ЭТАП 2)

Обезболивающее/ Тема: одиночество/

Автор: Светлана Илларионова

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=348129&pid=233&nom_id=652

Мерцательная аритмия в размере стихотворения дает удивительный эффект сопереживания, узнавания-вспоминания чего-то давно знакомого, своего, личного.

«...Нам всем знакома эта губительная страсть,

Поэтому не стоит повторяться...»

(Б.Окуджава, «Арбатский романс»)

Однако, повторяемся снова и снова... Ученые считают,

что любовь – болезнь, и болезнь заразная, передаваемая «... некими флюидами, то есть слабыми электромагнитными импульсами (так что стрелы Купидона — это не фантазии поэтов, а вещь весьма конкретная). Частоты совпали — и вот она, любовь!». А также – наркотик, вызывающий привыкание, а в случае отмены – синдром депрессии. В тяжелых случаях лечится методами геной психологии... Депрессию одиночества врачуют надеждой и стихами...

(05) Что для него был, –

(05) то для тебя боль.

(05) Ветром несёт пыль.

(06) Тучи бы – дождевой,

(05) чтоб охладить пыл

(04) прошлых обид.

(01) Но

(06) кто-то включить забыл

(06) облачность за окном.

(06) На «три-четыре» – вдох.

(06) Крепко зажмурь глаза, –

(05) в сон стережёт вход

(06) солнечный паж – фазан.

(02) Выдох...

(04) Вздохи воды

(06) слышно едва-едва.

(07) Это уносит река

(06) горечи острова.

Небольшой объем стихотворения не позволяет точно определить «нарушение» ритма: 5/5/5/6/4/+1/_ 6/6/6/6/5/6/+2/_/4/6/7/6. Отклонение от стандарта, образца, может восприниматься рецензентами и читателями по-разному, но здесь я принимаю сторону читателя.

НТ: Необычность построения стихотворения и удачные образы («солнечный паж – фазан») скрашивают некоторые погрешности в рифме. Хорошо прослеживается эмоциональная окраска стихотворения – от болезненно-чувственной в начале, до некоторого умиротворения в финале...

Дает ли стихотворение надежду? Является ли обезболивающим? Читатель знает...

31. СЕРГЕЙ ВОРОШИЛОВ (ЭТАП 2)

Старое костровище /Одиночество/

Автор: Сергей Ворошилов

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=143682&pid=233&nom_id=652

Костры и пепелища – излюбленная тема при описании угасших любовных чувств. Здесь же у автора другая задача: ностальгия об ушедшем друге, «...Для меня будто ветром задуло костер/ Он вчера не вернулся из боя...».

Грусть и сожаление, мудрость и понимание неизбежности, ряд запоминающихся образов – сильные стороны стихотворения.

«... Паутинится дней быльё,
Память нить в лабиринте ищет...
Я случайно нашёл своё,
Очень старое костровище...»

...

«... Вот и новый огонь дрожит,
Лижет пламя снежинок стаю.
И снежинки летели жить,
А приходится просто таять...»

...

«... Как живое, глядит «вчера»,
Огоньками моргая грустно...»

Благородно, неординарно, но местами, случайная лексика и искусственные конструкции

«... Голой веткой моргая грустно...», «... Шапку тискает в хруст кулак,/Взгляд упёрся в ноябрь морозный...» снижают впечатление.

Стоит ли возвращаться к старым костровищам, когда «... Одиноко. Тоскливо. Пусто...»? Вероятно, стоит.

32. НАДЕЖДА КУТУЕВА (ЭТАП 2)

Оставили песню неспетой (Тема 2: «Одиночество»)

Автор: Надежда Кутуева

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=341891&pid=233&nom_id=652

Длинноразмерное стихотворение (15/15/15/15), напевное, нравится! «...Тревожа шуршанием модного снова вельвета...»

– вкусная строка, периодически мода на вельвет возвращается, и новые вельветовые вещи замечательные, непередаваемые звуки издают, причем мелкий рубчик именно мягко шуршит, а крупный еще и поскрипывает... Хочется процитировать наиболее удачные строки, но в этом случае придется привести стихотворение полностью. ..

Замечательное ностальгическое настроение красивой осенней грусти!

33. ИГОРЬ КОЛЕСНИКОВ (ЭТАП 2)

Разговор с отцом (Одиночество)

Автор: Игорь Колесников

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=349039&pid=233&nom_id=652

Не открою большого секрета в том, что войдя в возраст, каждый сын мысленно беседует ушедшим отцом, рассказывает, спрашивает, советуется, иногда спорит... В этом нет мистики, а есть преемственность поколений и память рода. Казалось бы, разговор сына с ушедшим навсегда отцом, простой разговор двух мужчин... Но я бы не обольщался простой формы и содержания стихотворения. Можно верить или не верить в переселение душ, колесо Сансары, но каждый подсознательно догадывается, что очищение кармы, передача добрых традиций и поступков, есть задача сына, который в свою очередь, становится отцом... Хорошая, добрая идея стихотворения, правильные, мудрые строки.

В некоторых моментах подбор слов, оборотов, лексических конструкций, вызывает вопросы:

«... ржавые клеммы...», «... с тобой по тропинке мы в лес...», «... застыв истуканами...».

«... Визит был достаточно кратким...», на этой фразе задерживается взгляд, – на кладбище не визиты совершают, а ходят или посещают...

«... Но шёл я под парусом крыл...» – непонятно, и не очень правильно, но красиво.

34. СЕРГЕЙ СИМАКОВ (ЭТАП 2)

Автор представил два стихотворения. В соответствии с Положением, в конкурсе участвует первое поступившее (День пограничника (Одиночество)). Стихотворение «Прощальная

песня (тема «Разбитое сердце»), в конкурсе не участвует.
На всякий случай, кратко прорецензирую оба.

День пограничника (Одиночество)

Автор: Сергей Симанов

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=349217&pid=233&nom_id=652

Тема взаимоотношений с «бывшей», или с «бывшим», да еще вынужденных жить под одной крышей – извечная тема, богатый сюжет для поэзии. Разные поэты решают ее по-разному. Надеюсь, что такой прием, как сопоставление в данном разборе допустим и поучителен. Сопоставим стихотворение Андрея Вознесенского «Старофранцузская баллада» и стихотворение Сергея Симакова «День пограничника».

СТАРОФРАНЦУЗСКАЯ БАЛЛАДА

Мы стали друзьями. Я не ревную.
Живёшь ты в художнической мансарде.
К тебе приведу я скрипачку ночную.

Ты нам на диване постелешь. «До завтра, —
нам бросишь небрежно. – Располагайтесь!»
И что-то расскажешь. И куришь азартно.

И всё не уходишь. А глаз твой агатист.
А гостья почувствовала, примолкла.
И долго ещё твоя дверь не погаснет.

Так вот ты какая – на дружбу помолвка!
Из этой мансарды есть выход лишь в небо.
Зияет окном потолковым каморка.

«Прощай, – говорю, – моё небо, – и не понимаю,
как с гостьей тебя я мешаю. —
Дай Бог тебе выжить, сестрёнка меньшая!»

А утром мы трапезничаем немо.
И кожа спокойна твоя и пастозна...
Я думаю: «Боже! за что же? за что же?!»
Да здравствует дружба! Да скроется небо.
1972

ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

Жизнь корёжим простыми словами...
Мы, друг друга безмерно любя,
СЛОВОМ непреднамеренным сами
от себя отдаляем себя.

Бередя застарелые раны,
как вином, упиваясь виной,
мы, как будто с тобой в разных странах,
хоть, при этом – под крышей одной.

А вины и в бинокль не видно.
Страсть тревогу трубит на трубе!
Неприступная крепость обиды
не даёт подступиться к тебе.

Это ж надо такому случиться...
Что же мы сотворили с собой?
Между мной и тобою – граница
и с обеих сторон – часовой!

2015

Стихотворения схожи по теме, по накалу страстей, различны по сюжету, форме, степени владения авторами поэтической фразой, образным языком. В стихотворении С.Симакова сразу заметен сбой размера в третьем катрене. У А.Вознесенского стихотворение представляет собой т.н. «опрокинутый хвостатый сонет», написанный со всеми возможными нарушениями классических ритмов, порядка чередования рифм и других «неправильностей», которые для читателя совершенно незаметны. И, если у А.Вознесенского зияющее «потолковое» окно не выглядит приземленным просторечием, потому, что стоит на своем, восходящем в небо месте, –

... Так вот ты какая – на дружбу помолвка!
Из этой мансарды есть выход лишь в небо.
Зияет окном потолковым каморка...»,

то у С.Симакова фразы, снижающие и огрубляющие стиль «Жизнь корёжим простыми словами...», «Это ж надо такому случиться...», поднять в небо значительно сложнее (хотя и возможно)...

Читатель, при желании, может продолжить сопоставление и сравнение.

И мне кажется, что рядом со стихотворением выдающегося русского классика, произведение нашего автора выглядит вполне достойно.

***Прощальная песня (тема «Разбитое сердце»)**

***Автор: Сергей Симанов**

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=349218&pid=233&nom_id=652

Замечательные, неожиданно свежие фразы о триумфальной арке любви, недосказанно протанцевавшей электричке, о реке Исеть, которая рифмуется со смертью (а как же тогда Тобол и Тавда? :)), теряются на фоне сырых, не проработанных «Жизнь, она наподобье подарка», «боль и радость на каждом шагу».

Прощальная песня – прощание с кем, с чем? На электричке не уезжают навсегда. Электричка – это надежда на возвращение, на достижимость «вдогонку» (хотя бы в смысле расстояния) желаемого...

«... и печаль, и разлука, и смерть...» – хорошенькое такое пророчество... в совокупности с «... потому что простить не могу...» создают впечатление опасения за жизнь автора... А вот этого не надо, у Вас хорошие стихи!

35. НАДЕЖДА ЦЫПЛАКОВА (2 ЭТАП)

***Слышишь?!! (тема «Одиночество»)**

***Автор: Надежда Цыплакова**

http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=343684&pid=233&nom_id=652

По жанру стихотворение – обращение, жалоба, молитва. Впечатляет, но от начала до последней строчки идет некое снижение накала, и заканчивается просто просьбой «... Я так люблю его, слышишь... прости... / пожалей меня!..» особый художественный прием, запоминается!

Замечания на полях:

1) «... Пяльцами искрово / млечную заметь...» – может быть, все-таки, заметь (заметь – церковнославянская форма);

2) Вариации в размере допустимы, но в последнем катрене сбой, либо что-то пропущено (рядом со словом «вишни»)

Общее мнение жюри: Тема оправдала себя с лихвой. Красиво, надрывно, больно Фонтан эмоций, сила и образность в каждом катрене. Отличные рифмы. Достойный призер этапа!

Авторы журнала

Биографические справки

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Сергей Анатольевич родился в Харькове (1956). Окончил факультет иностранных языков ХГУ. Печататься начал в 1989 году. Публиковал переводы с португальского, испанского и английского. Участник многих антологий. Автор книги «Факсимиле. Стихотворения и переводы» (2007). Живёт в г. Харькове.

ДОВЖЕНКО Елена Борисовна родилась в Харькове (1948). Окончила ХГУ им. М.Горького, филфак. Много лет работала в Книжной палате УССР и в музыкально-театральной библиотеке им. Станиславского. Живёт в г. Харькове.

КУЛИШКИН Георгий Семёнович родился в Харькове (1950). Окончил ХГУ им. М.Горького, филфак. Работал в сфере бытового обслуживания населения. Публиковался в центральной и местной печати. Автор двух книг (1987, Москва, «Молодая гвардия», 2016, Харьков). Одна из его книг экранизирована. Живёт в г. Харькове.

МИРОШНИЧЕНКО Анатолий Михайлович (1939) родился в Макеевке Донецкой области. Окончил металлургический факультет Донецкого политехнического института (1962). Поэт, переводчик, эссеист. Автор 15 книг (Харьков, Москва). Член Союза писателей России (1996) и Национального союза писателей Украины (2004). Лауреат Международной литературной премии «Слобожанщина» (2006) и Премии Союза писателей России «Имперская культура» имени Эдуарда Володина (2011). Живёт в г. Харькове.

МОЛОДЫЙ Вадим родился, жил и работал в Москве. По образованию врач-психиатр. Совмещал лечебную, научную и литературную деятельность, занимался психопатологией художественного творчества. С 1990 года живёт в Чикаго. Автор семи поэтических книг. Регулярно публикуется в западной и российской периодике и антологиях. Ни в каких союзах, объединениях, клубах, партиях и группах не состоит, никаких наград и премий не имеет, в литературных единоборствах, поединках, соревнованиях, конкурсах, дуэлях и марафонах не участвует. Живёт в г. Чикаго (США).

ПЕТРУША Александр родился на Сахалине (1952). Закончил Киевский политехнический институт. Работал в НИИ и КБ. Публиковался с поэзией в альманахах и журналах России, Украины, Молдовы. Автор трех книг. Живёт в г. Киев.

СМИРНОВ Сергей Александрович родился в Норильске (1953). Закончил МГУ им. М.В. Ломоносова. Геолог-геоморфолог, работал в Средней Азии, на Крайнем Севере, на Арктическом шельфе России. В «перестройку» сменил много профессий - таксист, плотник, костолов, грузчик, камнерез... Пишет прозу с 80-х годов. Неоднократно печатался в литературных альманахах Норильска, журналах Красноярска, альманахе (Чикаго-Москва). Член Союза писателей Таймыра. Живёт в Норильске (Россия).

ТИЛЬНА Ольга Анатольевна родилась в Харькове (1978). Закончила Харьковскую областную специальную гимназию для слепых детей им. В.Г. Короленко с золотой медалью. Высшее образование получила на украинско-английском отделении филфака Харьковского государственного педагогического университета им. Г.С. Сковороды. Поэзии и переводы неоднократно звучали в телепередачах и на радио. Печаталась в областной и республиканской периодике, в журналах для незрячих, а также в литературных журналах и антологиях в русских, английских и немецких переводах. Автор шести сборников стихов. Лауреат Всеукраинского конкурса «Новые имена Украины» (1999). Член Национального Союза писателей Украины с 2003 года. Живёт в г. Харькове.

ТИМЧЕНКО Виктор Петрович родился в с. Мануїлівка в Харьковской области (1930). Окончил Харьковскую школу слепых им. Короленко. Директор издательства «Шаг». Почетный гражданин г. Дергачи и Дергачевского р-на Харьковской обл. Автор 16 поэтических сборников. Лауреат двух литературных премий: им. В. Мисика, им. К. Гордиенко. Член НСПУ с 1959 г. Живёт в г. Дергачи.

ШЕРЕМЕТЕВА Татьяна (наст. имя — Татьяна Юрьевна Малинина) родилась в Москве. Окончила филологический факультет МГУ. Работала в Индии, Швейцарии. С 2009 года вместе с мужем, сотрудником ООН, живёт в США. Российский прозаик, член Американского ПЕН-центра, член Национального союза писателей США, член Международной гильдии писателей. Призёр 26-ти международных литературных конкурсов. Лауреат Национальной литературной премии России «Писатель года». В её активе более 300 публикаций в литературных журналах России, США, Канады, Германии, Украины и Беларуси. Живёт в г. Вашингтон (США).

СОДЕРЖАНИЕ***ПОЭЗИЯ***

Віктор ТИМЧЕНКО. Слобожани	3
Анатолий МИРОШНИЧЕНКО. Золотники	12
Ольга ТІЛЬНА. В коловороті буднів	104
Елена ДОЛЖЕНКО. Прекрасное не исчезает в Лету	146
Вадим МОЛОДЫЙ. Добро и зло оставив за порогом...	152
Сергей АЛЕКСАНДРОВСКИЙ. Жизнью позабытые аккорды	198

ПРОЗА

Георгий КУЛИШКИН. Из «Мужского романа»	17
Татьяна ШЕРЕМЕТЕВА. Свой народ	112
Сергей СМЕРНОВ. Подковній гвоздь	163

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александр ПЕТРУША. Обзор конкурса «Творческая Украина-2015» в номинации «Поэзия»	204
--	-----

<i>АВТОРЫ ЖУРНАЛА</i>	245
------------------------------------	-----

Литературно-художественный журнал

СЛАВЯНИН

№29

Гл. редактор Л.И. Мачулин
Редактор отдела поэзии Р.А. Катаева

Корректор *А.Н. Балабанова*
Художественный редактор *В.В. Вербицкий*
Вёрстка *А.И. Забродин*

Подписано к печати 30.06.2016. Формат 70x108 1/16.
Бумага офсет. Печать офсет. Гарнитура PragmaticaCond СТТ. Уч.-изд. л.
14,70. Изд. №8. Зак. №__. Тир. 300 экз.

Учредитель: ООО «Институт Восточно-славянской цивилизации».
61012, Харьков, ул. Полтавский шлях, 9, кв.1, 1А.

Адрес редакции для писем:
а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.
e-mail: editor01@list.ru
<http://slvn.org/>

Издатель: Мачулин Л.И.
61057, г. Харьков-57, ул. Рымарская, 17, оф.14.
Свидетельство о госрегистрации: сер. ХК №125 от 24.11.2004 г.
ISSN 2221-9331